

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1907.

№ XX.

ОКТАВРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:	Стр.
Поученіе, сказанное 26 октября въ Харьковской Дмитріевской церкви въ концѣ литургіи. <i>Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.</i>	I—VI
Къ вопросу о бракѣ. <i>Д. Брянцева.</i>	143—153
Религіозно-политическія воззрѣнія ветхозавѣтныхъ ложныхъ пророковъ въ ихъ борьбѣ съ истинными пророками Іеговы. (Окончаніе). <i>Н. Лысогорскаго.</i>	154—169
Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“. (Опытъ психологической критики). (Продолженіе). <i>Н. Боголюбова.</i>	170—196
Русская духовно-академическая философія, наизвѣстнѣе предшественница славянофильства и университетской философіи въ Россіи. (Окончаніе). <i>Александра Никольскаго.</i>	197—230
„Соціализмъ“ въ изслѣдованіи Виктора Катрейна. (Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія). (Продолженіе). <i>Священника Н. Дипскаго.</i>	231—244

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, наъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Журналы Сѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 19 сентября 1907 года.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Церковная благотворительность въ средѣ духовенства Харьковской епархіи за послѣднее десятилѣтіе. *Священника Даниила Попова.*—„Вы—свѣтъ міра“. (Продолженіе). *Священника Николая Загоровскаго.*—Миссіонерскій листокъ. Церковно-миссіонерскія братства и ихъ значеніе въ борьбѣ съ сектантствомъ. *Григорія Щелкова.*—Библиографическая замѣтка о книгахъ Дим. Ив. Боголюбова. *Л.*—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 245—286).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ ад. Присут. мѣсть.
1907.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣла богословско-философскаго. Въ него входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ челоуѣка и во времяязычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относяціяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 р. 50 к. за каждый годъ; по 6 р. за 1890—1897 г., по 7 р. за 1897—1902 годы. За 1903 г.—9 р. и 1904 г. 8 р., за 1905 г. 9 р. и 1906 г. 10 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

4. „СОВЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1906 г. Цѣна 40 к.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

ПОУЧЕНІЕ

Высокопреосвященнаго Арсенія,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

сказанное 26 октября въ Харьковской Дмитріевской церкви
въ концѣ литургіи.

Къ настоящему благолѣпному богослуженію, возлюбленные братія, для вашего назиданія и спасенія присоединимъ нашу бесѣду о небесномъ покровителѣ сего храма, и васъ—прихожанъ онаго—о Святомъ Великомученикѣ Дмитріѣ Солунскомъ Чудотворцѣ, память котораго нынѣ празднуемъ, и поищемъ въ жизни, страдаціяхъ и копчій его уроковъ для нашей жизни. Родители Св. Великомученика Дмитрія были богатые и знатные граждане гор. Солуни, отецъ его занималъ должность правителя Солуни, гдѣ и былъ любимъ и уважаемъ всѣми гражданами, за его человеколюбивую жизнь; родители Св. Вел. Дмитрія были христіане тайные, такъ какъ въ то тяжелое время христіанъ гнали и преслѣдовали, тысячами избивали въ темницахъ, на площадяхъ, въ циркахъ и другихъ мѣстахъ языческихъ увесельій; поэтому многіе христіане исповѣдывали вѣру Христову тайно, чтобы открытымъ исповѣдываніемъ не навлечь на Церковь Христову еще большихъ несчастій.

Очастливая семейная жизнь родителей Св. Велик. Дмитрія омрачалась лишь тѣмъ, что у нихъ не было

дѣтей, и они усердно молили Бога, дабы Онъ даровалъ имъ утѣшеніе имѣть потомство, и когда Богъ услышалъ молитву и даровалъ имъ сына, радовались этому не только родители, но и граждане, какъ повѣствуется въ житіи Св. Велик. Димитрія; раздѣляли радость съ своимъ любимымъ правителемъ; это ясно свидѣтельствуетъ о той любви и томъ уваженіи, которыми пользовались родители Св. Димитрія среди гражданъ многолюднаго города Солуни. Въ своемъ домѣ благочестивые родители Св. Велик. Димитрія имѣли внутреннюю тайную комнату, гдѣ находились дорогія христіанскія святыни, украшенные золотомъ и драгоценными камнями, именно: икона Спасителя и Возіей Матери. Сюда, въ эту тайную комнату, часто приводили родили малолѣтняго Димитрія, и здѣсь рассказывали ему о Спасителѣ нашемъ, пролившемъ свою пречистую кровь за спасеніе людей, о чудесахъ и ученіи Спасителя и о Его Пречистой Матери, и вложили въ душу дитяти крѣпкую несокрушимую вѣру въ Господа и горячую ревностную любовь къ христіанской вѣрѣ.

Какой прекрасный примѣръ для подражанія нашимъ отцамъ и матерямъ! Въ наше пагубное и грѣшное время такое воспитаніе явилось бы самымъ настоящимъ врачеваніемъ нравственныхъ недуговъ и бѣдствій переживаемыхъ нами. Правда, маловѣрующіе и невѣрующіе люди говорятъ, что дѣтей нельзя и не нужно учить Христовой вѣрѣ и молитвѣ въ младенчествѣ и юныхъ лѣтахъ, такъ какъ они по словамъ этихъ людей не способны понять и воспринять эти уроки... Но какое заблужденіе! Нѣтъ, примѣръ молящейся матери неизгладимо ложится на сердце дитяти; подъ вліяніемъ этого святого примѣра начинаетъ жить, расти и развиваться у него святое чувство вѣры и благодатной молитвы. Старцы на склонѣ лѣтъ, уже приближающіеся къ ис-

ходу изъ этого міра, съ умиленіемъ и любовію вспоминають о первыхъ урокахъ молитвы, данныхъ имъ примѣромъ благочестивой матери; святое чувство дѣтской вѣры и горячая дѣтская молитва великое утѣшеніе даже въ воспоминаніяхъ...

Подъ вліяніемъ благочестиваго воспитанія, Св. Вел. Димитрій сталъ ревностнымъ христіаниномъ, отличаясь въ то же время умомъ и тѣлесной красотой, такъ что по кончинѣ своего отца Св. Велик. Димитрій, несмотря на свою молодость, былъ сдѣланъ начальникомъ — княземъ гор. Солуни. Въ то время той половиной Имперіи, гдѣ находился гор. Солунь, правилъ Императоръ Максиміанъ, грубый и жестокій гонитель христіанъ. По его распоряженію христіанъ гнали съ необыкновенной злобой и силой; множество ихъ было замучено пытками, множество было отдано на растерзаніе звѣрямъ, множество умерло въ темницахъ, кровь святыхъ мучениковъ лилась ручьями... земля была пропитана кровью св. мучениковъ, какъ говорится въ церковныхъ пѣсняхъ... Св. Велик. Димитрій не только не скрывалъ, что онъ христіанинъ, а наоборотъ съ рѣшительностію и великимъ мужествомъ проповѣдывалъ св. вѣру и своимъ примѣромъ поддерживалъ Солунскихъ христіанъ въ предстоящихъ имъ страданіяхъ. Конечно, о великомъ исповѣдникѣ св. вѣры узналъ императоръ Максиміанъ и воспылалъ противъ него гнѣвомъ и злобою. Св. Велк. Димитрій зналъ, что ожидаетъ его отъ жестокаго гонителя, а потому черезъ своего вѣрнаго слугу и ревностнаго христіанина Луипа сдѣлалъ свои послѣднія распоряженія. Отпустилъ рабовъ на свободу и роздалъ свои имѣнія. Императоръ Максиміанъ, прибывъ въ Солунь, потребовалъ Димитрія къ себѣ и здѣсь повелѣлъ ему отречься отъ Христа. Доблестный исповѣдникъ, вмѣсто отреченія отъ Христа, сталъ вразумлять самого Максиміана проповѣдью о

Святой Троицѣ, о распятомъ за насъ Христѣ Спасителѣ нашемъ и о нашемъ спасеніи. Великимъ дерзновеніемъ счелъ эту проповѣдь жестокой гонитель и повелѣлъ подвергнуть Св. Велик. Димитрія тяжелымъ пыткамъ и мученіямъ, но Св. Великомученикъ Димитрій мужественно перенесъ эти страданія, и былъ заключенъ въ темницу. Между тѣмъ, императоръ остался въ городѣ и продолжалъ гоненіе на христіанъ. По прежнему въ циркахъ и театрахъ во множествѣ христіанъ отдавали на растерзаніе звѣрямъ, заставляли ихъ насильно вступать въ борьбу съ языческими бойцами, или просто сбрасывали ихъ на поставленные внизу копья. Особенно много пострадало христіанъ отъ нѣкоего Лія, силача и любимца императора. При огромномъ стеченіи народа - язычниковъ, находившихъ удовольствіе въ пролитіи крови безвишнихъ св. мучениковъ, этотъ силачъ Лій, въ угоду императору, цѣлыми десятками въ единоборствѣ сбрасывалъ христіанъ внизъ—на поставленные копья; казалось, не было сильнѣе руки этого безбожнаго бойца, но Господь поразилъ его: между христіанами нашелся юноша Несторъ отличавшійся силою и мужествомъ, онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на кровожаднаго Лія, и въ его душѣ явилась мысль выступить на борьбу съ кровожаднымъ силачемъ. Но онъ предъ своимъ рѣшеніемъ пошелъ въ темницу, гдѣ находился Велик. Димитрій попросить его совѣта и молитвъ. Св. Вел. Димитрій благословилъ Нестора на единоборство съ Ліемъ, и Несторъ съ вѣрою въ помощь Господа и съ призываніемъ Его св. имени поразилъ жестокаго мучителя; Лій былъ сброшенъ на копья; ужасъ императора Максиміана былъ такъ великъ, что онъ не могъ спать нѣсколько ночей. Ковечно пострадалъ и юноша Несторъ и принялъ мученической конецъ. Но когда узналъ императоръ Макси-

міанъ, что Несторъ былъ воодушевленъ къ борьбѣ съ Ліемъ Св. Вел. Димитріемъ, онъ въ порывѣ злобы послалъ нѣсколько воиновъ, и тѣ убили копьями великаго стратотернца, а тѣло бросили тутъ же въ темницѣ. Вѣрный слуга Велик. Димитрія Луппъ и др. христіане, тайно унесли тѣло изъ темницы и предали его погребенію. Св. Велик. Димитрій пострадалъ въ 306 году. Вскорѣ послѣ его смерти замученъ былъ и его вѣрный слуга Луппъ, который прибралъ и сохранилъ обгаженную кровью одежду своего господина, возлагалъ ее на больныхъ и многіе больные исцѣлялись; это многихъ обратило ко Господу, но обратило и вниманіе гонителей на Луппа, и онъ былъ мученически умерщвленъ. Когда гоненія прекратились, по усердію вѣрующихъ былъ сооруженъ небольшой храмъ надъ могилой Великомученика Димитрія, при которой совершались многія чудесныя исцѣленія отъ болѣзней. Съ теченіемъ времени христіане, чтя въ бѣдахъ заступника и въ болѣзняхъ помощника Св. Велик. Димитрія, построили вмѣсто бывшаго малаго, большой великолѣпный храмъ. Когда копали рвы для храма, обрѣли гробъ стратотернца и, раскрывши его, увидѣли тѣло Великомученика нетлѣннымъ, а самый гробъ наполненнымъ чудодѣйственнымъ мѣромъ, одна капля котораго подавала исцѣленіе многимъ страждущимъ.

Православная русская церковь, принявшая святцы съ востока, первоначально праздновала память Св. Вел. Димитрія наравнѣ съ другими святыми, но въ 1381 году Великій Князь Димитрій Іоанновичъ Донской, праздновавшій въ день памяти Св. Вел. Димитрія свое тезоименитство, отличилъ этотъ день навсегда особымъ воспоминаніемъ. Въ то время Русская земля переживала ужасы татарскаго ига, казалось конца не будетъ тяжелымъ днямъ русской земли, татарскіе ханы жестоко правили нашимъ отечест-

вомъ. Жестокій татарскій ханъ Мамай, въ правленіе великаго княжества Дмитрія Іоанновича, съ огромными полчищами направился на русскую землю, грозя залить ее кровью, разорить св. храмы, сожечь селенія и города. Мужественный князь Дмитрій Іоанновичъ въ первый разъ послѣ столѣтняго ига татарскаго вышелъ съ ратью навстрѣчу врагамъ. Предъ своимъ тяжелымъ и опаснымъ походомъ, за утѣшеніемъ и молитвою отправился къ Великому угощнику Вожію и заступнику земли Русской, преподобному Сергію Радонежскому. Преподобный Сергій благословилъ Вел. Князя на борьбу съ Мамаемъ, предсказалъ ему побѣду и въ напоминаніе о своемъ благословеніи отпустилъ изъ своей обители двухъ воиновъ—иноковъ, которые потомъ пали на полѣ брани. Въ 1381 году, въ сентябрѣ, въ предѣлахъ теперешней Тульской губ. на Куликовомъ полѣ произошла великая битва, и великій князь Дмитрій Іоанновичъ разбилъ Мамай, и это было зарею свободы русской земли. Въ память этой великой милости Божіей и для поминовенія павшихъ на полѣ брани въ Куликовскую битву и была установлена поминальная Дмитріевская суббота, съ теченіемъ времени въ этотъ день Церковь стала молиться обо всѣхъ православныхъ воинахъ и вообще умершихъ православныхъ христіанахъ; а потому испрашивая милость Божію, здравіе и душевное счастье прихожанамъ св. храма сего, вспомнимъ своею молитвою и почившихъ о Господѣ прихожанахъ, и особенно новопреставленнаго бывшаго настоятеля сего храма, протоіерея Іоанна Лукича Чижевскаго, молясь о дарованіи ему и всѣмъ почившимъ вѣчнаго упокоенія въ селеніяхъ праведныхъ. Аминь.

КЪ ВОПРОСУ О БРАКѢ.

В. В. Розановъ въ статьяхъ „о какомъ бракѣ говоритъ Христосъ“ (Нов. Вр. № 11078, 14 января 1907 г.) и „Вліяніе формы заключенія брака на нравы“ (тамъ же № 11083 19 января 1907 г.) съ обычной опредѣленностью касается вопроса о бракѣ.

Важность поднятаго вопроса, своеобразность толкованія словъ Спасителя о бракѣ, серьезность обвиненій, бросаемыхъ В. В. Розановымъ по адресу Церкви, справедливость многихъ замѣчаній о неурействахъ въ современной семейной жизни, все это побуждаетъ и насъ внимательно остановиться на этомъ же вопросѣ, пересмотрѣть слова Спасителя о бракѣ, рассмотреть выставленныя В. В. Розановымъ положенія и сдѣлать посильные выводы.

Свою первую статью В. В. Розановъ начинаетъ толкованіемъ словъ Спасителя о бракѣ (Мѣ. XIX, 4—6). Но слова Спасителя у него занимаютъ собственно мѣсто доказательства, подтверждающаго справедливость его мысли о превосходствѣ брака еврейскаго, т. е. гражданскаго, предъ христіанскимъ—церковнымъ. Обѣ же статьи его развиваютъ собственно двѣ мысли: бракъ еврейскій (онъ же и гражданскій) отличался и отличается великими достоинствами; бракъ же христіанскій (церковный) полонъ великихъ недостатковъ.

Въ послѣдующихъ строкахъ мы и рассмотримъ выставленныя положенія. Но разсматривая первое положеніе, мы обратимъ преимущественное вниманіе на толкованіе словъ Спасителя; такъ какъ они для В. В. Розанова являются сильнымъ аргументомъ въ пользу его мысли о превосходствѣ гражданскаго

брака; въ то же время и Церковь именно на нихъ основываетъ свой взглядъ на сущность брака, какъ понимаетъ его она.

Въ чемъ же заключались, по мнѣнiю В. В. Розанова, великiя достоинства еврейскаго брака?

Въ бракѣ „въ вѣкъ Спасителя, говоритъ онъ, не было собственно никакой оболочки“. „Священника не было, чиновника не было, записей въ книгу не было, ничего—кромѣ благословенiя родителей, кромѣ своей домашней записи, въ родѣ нашей почтовой квитанцiи, а если не было родителей, то кромѣ своей воли и самого факта вступленiя въ супружескую связь. Бракъ просто не имѣлъ никакой формы своего заключенiя, кромѣ прекрасныхъ обычаевъ народныхъ, которые тѣмъ горячѣе спѣшили сюда, чѣмъ менѣе государство или церковь вмѣшивались сюда. На брачное пиршество шелъ всякiй, вся улица: присутствовать на немъ было дѣломъ благочестивымъ“. Хорошо было то, что „гипноза было много для новобрачныхъ; всѣ сочувствуютъ, всѣ радуются, вся община, цѣлый маленькiй городокъ. Даже государство, царь цѣлый годъ не берутъ молодожена въ войско. Такимъ образомъ только частная росписка—эта легчайшая, воздушнѣйшая, всякiй разъ могущая быть разорванною, была формой гражданскаго брака. Изъ всего этого выходило: „чѣмъ воздушнѣе, прозрачнѣе, легче способъ вступленiя въ бракъ, заключенiя брака, возникновенiя семьи, тѣмъ тяжеловѣснѣе, устойчивѣе, солиднѣе, серьезнѣе самая семья“. (Ст. 1-я). Почему? Потому что бракъ начинался весьма легко; и дѣвушка уже въ бракѣ предстояло заслужить любовь мужа, а мужу внушить къ себѣ любовь и расположить къ вѣрности. Счастье зарабатывалось; бракъ скрѣплялся всю жизнь. Итакъ, кратко говоря, еврейскiй бракъ хорошиъ былъ тѣмъ, что тамъ форма совершенно отсутствовала и вмѣсто формы существовалъ гипнозъ; хорошимъ было и то, что тамъ на лицо существовало личное изволенiе брачующихся и фактъ брачнаго единенiя; не менѣе хорошимъ было и то, что брачный союзъ приходилось укрѣплять всей послѣдующей жизнью, т. е. что брачное единенiе не давало гарантiи нерасторжимости.

Прежде всего рассмотримъ мысль, что въ еврейскомъ бракѣ не было оболочки, формы. Формы не было, говоритъ Розановъ,

а между тѣмъ гипнозу было много. Чѣмъ возбуждался этотъ типнозъ? Гипнозъ этотъ возбуждался прежде всего—благословеніемъ родителей, потомъ пиромъ, далѣе участіемъ всей деревни или даже цѣлаго городка въ устройствѣ судьбы новобрачныхъ и наконецъ вниманіемъ къ молодому счастью со стороны государства и царя. Дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ гипнозу было много, но тогда какъ смотрѣть на все это? Неужели это не было формой? Намъ представляется, что это и была форма и при томъ весьма внушительная. Публичное заявленіе о своемъ вступленіи въ брачную связь; общая радость по этому поводу; общее участіе въ судьбѣ брачующихся—все это несомнѣнно должно было оказывать не малое вліяніе на настроеніе брачующихся. Не для соборвеннаго же веселія старики принимали участіе въ бракѣ. Община въ этомъ случаѣ становилась какъ бы свидѣтельницей добровольнаго соединенія брачующихся. И весь еврейскій бракъ со всѣмъ его пиршествомъ былъ какъ бы торжественнымъ обѣщаніемъ добровольнаго супружескаго соединенія съ одной стороны и торжественнымъ принятіемъ этого обѣщанія съ другой. Нельзя же предположить, что форма только тамъ и есть, гдѣ есть священникъ, чиновникъ или обшкная книга. Несомнѣнно, что и еврейскій бракъ отличался извѣстной формой и при томъ формой весьма внушительной. И эта форма должна была налагать извѣстныя обязанности на брачующихся. Давъ слово предъ цѣлою общиной, нельзя же было нарушить его легко и произвольно. Эта форма несомнѣнно уже связывала брачующихся.

Итакъ гипнозу, формы и тамъ было много. Теперь обратимъ вниманіе на то, бракъ еврейскій былъ-ли крѣпокъ? В. В. Розановъ утверждаетъ, что бракъ еврейскій хорошъ былъ тѣмъ, что заставлялъ работать мужа и жену надъ его созиданіемъ во всю послѣдующую жизнь. А это приводило къ тому, что чѣмъ легче способъ возникновенія семьи, тѣмъ тяжеловѣснѣе, устойчивѣе, солиднѣе, серьезнѣе самая семья. Но такъ-ли было на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ. Зерно еврейскаго брака не было тяжеловѣснымъ; заключеніе брака хотя было легкимъ и воздушнымъ, но самый бракъ не былъ устойчивымъ. Устойчивости брака препятствовали разводы, которые практиковались у

евреевъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. У евреевъ узаконено было весьма много поводовъ и притомъ иногда совершенно пустыхъ, благодаря которымъ мужъ имѣлъ право отпускать свою жену. Въ этомъ отношеніи еврейскій бракъ былъ, дѣйствительно, легкимъ. Но ужъ, конечно, не еврейскія жены могли хвалиться этой легкостью брака. Для нихъ бракъ былъ слишкомъ тяжелымъ бременемъ. Онѣ не только не имѣли правъ, но и жили подѣ постояннымъ страхомъ быть отпущенными своими мужьями по самымъ незначительнымъ поводамъ. И напрасно В. В. Розановъ утверждаетъ, что только сухой формалистъ Шамай, въ родѣ нашего м. Филарета, съ своими послѣдователями, отвергалъ всякое ограниченіе для воли мужа, какъ главы размноженія. Мысль о правѣ мужа отпускать свою жену не была только мнѣніемъ школы сухихъ формалистовъ, а напротивъ общераспространеннымъ возрѣніемъ.

Что еврейская семья дѣйствительно не была такой идеальной, какой хочетъ представить В. В. Розановъ, и разводы были весьма распространены, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ характеръ бесѣды Христа о бракѣ и безбрачій (Мѡ. XIX, 4—13).

Повидимому, ко времени Христа разводы стали столь обычны и столь частны, что однажды искушители предложили Христу вопросъ: „по всякой ли винѣ можно отпускать жену свою“. Самая форма вопроса ясно показываетъ, что отпущаніе мужьями своихъ женъ было весьма распространеннымъ. Да и ученики Христа, когда услышали приговоръ Его о нерасторжимости брака, сказали: въ такомъ случаѣ „лучше не жениться“, эти слова учениковъ ясно показываютъ, что и они недалеко ушли отъ искушителей своего Учителя по своимъ возрѣніямъ на крѣпость брака. Короче сказать, въ вѣкъ Спасителя евреи отпускали своихъ женъ едва-ли не по всякой винѣ и считали это не только естественнымъ, но и законнымъ.

Бесѣда Спасителя и замѣчаніе учениковъ Его ясно показываютъ, что еврейскій бракъ не только не былъ идеальнымъ, но что въ немъ слишкомъ ярко обнаруживалась жестокость мужей еврейскихъ.

Да впрочемъ и изъ словъ В. В. Розанова, если вдуматься въ нихъ, нельзя вывести, что соотвѣтственно воздушности

способа вступленія въ бракъ, дѣйствительно, тяжеловѣснѣе, устойчивѣе, солиднѣе и серьезнѣе становилась еврейская семья. Вѣдь вся сила его словъ направлена на то, что вступленіе въ бракъ было легко и воздушно; но онъ ничего не говоритъ о томъ, что самая еврейская семья, дѣйствительно, была солидна и устойчива. Онъ только говоритъ, что чѣмъ легче вступленіе въ бракъ, тѣмъ солиднѣе и устойчивѣе самая семья; но онъ ничѣмъ фактически этого не подтверждаетъ. Слѣдовательно, его слово есть одно предположеніе теоретическое. Практика же еврейской семейной жизни ясно показывала, что далеко не все въ этой области было благополучнымъ.

Но тогда для чего же нужно было такъ усиленно идеализировать еврейскій бракъ на основаніи одной видимой легкости и воздушности вступленія въ брачное сожитіе?

Вся эта рѣчь нужна ему была для того, чтобы имѣть возможность сдѣлать выводъ, что гражданскій бракъ есть самый естественный и самый лучший. Вѣдь еврейскій бракъ былъ бракомъ гражданскимъ. И разъ этотъ бракъ былъ полонъ достоинствъ и при томъ потому, что былъ бракомъ гражданскимъ, то слѣдовательно такими же достоинствами будетъ отличаться и всякій гражданскій бракъ, а не одинъ только еврейскій.

Предыдущее показало насколько тверды тѣ данныя, на которыхъ В. В. Розановъ старается утвердить мысль объ идеальности еврейско-гражданскаго брака. И В. В. Розановъ, видимо, самъ считаетъ эти данныя не особенно надежными, потому что прибѣгаетъ къ сильному доказательству достоинства гражданскаго брака, къ свидѣтельству Самого Христа. Онъ приводитъ слова Христа и утверждаетъ, что Благой Учитель въ своей рѣчи о бракѣ имѣлъ въ виду гражданскій бракъ и только этотъ одинъ. Вотъ слова В. В. Розанова: „мнѣ говорятъ: Христосъ говорилъ не о гражданскомъ бракѣ. Нѣтъ, Онъ говорилъ именно о гражданскомъ бракѣ и только о немъ, т. е. Онъ говорилъ о великомъ институтѣ семьи, но о великомъ въ существѣ своемъ, а отнюдь великомъ не отъ способа заключенія его“. „Слова Спасителя о бракѣ переданы у евангелиста, какъ попутныя, сказанныя на ходу, на улицѣ, среди

толпѣ: могъ-ли же Спаситель отвѣчать толпѣ... не о чемъ-то ей извѣстномъ и понятномъ, а прозвѣвая въ русскую или французскую дѣйствительность и говоря о католическомъ или православномъ бракѣ? Опытами такой магіи на разстояніи „благой Учитель“, нашъ Учитель не занимался. „Христосъ (Мѣ. XIX) говоритъ о натуральной связи и послѣдующемъ дѣторожденіи. Объ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія натуральныя, почти натуралистическія слова, въ которыя Онъ заключилъ мысль свою. Вотъ эти слова: Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ (искусителямъ): не читали-ли вы, что сотворившій вначалѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ (не членовъ общества, не гражданъ, а фізіологическія существа) и сказалъ: „посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотію“. „Собственно, такъ какъ къ женѣ прилѣпляется не вообще человѣкъ, а только мужчина, то рѣчь Спасителя звучитъ по еврейски еще натуральнѣе, чѣмъ какъ это перешло въ греческій и славянскій переводы: „посему мужчина оставляетъ домъ, отца, мать, и ищетъ женщины, къ которой прилѣпится, и прилѣпляется къ ней, и обращаются оба въ плоть одну, т. е. единый организмъ ихъ двухъ и дѣтей ихъ. И далѣе Спаситель кончаетъ такъ: такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ“. „Да не разлучаетъ—выдвинуто, какъ угроза противъ всѣхъ препятствій молодой семьѣ, молодому чувству“. „Итакъ, гражданскій бракъ нисколько не противорѣчитъ словамъ Спасителя, и говорившаго о великомъ институтѣ семьи человѣческой“ ... „безъ всякаго при этомъ вниманія къ формѣ, чрезъ посредство которой бракъ заключается“. Таковы мысли В. В. Розанова и такъ онъ понимаетъ слова Спасителя о бракѣ.

Прежде чѣмъ говорить о словахъ Спасителя и объ ихъ толкованіи, мы обратимъ вниманіе на ту существенную непослѣдовательность, которую допустилъ В. В. Розановъ въ своемъ толкованіи. Въ началѣ (своей) первой статьи В. В. Розановъ утверждаетъ, что Христосъ говорилъ о гражданскомъ бракѣ и только о немъ. Заключаетъ же онъ свою статью такими словами: „Итакъ, гражданскій бракъ нисколько не противорѣчитъ словамъ Спасителя, говорившаго о гражданскомъ бракѣ или о

великомъ институтѣ семьи человѣческой". Несомнѣнно, не одно и то же утверждать, что Христосъ говоритъ о гражданскомъ бракѣ и только о немъ и говорить, что гражданскій бракъ нисколько не противорѣчитъ словамъ Спасителя. Первое утверждение представляетъ законнымъ бракъ только гражданскій и никакой другой, потому что только о немъ говорилъ Христосъ. Второе же утверждение говоритъ за то, что гражданскій бракъ такой же бракъ, какъ и всякій другой, т. е. не отрицаетъ законности и другихъ браковъ. Правда, и въ началѣ, и въ концѣ Розановъ поясняетъ, что Христосъ говоритъ о великомъ институтѣ семьи, великомъ въ существѣ своемъ, а отнюдь не отъ способа его заключенія. Этимъ разъясненіемъ онъ даетъ понять, что подъ гражданскимъ бракомъ онъ разумѣетъ великій институтъ семьи; но вѣдь въ понятіи гражданского брака у насъ мыслится опредѣленное содержаніе; и отождествляя бракъ вообще съ бракомъ гражданскимъ, онъ допускаетъ соединеніе понятій далеко нетождественныхъ. И ему совершенно резонно возражали, что Христосъ говорилъ не о гражданскомъ бракѣ.

Страннымъ намъ представляется и другой аргументъ въ пользу мысли о гражданскомъ бракѣ. Что Христосъ говорилъ и могъ говорить только о гражданскомъ бракѣ, В. В. Розановъ приводитъ то соображеніе, что Онъ вѣдь говорилъ толпѣ, и слѣдовательно долженъ былъ говорить такъ, какъ понимала толпа. Но такое соображеніе страдаетъ существеннымъ недостаткомъ. Прежде всего не толпѣ говорилъ Христосъ, а отвѣчалъ на вопросъ своихъ искуссителей. А среди искуссителей несомнѣнно были лица, которыя отлично знали, о чемъ спрашивали. Потомъ такимъ соображеніемъ В. В. Розановъ заставляетъ Христа подлаживаться подъ пониманіе толпы. Этого у Христа никогда не было. Христосъ всегда училъ о томъ, что и какъ должно быть, а не о томъ, что есть. Что и въ этомъ случаѣ Христосъ не подлаживался подъ пониманіе толпы, а изложилъ свое непререкаемое ученіе о бракѣ, объ этомъ свидѣлствуетъ весь характеръ его бесѣды. Несмотря на то, что отпусканіе жены широко практиковалось у евреевъ, Христосъ въ своей бесѣдѣ не только не одобрилъ разводовъ, но и по-

казаль совершенную ихъ неестественность, и такимъ образомъ изложилъ такой взглядъ, который былъ совершенно чуждъ даже Его ученикамъ.

Теперь перейдемъ къ толкованію словъ Спасителя.

В. В. Розановъ утверждаетъ, что Христосъ говоритъ о натуральной связи и послѣдующемъ дѣторожденіи, не о членахъ общества, не о гражданахъ, а о физиологическихъ существахъ. Слова эти вѣрны. Но отсюда нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ о гражданскомъ бракѣ. Въ данномъ случаѣ Христосъ и могъ говорить только такимъ именно образомъ. Вѣдь Христосъ отвѣчалъ на вопросъ. А вопросъ былъ о разводѣ: „по всякой-ли винѣ человѣку позволительно разводиться съ женою своею“? На такой вопросъ Онъ и могъ говорить только такъ, какъ Онъ говорилъ, т. е. о членахъ брака, а не о членахъ общества, или о гражданахъ. Слѣдовательно, видѣть, что Христосъ въ бракѣ видѣлъ и хотѣлъ отгнать физиологическую сторону, на брачующихся смотрѣлъ только, какъ на существъ физиологическихъ, нѣтъ основанія. Потомъ въ качествѣ своего доказательства Христосъ беретъ первыхъ людей, т. е. первую пару, первую семью. А вѣдь граждане, члены общества являются только тогда, когда членовъ семьи станетъ много. Значить, Христосъ и не могъ говорить ни о членахъ, ни о гражданахъ, потому что тогда существовала одна пара.

Христосъ сказалъ: „Сотворившій вначалѣ мужчину и женщину сотворилъ“. „Посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотію“ (ст. 5). Изъ этихъ словъ съ несомнѣнностью вытекаетъ абсолютность, какъ выражается В. В. Розановъ, брака, т. е. что потребность брака вложена въ самую природу человѣка. Она есть основная, а поэтому и самая могущественная потребность. И ей должны подчиняться всѣ. Исключеніе допускается только для тѣхъ, о которыхъ говоритъ Христосъ въ 11 и 12 стих. XIX главы ¹⁾. Изъ словъ же Спасителя о бракѣ вытекаетъ, что бракъ дѣйствительно великъ въ существѣ своемъ, а не отъ способа его заключенія. Спаситель ясно отгннулъ, что изна-

¹⁾ Значеніе этихъ стиховъ подробно объяснено въ нашей статьѣ въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ за 1903-й годъ, ноябрь мѣсяцъ.

чала созданы мужчина и женщина и предназначены другъ для друга. Создавшій такъ создавалъ ихъ, что они должны были составить собою одно цѣлое. Но изъ этихъ же словъ ясно, что Христосъ говоритъ не о гражданскомъ, какъ утверждаетъ г. Розановъ, бракѣ, а о бракѣ вообще, именно, какъ о великомъ институтѣ семьи. Слѣдовательно, Христосъ говоритъ одинаково и о бракѣ, по современной терминологіи, церковномъ, разъ въ немъ есть на лицо необходимыя принадлежности брака. Итакъ, бракъ есть тамъ, гдѣ есть на лицо то, что дѣлаетъ его бракомъ и нѣтъ брака тамъ, гдѣ этого нѣтъ.

Что Христосъ, дѣйствительно, говоритъ не о какомъ либо видѣ брака, понимаемомъ въ современномъ смыслѣ, а о бракѣ вообще, это ясно изъ словъ Спасителя. Несомнѣнно, что въ то время, о которомъ говоритъ Христосъ, не существовало брака, какъ таинства, понимаемаго въ теперешнемъ значеніи; не существовало и брака, какъ церковнаго учрежденія, потому что кромѣ одной пары никого еще не существовало. И несмотря на все это, бракъ былъ и при томъ столь крѣпкій, что его не расторгли даже и тогда, когда Ева совершила преступленіе. Но если не было церковнаго брака, то не было и брака гражданского; такого брака не существовало даже и во времена Спасителя; понятіе гражданского брака есть понятіе позднѣйшее. А былъ просто бракъ. И о немъ-то и говорилъ Христосъ въ своей бесѣдѣ. И если бы В. В. Розановъ въ своемъ толкованіи остановился на мысли, что бракъ великъ въ своемъ существѣ и что объ этомъ бракѣ говоритъ Христосъ; тогда бы ничего нельзя было сказать противъ. Въ своемъ же толкованіи онъ ясно клонитъ къ тому, чтобы возвеличить современный гражданскій бракъ и унижить современный церковный бракъ.

Мы сказали, что Христосъ говоритъ о бракѣ вообще, что бракъ великъ въ существѣ своемъ, а не въ формѣ своей, и что тамъ есть бракъ, гдѣ есть на лицо необходимыя личности для брака. Итакъ *чтоже* дѣлаетъ бракъ бракомъ? Эту мысль В. В. Розановъ не отгвнилъ, ограничился только краткимъ и поэтому неяснымъ указаніемъ. А между тѣмъ изъ словъ Спасителя ясно видно, что, по Его ученію, нужно для брака.

Христосъ говоритъ: „Сотворившій вначалѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ“.

„Посему оставитъ человекъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотію“. Въ силу того, что съ самаго начала Создатель создалъ именно пару, мужчину и женщину, предназначилъ ихъ другъ для друга, въ силу этого человекъ, по достиженіи известнаго возраста, покидаетъ даже своихъ отца и мать, чтобы прилѣпиться къ женѣ своей, прилѣпиться такъ, чтобы изъ двухъ стало одно тѣло. Стремленіе мужчины къ женщинѣ—вотъ основа брака, которое и завершается соединеніемъ мужа со своею женою. Но стремленіе это таково, что побуждаетъ человека покидать отца и мать, мѣнять ихъ на чуждую до тѣхъ поръ женщину. Второе непремѣнное условіе брака—это чтобы мужчина прилѣпился къ женѣ своей, т. е. чтобы на лицо непременно было брачное единеніе. Неудержимое влеченіе другъ къ другу и брачное единеніе дѣлаютъ мужа и жену однимъ тѣломъ. Вотъ основныя условія брака. Безъ нихъ брака и быть не можетъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, смыслъ словъ Спасителя и таковы условія брака.

Какія же слѣдствія отсюда вытекаютъ? Вас. Вас. Розановъ обратилъ вниманіе только на одно слѣдствіе, о другомъ только упомянулъ, иныхъ же слѣдствій, не менѣе важныхъ, онъ не коснулся, такъ какъ они шли бы противъ его утвержденій. В. В. Розановъ совершенно справедливо указалъ, что бракъ великъ въ своемъ существѣ, а отнюдь не отъ способа его заключенія. Всякій бракъ одинаково почтененъ, гдѣ есть стремленіе брачующихся и есть брачное единеніе. Второе слѣдствіе—бракъ есть *личное* дѣло брачующихся и кромѣ нихъ никого, даже самыхъ близкихъ лицъ. Они соединяются для своихъ личныхъ цѣлей. Слѣдовательно, при бракѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо должно быть личное изволеніе брачующихся и только ихъ. Третье слѣдствіе. Христосъ сказалъ, что въ силу того, что мужчина прилѣпляется къ женѣ своей, въ силу этого изъ двухъ становится одна плоть. Но одну плоть нельзя раздѣлить такъ, чтобы вновь стало двѣ плоти; слѣдовательно и сочетавшихся нельзя разъединить. Бракъ нерасторжимъ. Какимъ бы

способомъ онъ ни былъ заключенъ; но разъ онъ есть, то уже нерасторжимъ. Этому требуетъ самая сущность брака. И совершенно напрасно В. В. Розановъ свободно переводилъ слова Христа, что „мужчина ищетъ женщины, ищетъ прилѣпиться къ ней“. Нѣтъ Ев. Матѳеѣ ясно говорить, что человекъ прилѣпляется не къ жевцинѣ вообще, а къ женѣ *своей*, т. е. къ той, которую онъ назвалъ именно, какъ кость отъ костей своихъ и плоть отъ плоти своей (Бытiя, гл. 1-я). И Господь категорически осудилъ разводы, сказавъ, что „всякій, кто разведется съ женой своею не за прелюбодѣянiе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ“ (Мѳ. XIX, 9). Что дѣйствительно бракъ нерасторжимъ и его расторгнуть нельзя, Христосъ привелъ къ тому и ясное основанiе. Онъ сказалъ: „что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ“ (Мѳ. XIX, 6). Человекъ не въ силахъ расторгнуть сочетавшихся, потому что ихъ сочеталъ Самъ Богъ.

Мы указали, какiя основы необходимы для брака; обратили вниманiе и на тѣ слѣдствiя, которыя изъ нихъ вытекаютъ. Этимъ мы и ограничимъ нашу рѣчь объ еврейскомъ бракѣ и о словахъ Христа.

Теперь мы перейдемъ къ вопросу о бракѣ христіанскомъ или церковномъ.

Д. Брянцевъ.

(Окончанiе будетъ).

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗРѢНІЯ ВѢТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛОЖНЫХЪ ПРОРОКОВЪ ВЪ ИХЪ БОРЬБѢ СЪ ИСТИННЫМИ ПРОРОКАМИ ІЕГОВЫ.

(Окончаніе *).

Націоналистическая партія (т. е. лжепророковъ) среди іудеевъ настолькоъ была сильна, что самъ Седекія, облеченный царскою властью, ничего важнаго не могъ предпринять безъ согласія ея¹⁾; въ иныхъ случаяхъ даже опасался ея противоѣдствія, такъ что въ послѣдніе годы существованія іудейскаго царства совѣтовался съ пророкомъ Іереміею преимущественно „тайно“²⁾, иногда прямо прося пророка, чтобы онъ никому не передавалъ того, о чемъ говорилъ съ царемъ наединѣ³⁾.

Итакъ, самая потеря іудеями политической самостоятельности усиливала въ народѣ и въ особенности въ его вождяхъ — лжепророкахъ мечты о благоденствіи Іуден и возбуждала надежду достигнуть этого благоденствія чрезъ поголовное возстаніе противъ Вавилона, такъ какъ теперь процвѣтаніе іудейскаго государства тѣсно связывалось съ восстановленіемъ національной независимости.

Ходъ тогдашнихъ политическихъ событій благопріятствовалъ убѣжденію лжепророковъ въ счастливомъ исходѣ возстанія. Навуходоносоръ находился въ затруднительномъ положеніи. По предположенію историковъ⁴⁾, онъ велъ въ это время войну съ сламитянами⁵⁾, которые, хотя были побѣждены раньше, но

*) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1907 г. № 19.

1) Іеремія XXXVIII, 5.

2) Іерем. XXXVII, 17.

3) Іерем. XXXVIII, 24—28.

4) Наур. Дункера: Geschichte des Alterth., Band. I, Berlin, 1863, S. 790.

5) Іерем., XLIX, 34—38.

покореніе ихъ было больше кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, и теперь ему нужно было опять вступить въ борьбу съ этимъ воинственнымъ и свободолюбивымъ народомъ; быть можетъ эта война была неудачной на первыхъ порахъ для вавилонскаго царя. Въ то-же время измѣнились отношенія Навуходоносора къ сосѣдней сильной державѣ Мидіи.

Съ Киаксаромъ, при которомъ совершилось паденіе Ниневіи и возвышеніе Вавилоніи, Навуходоносоръ состоялъ въ близкихъ родственныхъ связяхъ; онъ былъ женатъ на дочери мидійскаго царя. Теперь же въ Мидіи царствовалъ Астиагъ ¹⁾, который видѣлъ въ вавилонскомъ правителѣ соперника и врага для своего государства. Принятая древнимъ міромъ политика, направлявшаяся обыкновенно къ покоренію всѣхъ слабѣйшихъ народовъ сильнѣйшимъ, должна была разрѣшиться, наконецъ, борьбою Мидіи съ Вавилономъ. При Астиагѣ, вѣроятно, начали уже проявляться недружелюбныя отношенія между этими государствами; вѣроятно, мидяне стали уже угрожать Вавилоніи ²⁾, такъ что Навуходоносоръ вынужденъ былъ заняться постройкою огромной каменной стѣны между Тигромъ и Евфратомъ въ предупрежденіе нашествія мидянъ ³⁾. Быть можетъ, стѣнительное положеніе Навуходосора служило поводомъ къ тому, чтобы сирійскія государства — аммонитяне, моавитяне, Финикія и Идумея составили союзъ для сверженія общими силами вавилонскаго пра. Для союзныхъ государствъ важно было привлечь къ возстанію и Іудею, чтобы усилить себя противъ могущественнаго врага. Поэтому отъ нихъ являлись послы въ Іерусалимъ съ лестными для самолюбія іудеевъ предложеніями и убѣжденіями пристать къ сирійскому союзу ⁴⁾. Но — главное — помощь іудеямъ обѣщали египтяне. Египетскій фараонъ Псамметихъ II, увлекшись побѣдами въ Верхнемъ Египтѣ, мечталъ о покореніи азіатскихъ государствъ. Іудея могла составить для него опорный пунктъ въ предстоящей войнѣ. Іудеямъ онъ обѣщалъ даже свою конницу и людей ⁵⁾.

¹⁾ Геродотъ, I, 107.

²⁾ Геродотъ, I, 185.

³⁾ Records of the Past, vol. v, p. 125 133, 134.

⁴⁾ Іерем. XXVII, 3.

⁵⁾ Іезек. XVII, 15. Впоследствии, когда Іерусалимъ былъ въ осадѣ, приемникъ Псамметиха, Офра, державшійся политики своего отца, дѣйствительно

Что дѣйствительно были основанія у лжепророковъ надѣяться на успѣхъ возстанія, видно изъ того уже, что даже вавилонскіе лжепророки безбоязненно и открыто агитировали въ народѣ противъ вавилонскаго царя..¹⁾ и что Навуходоносоръ выступилъ противъ Седекіи въ походъ лишь спустя два года послѣ возстанія его ²⁾.

И вдругъ во время всеобщаго народнаго увлеченія мечтами о возстановленіи національной самостоятельности и процвѣтаніи Іудеи истинные пророки настойчиво совѣтуютъ іудеямъ „подклонить выю свою подъ ярмо царя вавилонскаго и служить ему и народу его“ ³⁾. По пророческому предвѣдѣнію, надежда на союзъ съ окрестными азіатскими народами не принесетъ желанныхъ послѣдствій, потому что Владыка неба и земли въ предвѣчномъ Своемъ совѣтѣ предопредѣлилъ „отдать всѣ земли сіи въ руку Навуходоносора, царя Вавилонскаго“ ⁴⁾, такъ что „если какой народъ и царство не захочетъ служить ему, Навуходоносору, царю Вавилонскому, и не подклонитъ выи своей подъ ярмо царя Вавилонскаго,—этотъ народъ будетъ наказанъ мечемъ, голодомъ и моровою язвою“, пока не будетъ истребленъ ⁵⁾. Точно также, по словамъ пророковъ, сомнительна или даже положительно бесполезна ожидаемая помощь со стороны Египта. Вотъ Седекія, говоритъ пророкъ Іезекіиль, нарушаетъ клятву, данную Навуходоносору, въ томъ, чтобы служить ему съ покорностью, и отправляетъ „пословъ въ Египетъ, чтобы дали ему коней и много людей. Будетъ ли ему успѣхъ? Уцѣлѣетъ ли тотъ, кто это дѣлаетъ“ ⁶⁾? А другой пророкъ прямо предсказывалъ, что Египетъ не устоитъ противъ губительнаго меча вавилонскаго царя; въ смущеніи фараонъ обратится въ бѣгство и удалится къ народу своему въ родную свою землю ⁷⁾.

выступилъ съ огромнымъ войскомъ противъ халдеевъ, такъ что Навуходоносоръ привужденъ былъ снять на нѣкоторое время осаду съ Іерусалима и пойти на встрѣчу египетскому фараону. Къ стѣнамъ Іерусалима Навуходоносоръ возвратился лишь послѣ побѣды надъ египтянами (Іерем. XXXVII. 5—11).

1) Іерем. XXIX, 21, 22, ср. XXVIII.

2) Лопухинъ, „Библейская исторія, т. II, Слб., 1890, стр. 661.

3) Іерем. XXVII, 12.

5) Іерем. XXVII, 8.

4) Іерем. XXVII, 5—7.

6) Іезек. XVII, 13—15.

7) Іерем. XLVI, 13—26; ср. XXXVII, 7—8.

При такихъ условіяхъ попытка іудеевъ свергнуть владычество Вавилона будетъ сопровождаться еще худшими для нихъ бѣдствіями, и св. Іеремія передаетъ народу какъ бы въ моментъ произнесенія пророчества исходящее изъ устъ Іеговы божественное опредѣленіе о судьбѣ Іерусалима и его населенія. „Такъ говоритъ Господь: вотъ, Я отдаю городъ сей въ руки Халдеевъ и въ руки Навуходоносора, царя Вавилонскаго, и онъ возьметъ его. и войдутъ Халдеи, осаждающіе сей городъ, закроютъ городъ огнемъ и сожгутъ его“... „И сдѣлаю городъ сей ужасомъ и посмѣяніемъ, каждый проходящій чрезъ него изумится и посвищеть, смотря на всѣ язвы его. И накормлю ихъ плотью сыновей ихъ и плотью дочерей ихъ; и будетъ каждый ѣсть плоть своего ближняго, находясь въ осадѣ и тѣснотѣ“¹⁾.

Если же лжепророки проповѣдуютъ скорое освобожденіе іудеевъ изъ подъ власти Вавилона и обѣщаютъ возвращеніе плѣнныхъ въ отечество и даже сосудовъ „дома Господня“²⁾, вообще возвѣщаютъ „миръ“ и благоденствіе Іудеѣ³⁾, то пророчество ихъ ложь⁴⁾, ибо Господь не можетъ чрезъ одного пророка говорить одно, а чрезъ другого обратное⁵⁾. Лжепророки увѣряютъ народъ, что имъ „Господь сказалъ“; въ дѣйствительности же они проповѣдуютъ „не отъ устъ Господнихъ“⁶⁾. Пророческій авторитетъ они присвоили себѣ незаконно; они самозванные пророки. „Такъ говоритъ Господь Саваоѣ... Я не посылалъ пророковъ сихъ, а они сами побѣждали; Я не говорилъ имъ, а они пророчествовали“⁷⁾. Доказательствомъ того, что лжепророки не суть истинные пророки, служитъ самая ихъ дѣятельность. „Если бы они стояли въ Моемъ совѣтѣ“,—продолжаетъ пророкъ рѣчь Іеговы, то объявляли бы народу Моему слова Мои и отводили бы ихъ отъ злаго пути ихъ и отъ злыхъ дѣлъ ихъ“⁸⁾. Правда, лжепророки иногда

1) Іерем. XXII, 28—29; XIX, 8—9.

2) Іерем. XXVIII, 2—4.

3) Іерем. XIV, 13, Іезек. XIII, 16.

4) Іерем. XIV, 14; XXIII, 25; Іезек. XIII, 6—10.

5) Іерем. XXVIII, 15 (Толков. Якимова, вып. II, стр. 451—452).

6) Іерем. XXIII, 16—17.

7) Іерем. XXIII, 16, 21, XIV, 14; Іезек. XIII, 6.

8) Іер. XXIII, 22.

говорятъ подлинныя слова Господни, но они ихъ „крадутъ“ у истинныхъ пророковъ и передаютъ превратно ¹⁾. Обыкновенно же они „водятся своимъ духомъ“ ²⁾, „разказываютъ мечты сердца своего“ ³⁾. „Они говорятъ: мнѣ снилось, мнѣ снилось“ ⁴⁾ и „возвѣщаютъ видѣнія ложныя“ ⁵⁾. Тѣмъ не менѣе лжепророки „обнадеживаютъ, что слово сбудется“ ⁶⁾, и такимъ образомъ „водятъ народъ въ заблужденіе“ ⁷⁾. Отсюда ихъ рѣчи являются „покрываломъ“, закрывающимъ истину ⁸⁾. Поэтому Іегова чрезъ пророка заявляетъ: „пророкъ, который видѣлъ сонъ, пусть и разказываетъ его какъ сонъ; а у котораго — Мое слово, тотъ пусть говоритъ слово Мое вѣрно. Что общаго у мякины съ чистымъ зерномъ?“ ⁹⁾. Неужели лжепророки „думаютъ довести народъ Мой до забвенія имени Моего посредствомъ сновъ своихъ?“ ¹⁰⁾ За свою лживую дѣятельность они „не впишутся въ списокъ дома Израилева“ ¹¹⁾. „Господь накормитъ ихъ полынью и напоитъ ихъ водою съ желчью“ ¹²⁾. Вотъ народъ строить стѣну, а лжепророки обмазываютъ ее грязью, но пойдетъ проливной дождь съ бурнымъ вѣтромъ, — рушится стѣна и погибнутъ лжепророки вмѣстѣ съ своею обмазкою“ ¹³⁾. Въ заключеніе истинные пророки совѣтовали народу не слушать рѣчей „безумныхъ пророковъ“ ¹⁴⁾.

Одушевленная рѣчь истинныхъ пророковъ, подрывавшая въ корнѣ предсказанія лжепророковъ и ихъ личный пророческій авторитетъ, тоже въ свою очередь должна была произвести известное возбужденіе въ лжепророкахъ. Конечно, лжепророки слова своихъ противниковъ не считали истинными. Судьба пророка Іереміи служить лучшимъ тому подтвержденіемъ. Такъ, Шемаія Нехеламитянинъ, одинъ изъ плѣнныхъ лжепророковъ „въ письмахъ отъ имени своего ко всему народу, который въ Іерусалимѣ, и къ священнику Софоніи, и ко всѣмъ

1) Іер. XXIII, 30, 36.

2) Іезек. XIII, 8; Іерем. XXIII, 31.

3) Іерем. XXIII, 16.

4) Іерем. XXIII, 25.

5) Іерем. XIV, 14.

6) Іезек. XIII, 6.

7) Іер. XXIII, 32.

8) Іезек. XIII, 21.

9) Іерем. XXIII, 28.

10) Іерем. XXIII, 27.

11) Іезек. XIII, 9.

12) Іерем. XXIII, 15.

13) Іезек. XIII, 10—15.

14) Іерем. XXIII, 16; ср. Іезек. XIII, 8.

священникамъ“ упрекалъ главнаго священника ¹⁾ Софонію, почему онъ, поставленный „между блюстителями въ домъ Господнемъ за всякимъ челоуѣкомъ неистовствующимъ и пророчествующимъ“, до сихъ поръ не запретитъ Іереміи Анаѳое-скому распространять рѣчи о продолжительности плѣна вавилонскаго и не заключитъ его за то „въ темницу и колоду“. Софонія, очевидно, не былъ изъ числа сочувствующихъ Шемаіѣ; вмѣсто того, чтобы послѣдовать совѣту Шемаіа, онъ прочиталъ письмо его „вслухъ пророка“ ²⁾. Но другой священникъ изъ среды надзирателей въ домъ Господнемъ, лжепророкъ Пасхоръ заставилъ Іеремію однажды испытать ту участь, которой желалъ подвергнуть его Шемаіа Нехеламитянинъ. За пророчество о горькой судьбѣ Іерусалима, Пасхоръ нанесъ ударъ Іереміи и посадилъ его въ колоду, въ которой продержалъ пророка до слѣдующаго дня ³⁾. А во время осады Іерусалима враждебное настроеніе противъ Іереміи руководителей іудейскаго народа, въ частности лжепророковъ, дошло до того, что самое пребываніе пророка въ городѣ сдѣлалось не безопаснымъ для него. Поэтому Іеремія рѣшился тайно скрыться изъ города куда-нибудь на родину въ предѣлы колѣна Веніаминава. Но въ городскихъ воротахъ онъ былъ задержанъ. Его намѣреніе „уйти изъ Іерусалима“ истолковали въ смыслѣ желанія „перебѣжать къ халдеямъ“. Какъ измѣнника, его заключили въ тюрьму въ домъ писца Іонаѳана, гдѣ ему грозила голодная смерть. Седекія, еще не потерявшій довѣрія къ пророку, нѣсколько облегчилъ участь Іереміи, переведши его „во дворъ стража“, въ лучшее помѣщеніе сравнительно съ тюрьмою писца Іонаѳана. Впрочемъ, не надолго. По требованію вельможъ и вообще руководителей народа, Іеремію опять подвергли жестокому заточенію,—бросили въ глубокую и грязную яму безъ воды, и только благоразуміе одного изъ евнуховъ спасло пророка отъ неминуемой смерти ⁴⁾.

Такимъ образомъ воззрѣнія лжепророковъ, и благопріятное стеченіе политическихъ событій и, наконецъ, самая борьба съ

1) Іерем. XXIX, 24—32; Іерем. LI, 24.

2) Іерем. XXIX, 24—32.

3) Іерем. XX, 1—3.

4) Іерем. XXXVII, 11—21; XXXVIII, 1—13.

истинными пророками;—все это усиливало ихъ мечты о національной самостоятельности и о благоденствіи Іудей. Лжепророки всецѣло были заняты мыслью о томъ, что „будетъ миръ и меча не будетъ“, что „не придетъ бѣда“ ¹⁾. Они искренно любили свое отечество и желали ему мира. „Днемъ говорили они объ этомъ мирѣ; помышляли о немъ, засыпая на своихъ постеляхъ; видѣли его во снѣ“ ²⁾. При такомъ мечтательно напряженномъ состояніи, лжепророки легко могли впасть въ самообольщеніе. Мысли, повѣяныя ихъ собственнымъ сердцемъ, они легко могли принимать за откровеніе свыше ³⁾. И можно думать, что лжепророки иногда говорили искренно, находясь сами въ самообольщеніи, хотя иногда они, можетъ быть, выдавали сознательно за пророчества собственные измышленія потому только, что сильно желали провести ихъ среди народа ⁴⁾.

Лжепророки были и въ десятицолѣнномъ царствѣ Израильскомъ. Израильское царство раньше и преимущественно предъ іудейскимъ царствомъ усвоило себѣ мірской взглядъ на царя и государственныя задачи народа. Цари израильскіе, начиная съ самаго перваго изъ нихъ, Іеровоама, забываютъ о томъ особомъ теократическомъ устройствѣ, къ которому предназначень былъ Израиль и заботятся только о своихъ личныхъ интересахъ. Для каждаго изъ нихъ, конечно, было весьма желательно прежде всего упрочить государственную власть надъ народомъ въ своей династіи, поэтому они опасались соединенія опять обоихъ царствъ подъ властью дома Давидова. Сильнымъ объединяющимъ средствомъ служило религіозное устройство евреевъ. Истинное служеніе Іеговѣ совершалось въ Іерусалимѣ ⁵⁾; лишь въ храмѣ священники имѣли право приносить жертвы Богу за грѣхи народа; лишь тамъ Іегова обѣщаль принимать прошеніе молящихся ⁶⁾. Въ виду этого, лучшіе израильтяне и по отдѣленіи отъ Іуды продолжали ходить

¹⁾ Іерем. ХГV, 15, 13; XXIII, 17.

²⁾ Яаковъ, Толкованіе на кн. Іереміи вып. II, стр. 396.

³⁾ Іерем. XXII, 16.

⁴⁾ Іерем. XXIII, 31—32.

⁵⁾ 3 Царств. VIII, 16, 2 Парал. VI, 5—6.

⁶⁾ 3 Царств. IX, 3, 2 Парал. VII, 12—16.

въ Іерусалимъ для отправленія религіозныхъ обязанностей ¹⁾. Чтобы отучить своихъ подданныхъ отъ этихъ политически опасныхъ путешествій ²⁾ въ столицу іудейскаго царства, цари израильскіе стараются затемнять истинное религіозное сознание народа.

„Если народъ сей, со скорбію разсуждаетъ уже Іеровоамъ I, будетъ ходить въ Іерусалимъ для жертвоприношенія въ домъ Господнемъ, то сердце народа сего обратится къ государю своему, къ Ровоаму, царю іудейскому, и убьютъ они меня и возвратятся къ Ровоаму, царю іудейскому“ ³⁾. Очевидно, политическія соображенія израильскаго царя требовали устройства религіозныхъ центровъ въ своемъ царствѣ, помимо Іерусалима и взамѣнъ этого послѣдняго. И вотъ Іеровоамъ вводитъ культъ тельцовъ. „Посоветовавшись, продолжаетъ священный историкъ, царь сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ и сказалъ народу: не нужно вамъ ходить въ Іерусалимъ, вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли Египетской. И поставилъ одного въ Веѣилѣ, а другого въ Данѣ“ ⁴⁾, т. е. въ сѣверной и южной части своего царства. По мнѣнію толковниковъ, здѣсь еще не было идолослуженія въ собственномъ смыслѣ и царь и народъ хотѣли еще оставаться поклонниками Іеговы, а тельцы были лишь Его символами. Но за первымъ отступленіемъ легко послѣдовали другія. Возмущенные поступкомъ Іеровоама левиты оставили предѣлы израильскаго царства, а царь „поставилъ священниковъ изъ народа, которые не были изъ сыновъ Левіиныхъ“ ⁵⁾. Такимъ образомъ уничтожилась во Израилѣ главная хранительница закона, богоучрежденная іерархія; ея мѣсто вступили самоличныя ставленники царя: для незаконныхъ религіозныхъ дѣйствій, очевидно, нужна была и іерархія столь-же незаконная. Затѣмъ царь, уже совсѣмъ по образцу восточныхъ идолопоклонниковъ, устроилъ капища на высотахъ“ ⁶⁾ и произвольно назначилъ праздники „подобный тому, какой былъ въ Іудеѣ“ ⁷⁾. Въ результатѣ

¹⁾ 2 Парал. XI, 16.

²⁾ 2 Парал. XIII, 4—12.

³⁾ 3 Царств. XII, 31; ср. 2 Парал. XI, 14.

⁴⁾ 3 Царств. XII, 31.

³⁾ 3 Царств. XII, 27.

⁴⁾ 3 Царств. XII, 28—29.

⁷⁾ 3 Царств. XII, 32.

вышло то, чего такъ домогался Іеровоамъ: склонная къ чувственности народная масса и безъ того тяготившаяся строгими предписаніями закона Моисеева, теперь подъ руководствомъ царя, быстро стала удаляться отъ истиннаго богопочтенія, начала посѣщать новыя богослужебныя мѣста и „оставила храмъ Господень“ ¹⁾. Такова была политика Іеровоама I и ея ближайшія религіозныя послѣдствія.

Политика эта осталась господствующею при дворѣ израильскихъ царей за все время существованія израильскаго царства ²⁾.

Многіе изъ преемниковъ Іеровоама I идутъ даже далѣе его по указанному имъ направленію. Не довольствуясь культомъ тельцовъ, они стараются низвести Іегову въ сознаніи народа на степень обыкновенныхъ языческихъ божествъ и внушить, что Іегова можетъ быть почитаемъ одновременно и наравнѣ съ богами сосѣднихъ народовъ. Такъ во времена Ахава наряду съ служеніемъ Іеговѣ въ Израилѣ является культъ Ваала и другихъ финикійскихъ божествъ ³⁾. Яснѣйшее доказательство этого можно видѣть въ упрекѣ израильтянъ со стороны пророка Іліи за то, что они „хромаютъ на оба колѣна“, поклоняются Ваалу, но не оставляютъ и почитанія Іеговы. Пророкъ вступаетъ въ борьбу съ усилившимся языческимъ направленіемъ во Израилѣ, предлагая чудомъ рѣшить вопросъ въ пользу служенія Іеговѣ или Ваалу ⁴⁾.

Любопытное явленіе мы наблюдаемъ послѣ факта посрамленія языческой партіи на Кармилѣ. Естественно было бы ждать вслѣдъ за кармилскимъ чудомъ, хотя временнаго обращенія царя ⁵⁾ и вообще вождей израильскаго народа къ Іеговѣ и отреченія отъ идолослуженія. На дѣлѣ происходитъ совершенно

¹⁾ 3 Царств. XII, 30.

²⁾ 3 Царств. XV, 26, 33—34; XVI, 1—2, 7, 13; XXII, 51—53; 4 Царств. III 2—3; XIII, 1—2, 11; XIV, 24; XV, 9, 18.

³⁾ 3 Царств. XVI, 31—33; ср. XXI, 26; XXII, 53, 54.

⁴⁾ 3 Царств. XVIII.

⁵⁾ Мягкая душа Ахава не могла сопротивляться впечатлѣнію кармилскаго происшествія. Ахавъ заплакалъ, уѣзжая съ кармила въ Изреель, но это было мимолетное увлеченіе природной чувствительности, котораго хватило только до возвращенія царя во дворецъ; оно исчезло, не обнаружившись въ дѣятельности (3 Царств. XVIII—45; XIX, 1—2)

обратное: руководители израильскаго народа открываютъ сильнѣйшее преслѣдованіе почитателей Іеговы, особенно пророковъ Бога Истиннаго, такъ что самъ Ілія Ѳесвитянинъ вынужденъ былъ искать безопасности въ горахъ ¹⁾. Справедливо, что во главѣ этой партіи стоитъ финикіянка Іезавель, искренняя язычница и поддерживаютъ ее такіе-же искренніе поклонники Ваала ²⁾, но и Ахавъ не мѣшаетъ этому преслѣдованію служителей Іеговы и тѣмъ негласно одобряетъ поведеніе языческой партіи. Слабохарактерностью Ахава объяснить это явленіе можно лишь отчасти; всего же больше Ахавъ не противостоялъ энергичнымъ дѣйствіямъ своей жены потому, что самъ признавалъ за ними государственную пользу. Выходя изъ политическихъ соображеній, онъ не могъ не одобрить поведенія языческой партіи, но для того, чтобы поднять лично открытое гоненіе на религію Іеговы, Ахавъ не находилъ въ себѣ необходимыхъ силъ, да оно было для него и не безопасно послѣ кармильскаго чуда; можно было, пожалуй, вызвать народный мятежъ. Дѣйствія же языческой партіи не представляли такого риска,—Ахавъ оставался въ сторонѣ, а язычники являлись, повидимому, лишь мстителеми за избіеніе своихъ жрецовъ пророкомъ Іліею.

Вообще, приведенный фактъ ясно свидѣтельствуетъ, что религіозными возрѣніями израильскихъ царей заправляли ихъ политическія соображенія. Здѣсь одна ошибка вызывала другую: неправильный политическій взглядъ разрѣшался религіозными нарушеніями. Принципъ религіозной обособленности израильтянъ отъ іудеевъ требовалъ удаленія отъ чистоты богопочтенія, а послѣдовательное развитіе его—и совершеннаго забвенія Іеговы; мѣсто Іеговы должны были замѣнить языческіе боги. Возникавшее же отсюда религіозное сближеніе съ сосѣдними

¹⁾ 3 Царств. XIX, 3—4, 10.

²⁾ Послѣдніе тоже иногда называются пророками. Но это собственно не пророки, а простые жрецы Ваала. Ихъ религіозныя убѣжденія были вполне языческія; они искренно вѣровали въ Ваала и твердо надѣялись на его помощь (3 Царств. XVIII, 26—29). Будучи вызвавши Іезавелью изъ родной ей Финикіи, они имѣли своею задачею способствовать по возможности распространенію въ Израиль финикійской религіи и чрезъ то, быть можетъ, стремиться соединить Финикію съ Самарією.

идолопоклонниками не представляло, по взгляду израильскихъ царей, политической опасности, такъ какъ ослаблялось національнымъ различіемъ израильтянъ съ языческими народами. Таковы были политическія и вызываемыя ими религіозныя стремленія израильскихъ царей.

Теперь задача царей состояла въ томъ, чтобы осуществить свои взгляды. Какъ бы ни было высоко и авторитетно положеніе царя, однако воздѣйствовать подлежащимъ образомъ на народъ одинъ царь былъ не въ состояніи,—для этого необходимы посредствующіе органы. Отсюда царямъ естественно было окружить себя людьми преданными себѣ и глубоко убѣжденными въ государственной пользѣ ихъ религіозно-политическихъ стремленій. Несомнѣнно, такими лицами являлись прежде всего государственные сановники. Но тутъ были обстоятельства, которыя не могли ограничить выборъ нужныхъ политическихъ дѣятелей одними представителями власти. И въ Израиль, какъ и въ Іудею, не прекращалось служеніе пророковъ. Обладая нерѣдко „огненнымъ словомъ“ и необычайною силою воли, пророки пользовались неотразимымъ вліяніемъ на народную массу. Будучи же ревностными служителями Іеговы, они являлись могучими, а при отсутствіи богоустановленной іерархіи, и единственными защитниками среди Израиля истинныхъ понатій о Богѣ, защитниками религіи іудеевъ, и отсюда главными противниками политики царей. Такимъ образомъ, возникала нужда въ борьбѣ съ пророками. И цари, дѣйствительно, употребляли мѣры преслѣдованія противъ нихъ. Но, быть можетъ, самое значеніе пророковъ въ израильскомъ царствѣ убѣждало царей въ необходимости борьбы съ ними тѣмъ же оружіемъ, а ихъ вліяніе на народъ требовало борьбы не вполне явной. Цари, очевидно, сознавали, что мало было парализовать дѣятельность пророковъ строгими мѣрами; нужно было, съ одной стороны, подорвать ихъ значеніе въ глазахъ народа, съ другой—воспользоваться авторитетомъ пророка, какъ наилучшимъ средствомъ для проведенія извѣстныхъ идей въ народѣ. И вотъ при израильскомъ дворѣ появляется масса людей, по внѣшности во всемъ похожихъ на истинныхъ пророковъ, появляется цѣлый сонмъ мжепророковъ. Итакъ израиль-

скіе лжепророки были не болѣе, какъ сильная придворная партія, вполне усвоившая религіозно-политическіе взгляды своихъ повелителей, партія по своимъ убѣжденіямъ почти совершенно языческая, но прикрывавшаяся нерѣдко именемъ Іеговы для большаго успѣха въ дѣятельности.

Справедливость высказаннаго мнѣнія подтверждается библейскимъ рассказомъ о 400 лжепророкахъ, предсказавшихъ Ахаву побѣду въ войнѣ за Рамоеъ Галаадскій. Рамоеъ былъ незначительный городокъ, и союзникамъ, разсуждая съ обыкновенной политической точки зрѣнія, не предстояло особенно большого труда овладѣть имъ, тѣмъ болѣе, что Венададъ сирійскій уже нѣсколько разъ терпѣлъ пораженія отъ Ахава ¹⁾. Дѣйствительно, Ахавъ заранѣе былъ увѣренъ въ успѣшномъ исходѣ войны ²⁾. Но ему нужно было еще поднять духъ народа, сообщить бодрость войску ³⁾, а главнымъ образомъ, уступая требованію Іосафата, спросить, что скажетъ Господь. Ахавъ призываетъ 400 пророковъ. Что это были за люди, видно изъ самаго библейскаго повѣствованія о нихъ.—Они всегда пророчествовали объ Ахавѣ лишь „доброе“, такъ что Ахавъ смотритъ на нихъ, какъ на людей своей партіи. Онъ приглашаетъ ихъ, но напередъ знаетъ, какого характера будетъ ихъ пророчество. Не предсказывать будущее, какъ нѣчто неизвѣстное, обязанность призванныхъ пророковъ, а говорить лишь „доброе“, т.-е. желательное для царя. Ахавъ увѣренъ, что пророки своимъ пророческимъ авторитетомъ станутъ только поддерживать взглядъ царя на занимающій его вопросъ. Такъ и оказывается на самомъ дѣлѣ. Всѣ 400 приглашенныхъ Ахавомъ пророковъ говорятъ, именно то, что имѣлъ на умѣ Ахавъ. „Иди на Рамоеъ Галаадскій, будетъ успѣхъ, предастъ его Господь въ руку царя“ ⁴⁾.

Остановливаясь на взглядѣ Ахава и его пророковъ на пророчества, мы уже изъ сказаннаго можемъ видѣть, какъ царь и его пророки извращали смыслъ пророчества, придавая ему значеніе простаго политическаго совѣта, который основывается на общемъ воззрѣніи чловѣка и зависитъ потому отъ самаго

¹⁾ 3 Цар. XX, 20, 22, 29—30.

²⁾ 3 Царств. XXII, 3.

³⁾ Ср. Іерем. XXXVIII, 1—6.

⁴⁾ 3 Царств. XXII, 10—12.

пророка. Предсказаніе, какъ откровеніе, по ихъ взгляду, есть достояніе толпы. Съ такимъ пониманіемъ пророчества, по миѣнію царя, можно лишь мириться, но не принимать его, а подъ вкусы толпы даже не излишне поддѣлываться для болѣе успѣшнаго на нее воздѣйствія. Въ томъ же духѣ лжепророки совѣтуютъ поступать и истинному пророку Михею: „вотъ рѣчи пророковъ единогласно предвѣщаютъ царю доброе; пусть бы и твое слово было согласно съ словомъ cadaго изъ нихъ; изрѣки и ты доброе“ ¹⁾. Иначе говоря: поддержи и ты своимъ пророческимъ авторитетомъ желаніе царя.

Призванные Ахавомъ пророки, не смотря на свою многочисленность, не возбудили довѣрія Іоасафата. Неудовлетворенный іудейскій царь потребовалъ еще спросить „пророка Господня“. Дѣлая уступку своему союзнику, Ахавъ указалъ на Михея, но тутъ же замѣтилъ, что онъ (Ахавъ) не любитъ его, такъ какъ Михей не изъ числа тѣхъ, которые пророчествуютъ о немъ „доброе“, слѣдовательно, человекъ не его партіи; Михей предсказываетъ ему только „худое“. Все-же Михей былъ позванъ. И тутъ то раскрылась вся ложь пророковъ Ахава. Михей грозно изобличаетъ ихъ за то, что они прикрываются лишь именемъ Господа, а въ дѣйствительности являются органами духа лжи. Не смотря на то, лжепророки не только не признаются въ своемъ притворствѣ, но и готовы мстить Михею за обнаруженную имъ правду: столь, значить, необходимымъ они считали для успѣха своей дѣятельности внѣшность или видимый образъ истинныхъ пророковъ.

Трудно, наконецъ, допустить, чтобы лжепророки въ своихъ предсказаніяхъ лишь раболѣцствовали предъ царемъ,—Ахавъ въ случаѣ неисполненія пророчества могъ наказать ихъ. Скорѣе всего они и сами были твердо увѣрены въ успѣхѣ и при вышеупомянутомъ своеобразномъ взглядѣ на пророчество ²⁾ вѣроятно, убѣждены были въ побѣдѣ въ силу тѣхъ же соображеній какъ и Ахавъ, т. е. они и сами держались тѣхъ-же религіозно-политическихъ воззрѣній, какія усвоилъ себѣ Ахавъ.

Сводимъ къ единству свои разсужденія о религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ лжепророковъ: среди лжепророковъ, не-

¹⁾ 3 Цар. XXII, 13.

²⁾ 3 Царств. XII, 13.

сомнѣнно, были лица руководившіяся въ своей лживой пророческой дѣятельности соображеніями корыстнаго свойства, но большинство лжепророковъ въ своей ожесточенной борьбѣ съ истинными пророками слѣдовали своимъ принципиальнымъ религіознымъ и политическимъ воззрѣніямъ. Эти воззрѣнія лжепророковъ лучше всего уясняются изъ разсмотрѣнія отношенія лжепророковъ къ еврейскому обществу. Во Израилѣ въ теченіе длиннаго періода его исторической жизни рядомъ съ тѣмъ направленіемъ, которое оставалось вѣрнымъ Іеговѣ, подъ вліяніемъ различныхъ благоприятныхъ условій развивалось направленіе мірскаго характера, чуждое идеи о божественномъ предназначеніи избраннаго народа. Лжепророки принадлежали и были представителями въ іудейскомъ царствѣ того общества, которое увлекалось мірскими идеалами. Отсюда и религіозныя воззрѣнія они содержали тѣ же самыя, какими жила эта худшая часть Іуды; только ихъ сознанию онѣ предносились съ большею ясностью и опредѣленностью. Такъ какъ „богоотступный и жестоковыйный“ народъ во всемъ своемъ составѣ держался неодинаковыхъ религіозныхъ воззрѣній, то и лжепророки, какъ представители его, на различныхъ стадіяхъ его религіознаго развитія, въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ не всѣ сходились между собою. Въ то время какъ одни изъ іудеевъ и ихъ представители лжепророки изъ страха предъ карающей десницею божественнаго Правосудія признавали себя послѣдователями Іеговы, но подъ сильнымъ вліяніемъ чувственности все служеніе Ему ограничивали однимъ формальнымъ исполненіемъ обрядовыхъ предписаній, оставляя въ пренебреженіи сущность закона, его духовную сторону,—другіе іудеи и ихъ представители—лжепророки вмѣстѣ съ указаннымъ внѣшнимъ почитаніемъ Іеговы воздавали божеское поклоненіе языческимъ богамъ, потому что удовлетвореніе чувственнымъ влеченіямъ, соединявшееся нерѣдко съ идолослуженіемъ приучало ихъ видѣть въ идолахъ дѣйствительныхъ боговъ, равныхъ Іеговѣ. Наконецъ, третья часть іудеевъ и ихъ представители лжепророки, придерживавшійся древней теоріи, по которой благоденствіе всякаго народа зависитъ отъ его религіи и наблюдая значительно большее счастье языческихъ народовъ сравни-

тельно съ іудеями, заключали, что Іегова—Богъ безсильный, не могущій дѣлать ни добра ни зла. А дальнѣйшее крайнее развитіе этой теоріи разрѣшалось полнымъ богоотступленіемъ, признаніемъ самаго бытія Іеговы вымышленнымъ. Въ связи съ религіозными возрѣніями лжепророковъ стояли и политическіе ихъ взгляды. Исполняя формально законъ Моисеевъ, народная масса и ея представители лжепророки, считала себя достойной обѣщанныхъ Богомъ благъ избранному народу. Истолковывая же, вслѣдствіе извращенности своихъ религіозныхъ понятій, божественныя обѣщанія о всемірномъ царствѣ подъ властію Потомка Давида въ смыслѣ благопріятномъ для своихъ мірскихъ интересовъ, въ смыслѣ всемірнаго владычества іудеевъ хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, они были увѣрены, по крайней мѣрѣ, во всегдашней принадлежности имъ Палестины. Принятіемъ Іерусалимскій храмъ, какъ мѣсто особеннаго присутствія Іеговы, равно и происхожденіе ихъ отъ Авраама, являлось для нихъ надежнымъ ручательствомъ божественнаго благоволенія къ избранному народу, залогомъ благоденствія Іудей и ея политической безопасности. Ходъ событій міровой исторіи до нашествія на Іудею Навуходносора способствовалъ развитію въ іудеяхъ и въ особенности въ лжепророкахъ ложной увѣренности въ непреступности Іерусалима и несокрушимости іудейскаго царства. Потеря іудеями государственной самостоятельности при Навуходносорѣ родила въ нихъ и ихъ вождяхъ надежду достигнуть національнаго благоденствія чрезъ возстаніе противъ Вавилона и возстановленіе политической независимости Іудей. Затруднительное положеніе Навуходносора по смерти Кіаксара Мидійскаго, образовавшійся союзъ сирійскихъ государствъ съ цѣлію низверженія вавилонскаго ира и обѣщаніе помощи со стороны Египта, дѣлало правдоподобными надежды іудейскаго народа и его представителей на счастливый исходъ возстанія. Указанное благопріятное стеченіе политическихъ обстоятельствъ вмѣстѣ съ энергичной борьбой истинныхъ пророковъ съ лжепророками усиливало мечты лжепророковъ о мирѣ и благоденствіи Іудей. И лжепророки, ревнуя о благѣ своего отечества, для подъяема народной бодрости выдавали собственныя измышленія за бо-

жественное откровеніе, иногда сознательно, иногда бессознательно, въ самообольщеніи принимая сонныя видѣнія за голосъ Іеговы.

Въ израильскомъ царствѣ представителями и руководителями общества съ мірскими интересами являются сами цари. Выходя изъ того соображенія, что религіозное единеніе израильтянъ съ іудеями при ихъ племенномъ родствѣ опасно для самостоятельности израильскаго царства, цари израильскіе стремятся сперва только къ обособленности израильтянъ отъ іудеевъ въ служеніи Іеговѣ, потомъ постепенно, въ тѣхъ же видахъ, къ совершенному извращенію истинныхъ понятій о Богѣ и къ замѣнѣ богооткровенной религіи языческимъ культомъ. Лжепророки при этихъ царяхъ составляютъ придворную партію, образованную царями для борьбы съ истинными пророками, защитниками религіи іудеевъ, и для проведенія въ народѣ религіозно-политическихъ воззрѣній царей,—партію вполне и искренно раздѣлявшую убѣжденія своихъ повелителей.

Н. Лысогорскій.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ И ЕГО „ЖИЗНЬ ИСУСА“.

(ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ).

(Продолженіе *).

Глава V. „Жизнь Иисуса“ Ренана. Руководственные положенія Ренана.

Двумя руководственными положеніями пользуется Ренанъ въ своей книгѣ „Жизнь Иисуса“. Первымъ положеніемъ служитъ отрицаніе вѣры въ чудеса, признаніе такой вѣры абсурдомъ. „Если чудо имѣетъ подъ собою сколько-нибудь реальную почву, говоритъ онъ, въ Предисловіи къ „Жизни Иисуса“, то моя книга представляетъ сплошное заблужденіе... И наоборотъ, если чудо недопустимо, то я былъ правъ, рассматривая книги, которыя содержатъ рассказы о чудесахъ, какъ исторію съ примѣсю фижцій, какъ легенды, полныя неточностей, ошибокъ, систематическихъ вымысловъ... Что чудесъ, рассказываемыхъ въ Евангеліи, въ дѣйствительности не было; что Евангелія написаны безъ всякаго участія Божества,—оба эти отрицанія вовсе не являются у насъ результатомъ толкованія Евангелій, они предпосылаются этому толкованію... Я отрицаю чудеса, о которыхъ рассказываютъ евангелисты, не потому, чтобы предварительно мнѣ было доказано, что эти авторы не заслуживаютъ абсолютнаго довѣрія. Но такъ какъ они рассказываютъ о чудесахъ, я говорю: „Евангеліе представляетъ собой легенду; въ немъ могутъ быть историческіе факты, но, конечно, не все, что въ нихъ заключается, исторически вѣрно“.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 19 за 1907 г.

Вотъ первое основное положеніе. Руководясь имъ, Ренанъ приходитъ къ выводу, что ученый, изслѣдующій текстъ Евангелій, долженъ относиться къ нему такъ же, какъ онъ отнесся бы къ тексту другой древней книги; одни и тѣ же правила исторической критики должны ему помогать въ дѣлѣ изслѣдованія какъ той, такъ и другой книги. „Для рационалиста, говоритъ онъ, Евангеліе представляется источникомъ, къ которому слѣдуетъ прилагать общія правила критики источниковъ; по отношенію къ нему мы находимся въ томъ же положеніи, какъ арабологъ по отношенію къ Корану и Хадису, какъ санскритологъ по отношенію къ Ведамъ и буддійскимъ книгамъ... Будучи убѣжденъ, что всѣ книги, завѣщанныя намъ прошлымъ, созданы людьми, ученый не колеблясь признаетъ тексты невѣрными, если они другъ другу противорѣчатъ, или утверждаютъ абсурдныя вещи, или категорически опровергаются болѣе авторитетнымъ свидѣтельствомъ“ (Пред. къ „Жизни Иисуса“).

Но мы жестоко ошиблись бы, если бы позволили себѣ думать, что Ренанъ, прилагая къ изслѣдованію текста Евангелій правила исторической критики, всегда и всюду руководится одними объективными данными, представляемыми самимъ текстомъ. Въ большинствѣ случаевъ это оказывается положительно невозможнымъ не только при изслѣдованіи какой-нибудь древней книги, но даже при ознакомленіи съ самой новѣйшей книгой. Открывать противорѣчія, находить абсурдныя вещи, признавать одно свидѣтельство болѣе авторитетнымъ по сравненію съ другимъ,—все это въ значительной части опирается въ результатѣ не на объективныя данныя, а на ту концепцію, или тотъ общій взглядъ, который составилъ у ученаго относительно того или другого круга явленій. Одинъ, напр., историкъ философіи, раскрывая міровоззрѣніе Фр. Ницше, непременно раздѣлитъ философское развитіе послѣдняго на періоды, допустимъ, слѣдующіе три періода: первый, когда онъ былъ поклонникомъ Шопенгауера и Вагнера, второй,—когда онъ сталъ позитивистомъ, и наконецъ третій,—заратустрианскій періодъ. Такое мнѣніе историка философіи обопрется въ результатѣ не на объективныя данныя, а на то простое обстоятельство, что въ его сознаніи нѣтъ такой концепціи, которая дозволила

бы ему усмотрѣть въ философскомъ развитіи Ницше одинъ цѣльный процессъ. Другой историкъ философіи, который какъ разъ обладаетъ такой концепціей, объявить всѣ эти періоды простой внѣшней схемой, нисколько не соответствующей дѣйствительности. Первый историкъ будетъ видѣть рѣшительныя противорѣчія и поворотные столбы тамъ, гдѣ второму будетъ представляться совершенно ровный, открытый путь.

Какъ въ подтвержденіе, такъ и въ поясненіе этого положенія можно было бы привести массу примѣровъ изъ критическихъ церковно-историческихъ изслѣдованій. Но такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко и отдалило бы отъ темы, то мы ограничимся приведеніемъ лишь слѣдующаго примѣра. Однимъ изъ аргументовъ противъ подлинности посланій св. ап. Павла къ Колоссянамъ и Ефессянамъ выставляется ихъ антигностическая тенденція. Что играетъ въ данномъ случаѣ роль? То обстоятельство, что историкъ, оказавшійся не въ состояніи осмыслить появленіе гностицизма на чисто іудейской почвѣ, обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ посланіямъ ап. Павла и, воспользовавшись нѣкоторыми его положеніями, позволявшими чисто внѣшнее сближеніе съ гностическимъ ученіемъ, объявилъ этого апостола „родоначальникомъ гностицизма“. Вслѣдствіе этого посланія къ Колоссянамъ и Ефессянамъ, какъ рѣшительно противорѣчащія такому взгляду на апостола, были отвергнуты, какъ неподлинная (Ср. Кн. С. Н. Трубецкой. Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Т. I. Москва. 1900. Стр. 377).

Ренанъ не оставляетъ насъ въ этомъ случаѣ въ сомнѣніи. Во многихъ изъ своихъ сочиненій онъ прямо говоритъ, что историкъ долженъ руководиться въ дѣлѣ возстановленія давно минувшаго времени художественнымъ чувствомъ истины. „У историка, говоритъ онъ, одна забота: соблюсти истину и художественность (эти оба требованія нераздѣлимы, ибо искусство есть хранитель неисповѣдимыхъ законовъ истины“ (Жизнь Иисуса, Предисл.). Въ частности, приступая къ описанію жизни Иисуса, онъ заявляетъ: „если заставить себя, излагая жизнь Иисуса, упоминать только о несомнѣнныхъ фактахъ, то пришлось бы ограничиться лишь нѣсколькими строчками. Онъ су-

ществовалъ, былъ родомъ изъ Назарета въ Галилеѣ. Проповѣдь Его была обаятельна, и отъ нея сохранились въ памяти Его учениковъ афоризмы, глубоко въ ней запечатлѣвшіеся. Главными изъ Его двухъ учениковъ были Кифа и Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ. Иисусъ возбудилъ къ Себѣ ненависть правовѣрныхъ евреевъ, которымъ удалось предать Его смертной казни при содѣйствіи Понтія Пилата, бывшаго въ то время прокураторомъ Іудей. Онъ былъ распятъ на крестѣ за воротами города. Спустя цѣкоторое время распространился слухъ, будто Онъ воскресъ. Вотъ все, что намъ было бы извѣстно съ достовѣрностью, если бы даже не существовало Евангелій, или если бы признавать показанія ихъ ложными,—на основаніи текстовъ, подлинность и даты которыхъ безспорны, каковы, напр., несомнѣнно достовѣрныя посланія св. Павла, посланія къ Евреямъ, Апокалипсисъ и другіе весьма надежныя источники. Все, что выходитъ за предѣлы этихъ данныхъ, можетъ подлежать сомнѣнію. Что представляла собой Его семья? Каковы были въ частности Его отношенія къ Іакову, „брату Господню“, который по смерти его игралъ столь важную роль? Существовали ли у Него дѣйствительно какія либо отношенія къ Іоанну Крестителю, и находились ли наиболѣе извѣстные изъ Его учениковъ въ числѣ послѣдователей Крестителя, прежде чѣмъ перейти къ Нему? Въ чемъ состояли Его мессіанскія идеи? Смотрѣлъ ли Онъ на Самого Себя какъ на Мессію? Каковы были Его апокалипсическія идеи? Вѣрилъ ли Онъ въ то, что появится въ видѣ Сына Человѣческаго въ облакахъ? Воображалъ ли Онъ о Себѣ, что можетъ творить чудеса? Приписывали ли Ему ихъ при жизни? Создалась ли легенда о Немъ среди окружающихъ Его при жизни Его, и было ли это Ему извѣстно? Каковъ былъ Его нравственный обликъ? Каковъ былъ Его взглядъ на доступъ язычниковъ въ царство Божіе? Былъ ли Онъ чистокровнымъ евреемъ, подобно Іакову, или же порвалъ всѣ связи съ іудаизмомъ, подобно наиболѣе пылкимъ членамъ Его церкви? Какимъ порядкомъ пло-развитіе Его мысли?—Всѣ тѣ, которые требуютъ отъ исторіи только несомнѣннаго, должны оставить эти вопросы безъ отвѣта. Для подобныхъ вопросовъ Евангеліе свидѣтель слишкомъ

ненадежный, ибо нерѣдко здѣсь встрѣчаются аргументы въ пользу двухъ противоположныхъ положеній, и сверхъ того потому, что обликъ Іисуса въ Евангеліяхъ измѣняется въ зависимости отъ догматическихъ взглядовъ ихъ редакторовъ. Я лично думаю, что при такихъ обстоятельствахъ позволительно строить всякія предположенія при условіи выдавать ихъ лишь за то, что они собой представляютъ на самомъ дѣлѣ. Тексты, не обладающіе исторической достовѣрностью, не могутъ давать полной увѣренности, но они даютъ нѣчто другое. Не должно отдаваться имъ съ слѣпымъ довѣріемъ; но не слѣдуетъ и отклонять ихъ показанія съ несправедливымъ презрѣніемъ. Нужно стараться угадать, что за ними скрывается, но при этомъ никогда не питать абсолютной вѣры въ то, что найдено такимъ образомъ" (Тамъ-же).

Отрицаніе за Евангеліями значенія несомнѣнно подлиннаго историческаго документа, признаніе ихъ содержанія легендарнымъ заставляеть такимъ образомъ Ренана положиться при возстановленіи картины жизни Іисуса всецѣло на непосредственное чутье истины, скрашивая пользованіе подобнымъ критеріемъ скептическими словами, рассыпаемыми то здѣсь, то тамъ: „можетъ быть, вѣроятно, повидимому и т. под.“. Непосредственное чутье истины и составляетъ второе положеніе, которымъ руководится Ренанъ въ своей „Жизни Іисуса“. Стремясь возстановить Евангельскую исторію, онъ прибѣгаетъ къ тому же чувству художественнаго правдоподобія, которымъ руководится инстинктивно художникъ, создавая своимъ творческимъ воображеніемъ тотъ или другой типъ. Этому своему чувству истины Ренанъ, нужно замѣтить, довѣряеть необыкновенно. „Оригинальная среда (т. е. та среда, въ которой протекло его дѣтство, о чемъ мы говорили выше. См. гл. II) говоритъ опъ, даровала мнѣ качества, столь необходимыя въ дѣлѣ историческихъ изслѣдованій, которыми я обладаю. Отъ нея я усвоилъ въ нѣкоторомъ родѣ способность видѣть подъ землей и различать звуки, недоступныя для другихъ ушей. Сущность критики заключается въ умѣнѣй понимать состоянія, очень отличныя отъ тѣхъ, которыя мы переживаемъ непосредственно. Я видѣлъ примитивный міръ. Въ Бретани до 1830 года живо

было еще самое отдаленное прошлое. Въ городахъ предъ вами во-очію вставалъ міръ XIV и XV столѣтій. А по деревнямъ для внимательнаго глаза была замѣтна эпоха галльскаго переселенія (V и VI вѣка). Изъ-за христіанскаго покрова, часто очень прозрачнаго, просвѣчивало язычество. Къ этому примѣшивались черты еще болѣе стараго міра, замѣченныя мною у Лапландцевъ. Когда въ 1870 году я вмѣстѣ съ принцемъ Наполеономъ осматривалъ хижины лапландцевъ въ одной изъ стоянокъ, близъ Тромсае, мнѣ не разъ казалось, что въ типахъ женщинъ и дѣтей, въ извѣстныхъ чертахъ, извѣстныхъ привычкахъ предо мной оживаютъ самыя отдаленныя мои воспоминанія“ (Souvenirs Saint Renan).

Такимъ образомъ отрицаніе сверхъестественнаго происхожденія христіанской религіи и вѣра въ свою способность уловить дѣйствовавшія въ данномъ случаѣ настоящія „чисто естественныя“ силы,—вотъ тѣ два положенія, которыми руководится Ренанъ въ своемъ стремленіи возстановить подлинную Евангельскую исторію, выдѣлить въ ней дѣйствительно историческое ядро отъ приросшихъ къ нему естественно легендарныхъ придатковъ.

Первое положеніе съ необходимостью требуетъ второго. Если для насъ Евангелія—источникъ, описывающій явленія неправдоподобно, естественно мы должны или рѣшительно отказаться отъ возстановленія подлинной Евангельской исторіи или попытаться описать ее, руководясь своимъ собственнымъ чувствомъ правдоподобія. Въ послѣднемъ случаѣ,—если только мы придерживаемся дѣйствительно правилъ строгаго объективнаго изслѣдованія,—мы должны смотрѣть на свою попытку возстановленія подлинной Евангельской исторіи, какъ на косвенное оправданіе допущеннаго перваго положенія, отрицающаго вѣру въ чудеса. Приступая къ описанію жизни Иисуса, мы должны въ этомъ случаѣ проникнуться намѣреніемъ дать ясную и точную картину, освѣщающую намъ Евангельскую исторію, какъ естественное явленіе, представляющую ее намъ вполне понятной или лучше только и понятной при условіи отрицанія вѣры въ сверхъестественный ея характеръ. Мы отчетливо должны въ этомъ случаѣ подчеркнуть, что, отбрасывая

одну гипотезу о происхожденіи христіанства, именно ту, которую даетъ теологія, мы даемъ другую, какъ болѣе понятно и правдоподобно представляющую дѣло, и вслѣдствіе этого позаботиться объ отсутствіи въ нашей гипотезѣ всякой неясности и неопредѣленности.

Ренанъ такъ не поступаетъ. Не смотря на весь свой скептицизмъ, это—человѣкъ безусловно догматическаго склада мысли. Его скептицизмъ—лишь видимость. Имъ онъ пользуется исключительно съ тою цѣлю, чтобы отвлечь вниманіе своего читателя отъ критически вдумчиваго отношенія къ его положенію объ отрицаніи сверхъестественнаго происхожденія христіанской вѣры.

Если бы убѣжденный матеріалистъ, придерживающійся положенія: „человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ“, сталъ выяснять свойства и особенности поэтическихъ произведеній Гете, изслѣдуя быковъ, которыхъ онъ кушалъ въ продолженіе своей жизни, онъ рассуждалъ бы, конечно, дико, но съ чисто логической точки зрѣнія онъ поступилъ бы вполне правильно: онъ далъ бы свою строго опредѣленную гипотезу, предоставляя полную возможность каждому интересующемуся этимъ вопросомъ видѣть, насколько правдоподобно положеніе, составляющее основу всего его рассужденія. Его нельзя было бы обвинить въ нарочитомъ стремленіи затуманить сознаніе человѣка въ отношеніи къ этому положенію. Но если бы матеріалистъ, поставивъ себѣ задачей выясненіе свойствъ и особенностей поэтическаго таланта Гете, сталъ рассуждать такимъ образомъ: „конечно, очень многое въ дѣятельности Гете объясняется мясомъ быковъ, которыхъ онъ кушалъ, но, повидимому нѣкоторую роль играли въ этомъ и тѣ сливы, которыя растутъ по дорогѣ въ Веймаръ, а также и многія другія мелкія матеріальныя силы, которыя теперь историку не видны, но которыя тогда несомнѣнно существовали и проявляли свое вліяніе“, его рассужденіе не было бы такъ дико, какъ рассужденіе перваго матеріалиста, но оно было бы логически не законно, такъ какъ словами: „можетъ быть, повидимому“ и ссылкой на другія неопредѣленныя силы оно лишь туманило бы сознаніе человѣка, заставляя его, въ случаѣ чувствованія

имъ недостаточности объясненія, искать другихъ предполагаемыхъ причинъ въ кругѣ, очерченныхъ основнымъ положеніемъ, а не всмотрѣться здраво въ это положеніе и не уловить, что все дѣло въ этомъ положеніи и заключается, что оно именно и суживаетъ горизонтъ его мысли.

Ренанъ въ своей „Жизни Іисуса“ и поступаетъ точь-въ-точь, какъ второй матеріалистъ. Разсыпая тамъ и сямъ скептическія слова и замѣчанія въ отношеніи къ рисуемой имъ картинѣ, онъ тѣмъ самымъ лишь не даетъ своему читателю возможности критически отнестись къ его основному положенію—отрицанію сверхъестественнаго происхожденія христіанской вѣры, заставляя его, въ случаѣ чувствованія имъ недостаточности объясненія успокоиться на сознаніи, что не можетъ же историкъ воспроизвести точно все событіе, что достаточно для него хотя отчасти пропикнуть въ его сущность.

Вотъ, напр., какимъ разсужденіемъ сопровождаетъ Ренанъ изложеніе нравственнаго ученія Спасителя, раскрытаго въ Нагорной проповѣди. Прежде всего, разумѣется, отразился въ этомъ ученіи „прекрасный климатъ Галилеи“. „Поистинѣ, говоритъ онъ, прологомъ царства Божія была жизнь этихъ простыхъ, добрыхъ и счастливыхъ людей, которые то беззаботно покачивались на волнахъ своего прелестнаго маленькаго моря, то мирно спали на его берегахъ. Мы себѣ представить не можемъ всего очарованія жизни, протекающей такимъ образомъ подъ открытымъ небомъ, того ровнаго и яркаго въ то же время внутренняго огня, который получается отъ этого постоянного общенія съ природой, сладкихъ сновидѣній въ такія ночи при свѣтѣ звѣздъ, подъ безконечно глубокимъ синимъ куполомъ неба... Въ результатѣ простого и тихаго образа жизни, который вели въ Галилеѣ, было полнѣйшее равнодушіе ко всякой виѣшности и къ суетнымъ излишествамъ въ отношеніи утвари и одежды, въ которыхъ нашъ печальный климатъ заставляеть насъ нуждаться... Всѣ аксессуары жизни здѣсь ничтожны по сравненію съ радостью бытія. Украшенія домовъ здѣсь излишни, ибо въ нихъ стараются оставаться какъ можно меньше“. (Жизнь Іисуса. Гл. X).

Но, давая такое объясненіе, Ренанъ видимо чувствуетъ, что

и такія ночи при свѣтѣ звѣздъ, и бесконечно глубокой синей куполъ неба сами по себѣ достаточны лишь для того, чтобы породить въ сентиментальномъ юношѣ или дѣвицѣ тотъ внутренній огонь, который цѣликомъ выливается въ грезахъ „о счастьѣ съ милымъ въ шалашѣ“; что описывая мягкій климатъ Галилеи, онъ въ дѣйствительности не уясняетъ основной черты нравственнаго сознанія христіанина—беззавѣтной преданности высшему небесному идеалу. Поэтому къ своему разсужденію о климатѣ Галилеи онъ дѣлаетъ добавленіе, которое бы уяснило, почему христіанинъ считаетъ всѣ блага міра суетой, полнымъ ничтожествомъ по сравненію съ небеснымъ сокровищемъ. „Счастливая группа людей, говоритъ онъ, полагавшаяся на Отца Небеснаго во всемъ, что касалось удовлетворенія ея потребностей, приняла главнымъ своимъ правиломъ смотрѣть на жизненныя заботы, какъ на зло, которое заглушаетъ въ человѣкѣ зародыши всего хорошаго... Разбой, сильно укоренившіеся въ Галилеѣ“ (что, слѣдовательно, порождаетъ сами по себѣ въ душѣ человѣка и тихія ночи, при свѣтѣ звѣздъ, и бесконечно глубокой синей куполъ неба?) „съ своей стороны подкрѣпляли этого рода возрѣнія. Бѣднякъ, который нисколько не страдалъ отъ разбоевъ, могъ смотрѣть на себя, какъ на любимца Бога, между тѣмъ какъ богатый человѣкъ, собственность котораго была мало обезпечена, и былъ въ сущности обездоленъ“. (Гл. X). Но снова Ренанъ, видимо, чувствуетъ недостаточность своего объясненія, такъ какъ вѣдь разбой въ дѣйствительности никогда не способенъ убѣдить бѣдняка въ томъ, что онъ любимецъ Божій. Отъ разбоевъ въ дѣйствительности и страдаетъ по преимуществу бѣдный народъ. Правда, у него отнимаютъ гроши, но вѣдь это и составляетъ все его достояніе. Вѣроятно, Иродъ Антипа, обычная резиденція котораго была въ Тиверіадѣ, не страдалъ отъ разбойниковъ, тогда какъ бѣдные галилейскіе рыбаки, несомнѣнно, чувствовали ихъ. Поэтому Ренанъ выдвигаетъ новую причину. „Въ концѣ концовъ, говоритъ онъ, нарождавшееся христіанство въ этомъ отношеніи только шло по слѣдамъ іудейскихъ сектъ, основанныхъ на отшельнической жизни. Принципъ коммунизма былъ душой этихъ сектъ (ессениане,

терапевты), на которыхъ и фарисеи, и садукееи смотрѣли одинаково неодобрительно. Мессіаниззмъ, имѣвшій у правовѣрныхъ іудеевъ чисто политическій характеръ, у этихъ сектъ превращался въ социализмъ. Эти маленькія церкви, въ которыхъ быть можетъ не безъ основанія предполагалось подражаніе нео-пифагорейскимъ учрежденіямъ, думали водворить на землѣ небесное царство посредствомъ спокойнаго, уравновѣшеннаго, созерцательнаго образа жизни, предоставляющаго свободу каждому индивидууму. Утопіи блаженной жизни, основанной на братствѣ людей и на чистомъ культѣ истиннаго Бога, занимали всѣ возвышенные умы и вызывали со всѣхъ сторонъ смѣлыя, искреннія попытки, не имѣвшія впрочемъ будущаго. Въ этомъ отношеніи Иисусъ, связи котораго съ ессенианами трудно установить съ точностью (въ исторіи сходство далеко еще не всегда опредѣляетъ собой и связь), конечно, имѣлъ съ ними много родственнаго“. (Гл. X.).

Итакъ въ нравственномъ ученіи Христа прежде всего отразился мягкій климатъ Галилеи, затѣмъ ему помогли окрѣпнуть разбой, сильно укоренившіеся въ той же самой Галилеѣ, въ концѣ же концовъ все дѣло объясняется тѣми безчисленными маленькими историческими явленіями, которыя въ настоящее время историку очень трудно отчетливо воспроизвести, но которыя несомнѣнно существовали. Эти явленія, правда, въ другихъ случаяхъ обыкновенно разрѣшались ничѣмъ, но здѣсь они естественно закончились такимъ гигантскимъ результатомъ, что и въ настоящее время Евангеліе является „лучшимъ лекарствомъ отъ докучности обыденной жизни, вѣчнымъ *Surgam cogda*, могущественнымъ отвлеченіемъ отъ жалкихъ земныхъ заботъ, цѣльнымъ призывомъ, въ родѣ сказаннаго Иисусомъ Мароѣ: „Мароа, Мароа, ты заботишься и суетишься о многомъ, а одно только пусто“ (Гл. X).

Вотъ образчикъ разсужденія Ренана. Изъ него ясно видно, что въ своей „Жизни Иисуса“ Ренанъ не стремится представить съ своей точки зрѣнія строго опредѣленную и законченную картину происхожденія христіанства, которую его читатель могъ бы сравнить съ другой картиной, даваемой богословской наукой, исходящей изъ положенія о сверхъестествен-

номъ происхожденіи христіанскаго ученія. Нѣтъ, его разсужденія инстинктивно клонятся къ тому, чтобы у его читателя никогда не возникло критическаго отношенія къ его основному положенію. „Нѣтъ чудесъ, все происходитъ естественно“,— это для Ренана — догматъ, въ истинности котораго онъ ни на минуту не желаетъ усомниться. Всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи онъ стремится затушевать. Если вы настолько обладаете здравымъ смысломъ, что въ состояніи понять, что мягкій климатъ Галилеи вовсе не способенъ пробудить въ сознаніи человѣка христіанской идеи о Царствѣ Божіемъ, вамъ указываютъ на разбой. Если же и по поводу этой мысли вы скептически недоумѣваете, вамъ говорятъ объ ессенианахъ, терапевтахъ, неопифагорейскихъ школахъ. Здѣсь обыкновенно разсужденія прекращаются и, нужно сказать, совершенно кстати. Всѣ эти ессениане, терапевты, неопифагорейцы для обыкновеннаго человѣка—рѣшительная terra incognita, ученія ихъ онъ не знаетъ и потому совершенно не въ состояніи задать вопроса: да дѣйствительно ли то настроеніе или тотъ духъ, который жилъ въ послѣдователяхъ этихъ школъ и отразился въ ихъ ученіи, тождественъ съ духомъ, волнующимъ сердце истиннаго христіанина?

Такимъ образомъ, стремясь возстановить подлинную картину зарожденія христіанства, Ренанъ пользуется двумя основными положеніями: во 1) признаніемъ за этимъ явленіемъ характера естественнаго явленія, во 2) признаніемъ высшимъ судьей въ дѣлѣ возстановленія подлинной Евангельской исторіи непосредственно переживаемое человѣкомъ чувство художественной правды. При этомъ Ренанъ всѣми силами стремится фальсифицировать голосъ послѣдняго. Своимъ безусловнымъ, не допускающимъ и тѣни какого-нибудь сомнѣнія отрицаніемъ сверхъестественныхъ явленій онъ стремится поставить художественное чувство человѣка въ такое положеніе, чтобы ему не представлялось никакого другого выхода, какъ только согласиться съ представляемой имъ картиной, хотя бы вопреки глубокимъ своимъ движеніямъ.

Вслѣдствіе этого, разбирая книгу Ренана, мы поставимъ себѣ на разрѣшеніе два вопроса: во 1) дѣйствительно ли по-

положеніе о чудесахъ является такимъ положеніемъ, которымъ, держась основныя требованія науки, никакъ нельзя руководиться; во 2) можетъ ли непосредственно переживаемое человекомъ чувство художественной правды, если мы прислушаемся къ его свободному, чуждому тенденцій голосу, свидѣтельствовать въ пользу представленной Ренаномъ картины зарожденія христіанства?

Глава VI. Вѣра въ чудеса и психологическое оправданіе ея.

Отвергая вѣру въ чудеса, Ренанъ въ оправданіе такого отрицанія указываетъ на одно, а именно, что нашъ опытъ никогда и нигдѣ не подтверждаетъ факта сверхъестественнаго явленія. „Никто не можетъ привести для примѣра ни одного чуда, говорить онъ, которое бы произошло при свидѣтеляхъ, вполне способныхъ подтвердить его; никакое частное внимательство Божества въ какое бы то ни было явленіе, будь то составленіе книги, или что либо иное, никогда не было доказано“. (Предисл. къ „Жизни Иисуса“).

Съ подобнымъ положеніемъ, разумѣется, нельзя не согласиться. Какъ бы внимательно астрономъ ни разсматривалъ въ телескопъ звѣздныя пространства, онъ естественно нигдѣ не увидитъ Бога. Точно также нашъ глазъ никогда не усмотритъ въ опытѣ сверхъестественнаго явленія, т. е. дѣйствія, совершеннаго силою Божіею, если бы даже оно и имѣло мѣсто. Нашъ глазъ всегда увидитъ одно лишь чувственное явленіе. Что же оно представляетъ собою,—явленіе естественное или сверхъестественное,—нами будетъ растолковываться и растолковываться въ зависимости отъ тѣхъ общихъ положеній, которыхъ мы держимся. „Все сводится къ тому, какъ справедливо замѣчаетъ С. Н. Трубецкой, во что человекъ вѣритъ—въ Бога или въ міръ, и во что онъ вѣритъ больше. Если онъ вѣритъ въ міръ, то міръ является ему границей Бога или совершеннымъ Его отрицаніемъ, и никакія чудеса въ мірѣ не покажутъ ему Бога—они откроютъ ему лишь новыя, дотошъ неизвѣстныя ему силы въ мірѣ. Если онъ вѣритъ въ Бога, то, наоборотъ, весь міръ со всею полнотою своихъ силъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ человеку, будетъ для него не

границей или отрицаніемъ, а обнаруженіемъ силы и славы Божіей. И если онъ вѣритъ въ Бога, во Христа, то и во Христѣ онъ увидитъ Божью силу и повѣритъ свидѣтельству о томъ, что Онъ побѣдилъ міръ, и что „смерть не могла Его удержать“ (Дѣян. 2, 24). (Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Стр. 383).

Нельзя это понимать въ томъ смыслѣ, что вѣра. не знаетъ никакихъ законовъ, что она какъ свободно (т. е. неизвѣстно, почему) поселяется внутри человѣка, такъ же свободно и исчезаетъ изъ его сердца. Правда, подобное мнѣніе высказывается очень часто. Очень часто, напр., утверждаютъ даже тѣ мыслители, которые признаютъ значеніе за вѣрой, что чудеса, какъ таковыя, лежатъ внѣ области науки, что они составляютъ объективную границу научной мысли, которую послѣдняя не можетъ преступить, не отказавшись отъ себя (ср. С. Н. Трубецкой. Цит. соч. Стр. 382). Съ точки зрѣнія такихъ мыслителей представляется, что въ то время, какъ научная область является для человѣка строго опредѣленной областью, гдѣ каждый его шагъ можетъ быть ему точно извѣстенъ, гдѣ надежные маяки постоянно освѣщаютъ ему путь. вѣра вырисовывается въ качествѣ безбрежнаго моря, по которому человѣкъ плыветъ и безъ руля, и безъ вѣтриль, отдавшись вполнѣ волѣ стихій, обликъ которыхъ для него безусловно не проницаемъ.

Не смотря на то, что подобное мнѣніе высказывается какъ мыслителями, совершенно отрицающими вѣру въ сверхъестественныя явленія (Ренанъ, напр., также говоритъ, что допущеніе „сверхъестественнаго ставитъ насъ внѣ научной почвы“. См. Жизнь Иисуса. Предисл.), такъ и признающими за ней значеніе, оно не можетъ быть признано состоятельнымъ. Оно представляетъ собою не что иное, какъ отзвукъ раціоналистической вѣры въ тожество мышленія и бытія. Если мы держимся подобнаго убѣжденія, то необходимо должны признать опытъ границей научной мысли, такъ какъ въ противномъ случаѣ послѣдняя не будетъ имѣть никакого трансцендентнаго корректива своей дѣятельности, а это прямо отрицало бы ея природу: мысль, развивающаяся исключительно по имманент-

нымъ законамъ или, говоря точнѣе (такъ какъ понятіе закона съ необходимостью связывается у насъ съ понятіемъ трансцендентности), мысль, заключенная въ себѣ, трансцендируя, т. е. выступая за свои предѣлы, полагая сущее, лишалась бы своего логическаго характера, будучи не въ состояніи отличить фикцій отъ дѣйствительныхъ предметовъ. Никто, конечно, не будетъ утверждать, что наша мысль о Богѣ равняется самому Божеству, что, доказывая бытіе Божіе, мы тѣмъ самымъ полагаемъ Его бытіе въ родѣ существующихъ предметовъ. Въ разсужденіи о бытіи Высшаго Существа философская мысль, слѣдовательно, довольно легко замѣчаетъ ошибку допущеннаго ею предположенія о тождествѣ мышленія и бытія. Но, какъ часто бываетъ, вмѣсто кореннаго пересмотра основнаго положенія, она удовлетворяется его ограниченіемъ. Признавши страннымъ всякое доказательство бытія Высшаго Существа при предположеніи тождества мышленія и бытія, философская мысль пришла къ убѣжденію, что разсудочная дѣятельность человѣка, или научная дѣятельность имѣетъ свое законное примѣненіе лишь въ области условнаго бытія, или въ той области, гдѣ фактъ всегда можетъ ее контролировать. Вслѣдствіе этого вѣра оказалась за границей науки, въ такой области, гдѣ дѣйствительность, идеаль, фикція или мечта или смутно различаются или даже совсѣмъ не различаются, гдѣ поэтому опасно разсуждать, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего, что способно было бы дать почувствовать мысли или истинность или ложность строяемыхъ ею положеній.

Раціоналистическая вѣра въ разумъ изгонялась такимъ образомъ изъ области теологіи, но въ замѣнъ этого приобрѣтала себѣ очень надежное убѣжище въ области опытныхъ наукъ. Здѣсь разумъ, ограничивъ себя фактомъ, по прежнему чувствовалъ себя всесильнымъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности и въ этой области доказательство, если мы придерживаемся положенія о тождествѣ мышленія и бытія, такъ же невозможно и такъ же странно, какъ и въ области теологіи. Нигдѣ и никогда опытъ не способенъ намъ доказать, что извѣстное явленіе есть чудо. Но точно такъ же опытъ никогда не въ состояніи доказать и того, что „прямая линія есть

кратчайшее разстояніе между двумя точками“, „что параллельныя линіи нигдѣ въ пространствѣ не пересѣкутся“, что „изъ ничего ничего не бываетъ, и ничто не обращается въ ничто“. И на эти положенія мы не можемъ смотрѣть, какъ на строго обоснованныя или доказанныя положенія, т. е. такія положенія, въ которыхъ ясно и отчетливо проявлялось бы тожество мышленія и бытія. Мы принимаемъ эти положенія, признаемъ ихъ истинными, но не потому, чтобы опытъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь рѣшительно засвидѣтельствовалъ ихъ безусловную истинность, а потому, что, разбираясь подъ ихъ руководствомъ въ окружающихъ предметахъ и явленіяхъ, наша мысль не подавляется внѣшними впечатлѣніями, а остается сама собой, чувствуетъ свою нѣкоторую самостоятельность въ отношеніи къ нимъ, чувствуетъ, что и она является въ качествѣ особаго члена міровой жизни, имѣющаго возможность проявлять своеобразную дѣятельность въ цѣломъ міровой жизни. Руководясь этими положеніями, наша мысль видитъ предъ собой не хаосъ, среди котораго она должна замереть съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ, а нѣчто связанное, соотвѣтствующее какъ будто ея логической природѣ,—словомъ видитъ себя въ такой средѣ, гдѣ она можетъ жить и развиваться, а не обречена на безусловное уничтоженіе.

Такимъ образомъ основныя истины, обусловливающія научную дѣятельность, представляютъ собой не что иное, какъ предположенія, находящія свое послѣднее завѣреніе въ томъ, что онѣ даютъ возможность человѣку жить среди окружающихъ его предметовъ и явленій, сохраняя свое своеобразие, или чувствуя въ отношеніи къ нимъ свою относительную самостоятельность.

Но, пока взоръ человѣка устремленъ лишь на внѣшній міръ, чувствованіе имъ своей самости является очень неопредѣленнымъ и смутнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ она можетъ проявиться здѣсь? Исключительно въ томъ, что онъ живетъ, какъ организмъ, питается, размножается, строитъ жилища и т. п. Поэтому, если мы ограичимъ дѣятельность человѣка его отношеніемъ къ внѣшнимъ предметамъ, наука должна въ цѣляхъ своего оправданія указывать лишь на то,

что она даетъ человѣку возможность существовать, какъ организму, пользоваться въ своихъ цѣляхъ открываемыми ею силами и законами природы. Но вскрывая свой подобный чисто утилитарный характеръ, она съ необходимостью будетъ приходить къ своему отрицанію. Она будетъ говорить, что человѣкъ вовсе не представляетъ изъ себя какого-нибудь особаго по сравненію съ другими предметами природы существа, что онъ такой же необходимый продуктъ природы, какъ и послѣдніе. Другими словами, наука будетъ утверждать, что, если во внѣшней по отношенію къ человѣку средѣ, царитъ строгій порядокъ и законъ, стягивающій все видимо разрозненное и хаотичное въ одно цѣлое, расчлененное и гармоничное, самъ человѣкъ въ своей внутренней жизни является для себя чистымъ хаосомъ, въ которомъ нѣтъ никакого намека на порядокъ, законъ и гармонію. Правда, всѣ желанія человѣка, всѣ его хотѣнія и чувствованія строго опредѣлены, строго связаны, но лишь во внѣшней по отношенію къ нему средѣ, а не въ немъ самомъ, не въ его самосознаніи. Ни о какой цѣльности и гармоничности внутри человѣка не можетъ быть рѣчи. Все это можетъ дать человѣку лишь норма или идеалъ. Между тѣмъ никакой нормы, никакого идеала наука, отмежевавшая себѣ область опыта, не знаетъ. Все это для нея лишь отзвуки прежней вѣры въ сверхъестественный міръ, все это относится, словомъ, къ той области, гдѣ фикція и дѣйствительность, истина и ложь—неразличимы. Но безъ нормы или идеала, т. е. безъ начала, объединяющаго внутри, въ самосознаніи всѣ ея положенія, сама паука существовать не можетъ.

Такимъ образомъ, наука, думая обособиться отъ вѣры и стремясь создать себѣ совершенно самостоятельную область, неизбежно, завершая свое міровоззрѣніе, должна придти къ своему отрицанію какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи,—въ теоретическомъ, такъ какъ основныя ея истины опираются на чувствованіе человѣкомъ своей свободы, въ практическомъ, такъ какъ признаніе единственнымъ движущимъ паучное стремленіе нервомъ осязательную пользу способно въ корнѣ убить его въ человѣкѣ.

Все это ясно показываетъ, что въ дѣйствительности науч-

ная дѣятельность человѣка вовсе не является обособленной отъ дѣятельности вѣры. Устанавливая связь между предметами и явленіями природы, открывая естественныя силы и законы, по которымъ они дѣйствуютъ, наука тѣмъ самымъ освобождаетъ внутреннюю жизнь человѣка. Последняя становится богаче, сложнѣе, а потому явственнѣе и оцутительнѣе. Она начинаетъ останавливать на себѣ взоры человѣка. Человѣкъ чувствуетъ необходимость проявить внутреннюю дѣятельность, дѣятельность въ отношеніи къ самому себѣ. При этомъ тоже стремленіе, которое заставляетъ его искать во внѣшнемъ бытіи гармонію и законъ и слѣдовательно развивать научную дѣятельность, заставляетъ его и въ области своей внутренней жизни не мириться съ хаосомъ, а искать гармоніи и закона, другими словами развивать дѣятельность вѣры, думать о высшемъ идеалѣ и устанавливать съ нимъ живую связь.

Научная дѣятельность человѣка имѣетъ свои предположенія, которыя и дѣлаютъ ее возможнымъ. Это—основныя истины науки, ихъ аксіомы и постулаты. Они признаются нами безусловныя истинами, положеніями, въ которыхъ сомнѣваться невозможно, но не потому, чтобы они были строго доказаны, а потому, что подъ ихъ руководствомъ нашъ внѣшній опытъ систематизируется и, оставаясь внѣшнимъ по отношенію къ намъ или трансцендентнымъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ нашемъ достоинствѣ.

Вѣра также имѣетъ свои предположенія, которыя и дѣлаютъ ее живой въ сердцѣ человѣка, или которыя и обуславливаютъ внутреннее развитіе человѣка. Эти положенія не могутъ быть строго доказаны, но они должны быть признаны истинными, потому что только подъ ихъ руководствомъ внутренняя жизнь человѣка и можетъ развиваться упорядоченно и гармонично, только, взглядываясь въ нихъ, человѣкъ и можетъ постепенно приобрѣтать свойственный себѣ цѣлостный внутренний образъ. Съ отреченіемъ отъ этихъ положеній внутренняя жизнь человѣка тотчасъ разстраивается, и ея теченіе принимаетъ характеръ не поступательнаго развитія, а блужданія.

Самымъ общимъ и основнымъ изъ этихъ положенія, т. е. аксіомой вѣры является признаніе Высочайшаго Существа не

безличнымъ существомъ, не душой міра, которая лишь въ чело-
вѣкѣ достигаетъ своего самосознанія, а Существомъ лич-
нымъ, живымъ. способнымъ давать челоѣку новый опытъ и
тѣмъ вести его по пути развитія. Другими словами, самымъ
общимъ положеніемъ, могущимъ регулировать внутреннюю
жизнь челоѣка. служить вѣра въ Бога, какъ личное бытіе,
(признаніе божества, какъ безличнаго начала въ существѣ
дѣла есть лишь скрытое признаніе за божество самого чело-
вѣка и, какъ таковое, необходимо раскрывается во внутренно
противорѣчивыхъ положеніяхъ. См. объ этомъ наше сочиненіе
„Теизмъ и Пантеизмъ. Опытъ выясненія логическаго взаимо-
отношенія данныхъ системъ“) и неразрывно связанное съ этой
вѣрой признаніе чудесъ, т. е. частныхъ сверхъестественныхъ
явленій.

Что дѣйствительно внутренняя жизнь челоѣка можетъ пра-
вильно развиваться лишь подъ руководствомъ этихъ положе-
ній,—объ этомъ намъ повѣдалъ бы самъ Ренанъ, если бы
только онъ не былъ отъ природы недѣятельнымъ въ отноше-
ніи къ своему внутреннему облику челоѣкомъ и не стремился
къ покою, украшая себя грезами и мечтами.

Въ своемъ сочиненіи „Будущее науки“, какъ мы говорили
выше (Окончательный разрывъ Ренана съ Церковью), Ренанъ
утверждаетъ, что если бы онъ увидалъ полное разрушеніе че-
ловѣчества, увидалъ, какъ люди убиваютъ другъ друга въ ро-
ковомъ мракѣ, онъ не пересталъ бы все-же провозглашать,
что челоѣческая природа благородна и создана для совер-
шенства, что недоразумѣнія устранятся, и что придетъ день,
когда воцарятся разумъ и совершенство. Если бы Ренанъ
хотя на минуту дѣйствительно реализовалъ въ своемъ живомъ
воображеніи эту картину, чутко прислушиваясь при этомъ въ
движенія своего сердца, онъ понялъ бы вопль Іова: *„мно-
гочисленные друзья мои! Къ Богу слезитъ око мое... Заступись,
поручись Самъ за меня предъ Собою! иначе кто поручится за
меня?“* (Іов. XVI, 20; XVII, 3). Онъ понялъ бы, что безъ
признанія живого, личнаго Бога, могущаго изъ камней воздвиг-
нуть дѣтей Аврааму, могущаго плотію одѣть мертвыя кости и
вдохнуть жизнь въ трупъ, внутренняя жизнь челоѣкѣ без-

условно разстраивается; благо, чувствуемое имъ въ себѣ, становится жалкимъ, ничтожнымъ, совершенно неспособнымъ къ дѣятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ отвѣтить человѣкъ на подобный фактъ? Какъ онъ можетъ въ этомъ случаѣ сохранить свое достоинство? При какомъ условіи онъ можетъ ощутить цѣнность своей внутренней природы? Если человѣкъ только при этомъ произнесетъ, что человѣческая природа благородна и создана для совершенства, его слова лишь дико прозвучатъ среди подобной атмосферы, да и уста самого проповѣдника невольно искривятся, и изъ глубины его души раздастся по поводу такихъ словъ адскій смѣхъ. Спасаясь отъ подобнаго смѣха, покрывающаго душу ледяной корой, человѣкъ съ цѣлію придать ощущаемому имъ своему благу характеръ дѣйствительнаго всесильнаго Добра съ необходимостью придетъ къ самоослѣпленію, къ уродованію своей природы. Онъ окружитъ себя величіемъ, почувствуетъ великое отвращеніе и великое презрѣніе къ этимъ бессмысленнымъ, ничтожнымъ тварямъ, убивающимъ другъ друга, вырветъ изъ своего сердца всякую жалость, всякое состраданіе, скажетъ своей мечтѣ или грезѣ: „я благословляю тебя, потому что ты даешь мнѣ жизнь“, но, бессильный осуществить эту грезу, будетъ биться въ конвульсіяхъ.

Самымъ дикимъ, самымъ изступленнымъ фанатизмомъ,— вотъ чѣмъ исключительно можетъ отвѣтить человѣкъ, если онъ видитъ, что чувствуемое имъ благо, которое онъ признаетъ полнымъ откровеніемъ въ себѣ божества, все же отрицается жизнью. Чтобы увѣровать въ себя, онъ съ необходимостью будетъ жаждать и стремиться къ безумію.

Это прекрасно понялъ Ницше. Вотъ какъ онъ рисуетъ психическое состояніе религіознаго дѣятеля, разрушающаго прежнюю вѣру и опирающагося съ своимъ новымъ словомъ въ существѣ дѣла лишь на самого себя. Такой человѣкъ стоитъ предъ дилеммой: или произнести новое слово во имя своей личности—и быть отвергнутымъ толпой, или всѣми силами добиваться неяснаго представленія о самомъ себѣ съ присоединеніемъ нѣкотораго сумасшествія. Послѣднее и является, по

мнѣнію Ницше, единственнымъ средствомъ, благодаря которому подобная исключительная во всѣхъ отношеніяхъ личность можетъ устоять. Въ самомъ дѣлѣ, какъ она можетъ повѣдать міру что-нибудь новое, рѣзко расходящееся съ прежними взглядами и обычаями? Во имя чего она можетъ выступить съ новымъ ученіемъ? Во имя своей индивидуальности? Но это было невозможно. „Свободный человѣкъ безнравствененъ, потому что во всемъ хочетъ зависѣть отъ себя и нисколько отъ традиціи: у всѣхъ первобытныхъ народовъ слово „злой“ было равносильно словамъ: „индивидуальный, свободный, произвольный, необычный, непредвидѣнный, ирраціональный“. Все измѣрялось подобнымъ масштабомъ: если совершалось какое-нибудь дѣйствіе не потому, что такъ повелѣвала традиція, а по другимъ мотивамъ (напр., ради индивидуальной пользы), даже такимъ мотивамъ, которые нѣкогда обосновывали самую традицію, дѣйствіе признавалось безнравственнымъ; такъ смотрѣлъ на него и самъ совершитель его, такъ какъ оно соединялось съ нарушеніемъ традиціи“. (Morgenröthe. B. I, 9. S. W. IV. Abth. I). Вслѣдствіе этого стремящемуся выступить въ роли законодателя оставалось одно—всѣми средствами искать себѣ завѣренія, что новое ученіе не есть въ дѣйствительности его, а внушено ему тѣмъ же высшимъ началомъ, которое установило прежніе обычаи и мнѣнія. „Всѣмъ подобнымъ необыкновеннымъ людямъ, которыхъ неудержимо влекло къ тому, чтобы сбросить иго старой нравственности и дать новые законы, не оставалось никакого другого выхода, какъ сдѣлаться или казаться сумасшедшими, если только они въ дѣйствительности не были сумасшедшими... Но какъ стать сумасшедшимъ тому, кто на самомъ дѣлѣ не сумасшедшій, и кто не осмѣливается принять видъ сумасшедшаго? Существовала цѣлая тайная наука искусственныхъ приемовъ и діетическихъ предписаній. Въ существѣ дѣла одни и тѣ же рецепты были у индусовъ, чтобы сдѣлаться фокусникомъ, у средневѣковыхъ христіанъ, чтобы стать святымъ“ (читатель самъ можетъ видѣть несправедливость подобнаго отождествленія христіанскаго аскетизма съ аскетизмомъ языческихъ народовъ, такъ какъ христіанское ученіе какъ разъ строго и проводитъ идею Лич-

наго Бога, чего не было въ языческихъ религіяхъ, въ ученіи которыхъ всегда высшимъ благомъ считалось именно благо, ощущаемое самымъ человѣкомъ. См. мою брошюру „Твореніе и Искупленіе. Выясненіе значенія этихъ догматовъ для рѣшенія вопроса жизни“), „у гренландцевъ, чтобы стать ангеломъ, у бразильцевъ—пайе: безсмысленныя посты, продолжительное половое воздержаніе, жизнь въ пустынѣ или на горѣ... Кто отважится бросить хотя одинъ взглядъ на ту пустыню самыхъ горькихъ и страшныхъ душевныхъ мукъ, въ которой томилась вѣроятно самые плодотворные люди всѣхъ временъ! Прислушайтесь только къ вздохамъ этихъ пустынниковъ и заживо замурававшихъ себя: „ахъ, дайте мнѣ безуміе, вы, небожители! Безуміе, чтобы я могъ наконецъ увѣровать въ самого себя! Дайте мнѣ конвульсіи и бредъ, смѣняйте мгновенно свѣтъ и тьму, пронзайте меня холодомъ и зноемъ, какого не испыталъ еще ни одинъ смертный, пугайте меня шумомъ и блуждающими тѣнями, заставьте меня вить, визжать, ползать по землѣ подобно животному, но только чтобы я нашелъ вѣру въ самого себя. Сомнѣніе съѣдаетъ меня. Я убилъ законъ, и онъ страшитъ меня, какъ трупъ живого человѣка: если я не больше закона, то я—отверженнѣйшій изъ всѣхъ. Новый духъ, который во мнѣ,—откуда онъ, если не отъ васъ? Покажите же мнѣ, что я—вашъ; только безуміе докажетъ мнѣ это“.

(Ibid. V. I, 14).

Такимъ образомъ какъ только невѣрующій человѣкъ или человѣкъ съ смутной вѣрой, неспособной отличить Бога отъ образа, подобнаго тѣнному человѣку, выступаетъ въ жизни въ качествѣ дѣйствительнаго дѣятеля, онъ съ необходимостью становится фанатикомъ. Не только это такъ происходило у первобытныхъ народовъ; такъ происходитъ это и по настоящій день, какъ ясно видно изъ философіи самого Ницше. Дѣло не въ томъ, что у первобытныхъ народовъ слово „злой“ было равносильно по значенію словамъ: „индивидуальный, свободный и т. д.“, а въ томъ, что ограниченная человѣческая личность, стремясь ощущаемое ей благо проявить въ качествѣ всесильнаго и безусловнаго Добра, по необходимости терзается внутреннимъ сомнѣніемъ: она чувствуетъ, что, утверждая себя,

она не живить, не возрождаетъ, а лишь отрицаетъ все остальное бытіе; отрицая же все, что не отражаетъ ее или не сливается съ ней, она уродуетъ и умерщвляетъ себя. Чувствуя себя вслѣдствіе подобныхъ противорѣчій какъ бы въ ужасномъ кольцѣ, которое постепенно все болѣе и болѣе суживается, человѣкъ естественно стремится къ погашенію своего разума; въ немъ растетъ жажда бреда, воспаленнаго состоянія мозга и конвульсій, ибо только въ такія минуты онъ не замѣчаетъ своего ужаса.

Эта связь фанатизма, увлекающаго человѣка къ самымъ постыднымъ дѣйствіямъ, естественно возмущающимъ нравственное чувство, съ смутной вѣрой, не отличающей Бога отъ міра, ясно раскрывается св. апостоломъ Павломъ. *„Но какъ они (т. е. язычники), говоритъ св. Павелъ, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось безсмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человеку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся,—то и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотѣ, такъ что они осквернили сами свои тѣла; они замѣнили истину Божію ложью, и поклонялись и служили твари вмѣсто Творца, Который благословенъ во вѣки, аминь“* (Римл. I, 21—25).

Такимъ образомъ съ потемнѣніемъ въ сознаніи человѣка вѣры въ Бога, какъ въ Бога, т. е. какъ въ Личное Всесовершенное Существо, и соединеннаго съ ней признанія сверхъестественнаго откровенія нормальное развитіе внутренней жизни человѣка становится безусловно невозможнымъ. Человѣкъ въ этомъ случаѣ никогда не окажется въ состояніи освободить свое самосознаніе отъ внутренняго самопротиворѣчія: онъ всегда будетъ полагать въ себѣ центръ міровой жизни и всегда будетъ видѣть свое отрицаніе, а потому, чтобы избавиться хотя на минуту отъ самопротиворѣчія, всегда будетъ стремиться къ искусственному погашенію своего сознанія.

Только истинная вѣра, раскрывающая, что Богъ есть живое, личное бытіе, способное давать человѣку новый опытъ, выводитъ человѣка изъ этого порочнаго круга на путь нормаль-

наго развитія и дѣйствительно плодотворнаго дѣланія въ мірѣ. Она запрещаетъ человѣку полагать въ себѣ центръ міровой жизни и возводитъ ощущаемое имъ ограниченное благо на степень безусловнаго Добра. Она говоритъ ему, что нужно жить съ Богомъ, а не внѣ Бога или не такъ, какъ бы не было Бога. Оправдываетъ міръ не человѣкъ, а Богъ. Поэтому духовная энергія вѣрующаго человѣка направляется не на мнимое возвышеніе себя чрезъ отрицаніе другого, а на развитіе какъ въ себѣ, такъ и въ окружающей средѣ положительнаго добра, способнаго постепенно перерождать человѣка, устанавливая въ его душѣ гармоничный центръ, который съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширяется, вбираетъ въ себя и оформляетъ другіе еще неоформленные элементы. Вѣра въ Бога, какъ въ Личное Существо, могущее находиться въ живомъ общеніи съ человѣкомъ, поднимаетъ послѣдняго надъ міромъ, освобождая его сердце отъ пристрастія къ міру, являющагося естественнымъ слѣдствіемъ того, что невѣрующій или смутно вѣрующій смотритъ на міръ, какъ на единственное средство, при посредствѣ котораго онъ можетъ упрочить себя. Вѣрующій сознаетъ, что заступникомъ его является Богъ, что въ Немъ—его сила и крѣпость. Поэтому онъ ясно видитъ зло и несовершенство въ мірѣ; онъ не любитъ міра, ни того, что въ мірѣ, ибо все, что въ мірѣ: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего (I Иоан. II, 15—16). Но это сознаніе приводитъ его не къ отрицанію міра, не къ *великому презрѣнію или отвращенію*, а къ великой любви и къ плодотворному насажденію въ мірѣ того, что исходитъ отъ Отца.

Такимъ образомъ или человѣкъ вѣритъ въ Личнаго Бога и Его дѣйствія (чудеса) или онъ стремится увѣровать въ себя и съ этой цѣлю прибѣгаетъ къ грезамъ и иллюзіямъ; или его душевная жизнь постепенно гармонизируется и крѣпнетъ, или она совершенно разстраивается, бесплодно вращаясь среди противорѣчій.

Никакого выхода изъ этой дилеммы для человѣка не можетъ быть. Нельзя на самомъ дѣлѣ, какъ утверждаетъ Ренанъ, вѣрить „въ сверхъестественное общее“, т. е. въ скрытую въ при-

родѣ душу или идеаль и не вѣрять „въ сверхъестественное частное“, т. е. въ Личнаго Бога и чуда. Если только мы присматриваемся къ своей внутренней жизни, мы по тому или другому поводу обязательно замѣтимъ, что вѣра въ сверхъестественное общее есть лишь смутная и неопредѣленная вѣра и, какъ таковая, совершенно не можетъ руководить дѣятельностью человѣка. Разъ человѣкъ находится предъ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ фактомъ, требующимъ отчетливаго отношенія къ себѣ, эта вѣра тотчасъ мѣняетъ свой характеръ, и человѣкъ склоняется или къ вѣрѣ въ Личнаго Бога или къ вѣрѣ въ себя, вдохновляясь въ послѣднемъ случаѣ грезой.

Что это такъ, ясно говоритъ слѣдующій фактъ изъ жизни самого Ренана. Еще подросткомъ онъ любилъ чисто и невинно одну изъ своихъ подругъ Ноemi. Съ ея образомъ у него соединилось представленіе о всемъ, что есть хорошаго и чистаго въ мірѣ. Впослѣдствіи ея образъ не разъ вставалъ предъ нимъ, пробуждая въ душѣ естественное, пріятное чувство. Однажды онъ спросилъ у своей матери, что случилось съ нею? Мать отвѣтила, что она умерла, что она была очень красива, что, бывало, въ церкви собирались десятки молодыхъ людей, любуясь украдкой, какъ она молилась, но она умерла скромной и чистой дѣвушкой. На склонѣ лѣтъ Ренану какъ-то привелось поселиться на лѣто вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло его дѣтство. Захотѣлось ему отыскать могилку его юной подруги дѣтства, маленькой Ноemi. Но онъ нигдѣ не могъ найти ея имени. Спросилъ онъ о ней у одного лица, которое должно было хорошо ее знать, и получилъ такой отвѣтъ: „Да, она была очень хорошенькой, но кончила она плохо. Не ищите ея здѣсь: она поѣхала въ слѣдъ за ***, который обольстилъ ее, а затѣмъ бросилъ. Она кончила свою жизнь на парижскихъ тротуарахъ“. „Ужасъ священника, говоритъ Ренанъ, увидѣвшаго вдругъ паденіе въ грязь несомыхъ имъ святыхъ даровъ, этотъ ужасъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, которое я испыталъ въ эту минуту. При одной мысли о томъ, что моя маленькая подруга, которая открыла мнѣ рай идеала, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, могла пасть такъ низко,—душа моя кипѣла негодованіемъ. Въ моихъ ушахъ еще зву-

чалъ разсказъ моей матери о ея благочестивой смерти. Я не отвѣтилъ ни слова своему собесѣднику; я усѣлся подъ старымъ буковымъ деревомъ, на углу кладбища, обратившись лицомъ къ морю. Я старался собраться съ мыслями; и вдругъ предо мной явилась истина, торжественная, очевидная, безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія. Сближая нѣкоторыя подробности только что слышаннаго разсказа, я увидѣлъ ясно, какъ день, что это было не больше, какъ недоразумѣнiе. Далѣе Репантъ говоритъ, что такъ окончила свою жизнь пе Ноemi, а подруга Ноemi, походившая на нее лишь своей красотой, но красота которой была даромъ злого духа. „Назову ее Нерой“, говоритъ опъ и заканчиваетъ свой разсказъ объ этомъ слѣдующими словами: „клянусь предъ лицомъ Бога, ссылаясь на свои самыя несомнѣнныя, непреложныя воспоминанiя, ссылаясь на столько фактовъ и данныхъ, убѣждающихъ меня безусловно, что была допущена ошибка, что разсказъ моей матери исполненъ истины, что моя маленькая подруга умерла лишь потому, что природа допустила ошибку, надѣливъ ее въ одно и то же время красотой, бѣдностью и чистой душой. Да, она умерла потому, что была слишкомъ добродѣтельна... Это Нера склонилась на злыя совѣты и пошла по безумной дорогѣ. Заклинаю Превѣчнаго обратить вниманiе на эту роковую ошибку, если она, быть можетъ, попала въ ту великую книгу, которая, говорятъ, будетъ представлена въ день возмездiя. И если будетъ нужно, я встану въ Иосафатовой долинѣ, чтобы протестовать противъ этого чудовищнаго обвиненiя. Я хочу, чтобы моя маленькая подруга была въ раю, на небесахъ“. (Приводимъ этотъ разсказъ по русскому переводу „Воспоминанiй“ подъ редак. Михайлова. Кiевъ. 1902).

Для каждаго вдумавшагося въ этотъ разсказъ должно быть ясно (даже въ томъ случаѣ, если фактъ нравственнаго паденiя случился дѣйствительно съ Нерой, а не съ Ноemi, такъ какъ стоитъ для этого лишь спросить себя: а какъ можетъ отвѣтить на подобный фактъ невѣрующiй?) что, какъ только невѣрующiй въ бытiе Личнаго Бога видитъ отрицанiе жизни ощущаемаго имъ блага, тотчасъ его вѣра въ сверхъестественное общее или идеаль въскрываетъ свою эгоистическую при-

роду, требуя во что бы то ни стало лишь чистаго уничтоженія подобнаго факта, а вовсе не возстановленія его въ прежней чистотѣ. Если бы Ренанъ, предположимъ, увидалъ своими глазами Ноemi въ ужасномъ положеніи, онъ отвернулся бы отъ нея и скрылся, успокоивъ себя въ послѣдствіи тѣмъ, что это была ошибка зрѣнія, — не болѣе, что его маленькая подруга въ дѣйствительности такъ же чиста и невинна, какъ и прежде. Если человѣкъ не вѣритъ во Христа, онъ повѣритъ въ Ноemi и съ этой вѣрой будетъ жить въ мірѣ грезъ и мечты, опасаясь выступить среди дѣйствительной жизни. Только вѣра въ Бога, а не въ идола даетъ человѣку возможность зорко всматриваться въ лицо жизни и воздѣйствовать на дѣйствительность, не прибѣгая къ погашенію своего разума разпаго рода иллюзіями. Мечтательный квіетизмъ и истушеный фанатизмъ — суть дѣтища не вѣры, а или невѣрія или полувѣры.

Таково значеніе вѣры въ Личнаго Бога и чудеса въ дѣлѣ развитія внутренней жизни человѣка. Единственно потому, что мы болѣе обращаемъ свое вниманіе на внѣшній міръ и на свое отношеніе къ нему, чѣмъ прислушиваемся къ своей внутренней жизни и определяемъ свое отношеніе къ идеалу, намъ и кажется, что аксіомы наукъ болѣе очевидны и болѣе несомнѣнны, чѣмъ аксіомы вѣры. Къ систематизаціи внѣшняго опыта мы необходимо принуждаемся самой жизнью, такъ какъ въ противномъ случаѣ будемъ стерты съ лица земли. Систематизація же внутренняго опыта въ своемъ самосознаніи есть дѣло нравственной необходимости и слѣдовательно свободныхъ силъ души.

Какъ безъ вѣры въ Личнаго Бога и чудеса внутренняя жизнь человѣка совершенно разстраивается, такъ какъ для него не остается при этомъ условіи никакой возможности придать себѣ вполнѣ цѣльный и гармоничный обликъ, такъ точно безъ вѣры во Христа, какъ Сына Божія, Его образъ, начертанный въ Евангеліяхъ, становится совершенно неестественнымъ съ точки зрѣнія человѣческой психологіи. Если бы Христосъ былъ дѣйствительно только человѣкомъ, Его образъ въ Евангеліяхъ былъ бы безусловно иной, какъ и все христіанское ученіе приняло бы совершенно другой характеръ. Пытаясь понять

христіанство, какъ совершенно естественное явленіе, мы по необходимости должны будемъ пренебречь всѣми законами человѣческой психологіи. Не видѣть и не чувствовать этого можетъ лишь только тотъ, кто, стремясь начертить картину зарожденія христіанства, не представляетъ свободнаго голоса непосредственному художественному чувству истины, а заранѣе устанавливаетъ границы, съ которыми оно должно обязательно согласоваться, давая свои показанія.

Посмотримъ теперь, что представляетъ изъ себя образъ Иисуса, данный Ренаномъ, съ чисто художественной точки зрѣнія? Есть ли въ этомъ образѣ цѣльность и гармоничность, и даетъ ли онъ намъ понять тотъ великій переворотъ въ человѣчествѣ, который извѣстенъ подъ именемъ христіанской вѣры?

Н. Боголюбовъ.

(Продолженіе будетъ)

РУССКАЯ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, КАКЪ ПРЕДШЕСТВЕННИЦА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И УНИВЕРСИТЕТ- СКОЙ ФИЛОСОФИИ ВЪ РОССИИ.

(Окончаніе *).

б) Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій (р. 1813 † 1889 г.)
и его философскія воззрѣнія.

Переходимъ къ другому дѣятелю по философіи, вышедшему изъ Кіевской Духовной Академіи новаго періода, С. С. Гогоцкому. С. С. Гогоцкій, по окончаніи Кіевской духовной академіи, сперва былъ профессоромъ въ ней (1841 г.—51 г.), а затѣмъ въ Кіевскомъ университетѣ (1851—1881 г.). Изъ трудовъ его по философіи и смежнымъ съ философіей областямъ извѣстны слѣдующіе: 1) „Критическій взглядъ на философію Канта“ (1847 г.); 2) „О характерѣ философіи среднихъ вѣковъ“ (Совр. 1849 г., 6 кн.); 3) „Объ историческомъ развитіи воспитанія у примѣчательнѣйшихъ народовъ древняго міра“. (Ж. М. Н. П. 1854 г.); 4) „Введеніе въ педагогику“ (Ж. М. Н. П. 1855 г., 4); 5) „О развитіи чувствительныхъ способностей въ педагогическомъ отношеніи“ (Ж. М. Н. П. 1855 г.); 6) „О развитіи познавательныхъ способностей въ педагогическомъ отношеніи“ (Ж. М. Н. П. 1857, 3); 7) „Философскій лексиконъ“ (т. I 1857 г., т. II 1861 г., т. III, 1866 г., т. IV, I, 1872 г., т. IV, II 1873 г.); 8) „Обозрѣніе системы философіи Гегеля“ (1860 г.); 9) „Введеніе въ исторію философіи“ (1871 г.); 10) „О различіи между воспитаніемъ и образованіемъ въ древнія и новыя времена“ (1874 г.); 11) „Философскій словарь, или краткое объясненіе философскихъ и другихъ научныхъ выраженій, встрѣчающихся въ исторіи фи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 9 за 1907 г.

лософiн“ (1876 г.); 12) „Философiя XVII и XVIII вѣковъ въ сравненiи съ философiей XIX вѣка и отношенiе той и другой къ образованiю“ (1878—1884 г.); 13) „Краткое обзорѣнiе педагогикн, или науки воспитательнаго образованiя“ (1879 г.); 14) „Программа психологiи“ (1881 г.).

Изъ всѣхъ трудовъ Гогоцкаго, безъ сомнѣнiя, наиболѣе крупнымъ нужно считать его „Философскiй Лексиконъ“. Значенiе этого лексикона въ свое время было очень велико: лексиконъ этотъ представлялъ собою первый опытъ подобнаго труда въ Россiи, и, безъ сомнѣнiя, игралъ большую роль въ дѣлѣ распространенiя философскихъ познанiй въ русскомъ обществѣ, не только въ эпоху своего появленiя, но и въ послѣдующее время, вплоть до самаго послѣдняго времени; и въ этомъ великое значенiе философскаго лексикона и право на благодарность его автору. Со стороны своей внутренней цѣнности философскiй лексиконъ представляетъ собою очень солидное и крупное произведенiе; во многихъ своихъ статьяхъ онъ представляетъ собою самостоятельное произведенiе, а въ большинствѣ Гогоцкiй, при составленiи своего лексикона, пользовался очень солиднымъ пособiемъ, именно, французскимъ лексикономъ по философiи. Наиболѣе подробно и основательно составленными статьями общепилософскаго и историко-философскаго характера, по нашему мнѣнiю, можно считать слѣдующiя: въ I томѣ:—Абсолютное (146 стр.), антропоморфизмъ (130—7); аскетизмъ (205—9 стр.); атеизмъ (215—21 стр.); безсмертiе души (272—8 стр.); вѣра (564—579 стр.); Богъ (358—385 стр.); во II томѣ: германская философiя (346—367 стр.); духъ (47—63 стр.); душа (634—665); жизнь (695—706 стр.); идеаль, идеализмъ, идея (748—781 стр.); истина (83—84 стр.); въ III томѣ: материализмъ (390—404 стр.); метафизика (448—455 стр.); мистицизмъ (447—91 стр.); въ IV томѣ, 1-й половинѣ: пантеизмъ (15—24 стр.); познанiе (158—167 стр.); пространство и время (224—9 стр.); психологiя (235—7 стр.); реализмъ (259—20 стр.); религiя (273—9 стр.); свобода воли (308—12 стр.); совѣсть (356—9 стр.); спиритуализмъ (399—401 стр.); во

2-й половинѣ IV тома: философія (78—88); эмпиризмъ (242—6); я—(295—301 стр.).

Для ознакомленія съ философскими воззрѣніями Гогоцкаго, мы изложимъ главныя мысли его статьи „Философія“.—Для составленія понятія о наукѣ—философіи, необходимо объяснить себѣ, какой предметъ изслѣдованія она выдѣляетъ для себя отъ другихъ отраслей знанія, на какіе главные вопросы распадается ея общая задача. и каково ея отношеніе къ другимъ отраслямъ знанія—къ образованію и къ жизни. Въ отвѣтъ на первый вопросъ существуетъ значительное разногласіе между учеными мыслителями. Дѣло исторіи философіи объяснить постепенныя видоизмѣненія въ опредѣленіи философіи. Гогоцкій, не входя и не имѣя возможности входить здѣсь въ разборъ различныхъ понятій философіи, ограничивается только самымъ простымъ объясненіемъ главной ея задачи. Коренное отличіе человѣческой природы отъ низшихъ организмовъ заключается въ сознаніи. Сознанію свойственно не только разграниченіе, различеніе своего предмета, но саморазличеніе; сознательному человѣческому существу свойственно не только темно и безотчетно предполагать и представлять все существующее отдѣльно отъ себя, но и съ постепенно возрастающею отчетливостью разграничивать въ представленіяхъ и понятіяхъ все, что входитъ въ его сознаніе; ему свойственно, по самой натурѣ сознанія, имѣть не только безотчетныя—то симпатическія, то антипатическія, отношенія къ другимъ существамъ, но и совершенствовать всѣ свои практическія отношенія, какъ изслѣдованіемъ природы, такъ и развитіемъ своего самосознанія. Такимъ путемъ, подъ вліяніемъ самосознательной человѣческой природы, мало по малу образуются различныя отрасли знанія объ окружающемъ насъ—мірѣ и о человѣкѣ, образуются и совершенствуются, какъ практическія видоизмѣненія ихъ формы, такъ и житейскія отношенія между людьми. Но съ первымъ проблескомъ сознательнаго теоретическаго и практическаго отношенія къ внѣшнему, или предметному міру и рядомъ съ нимъ, образуются и тѣ основныя вопросы, которые составляютъ предметъ философіи и въ зародышѣ готовятъ её, какъ науку; они про-

исходятъ сами собою, потому что содержатся уже въ самой натурѣ сознанія и сознательнаго отношенія къ окружающей нашей жизни. Можно даже сказать, что эти вопросы на первыхъ порахъ, до значительнаго развитія частныхъ знаній о частяхъ міра, имѣютъ преобладающую силу, хотя бы и не имѣли еще научной отчетливой формы. Какіе же эти вопросы, изъ которыхъ постепенно развивается философская наука, и въ какой именно они связи съ сознательною натурою человѣка?—Сознательная натура не только безотчетно предполагаетъ внѣшній міръ, но и сознательно отдѣляетъ предметы, отличные отъ нея, какъ субъекта; ей свойственно сознавать себя причиною своихъ дѣйствій и устанавливать для нихъ опредѣленную цѣль. Естественно, что съ постепеннымъ развитіемъ сознанія будутъ развиваться и тѣ самые общіе вопросы, которые, обыкновенно, въ различной формѣ, составляютъ задачу философіи. Что такое окружающій человѣка міръ? Что такое предметъ, или то, къ чему относится наше познающее и дѣятельное начало, какъ чему-то другому, противостоящему, и точно ли въ немъ содержится нѣчто дѣйствительное? Что такое самые субъекты сознающіе, мыслящіе и дѣйствующіе съ сознаніемъ цѣли своихъ дѣйствій? Каково ихъ начало и какова цѣль, каковъ смыслъ и значеніе ихъ бытія и взаимнаго соотношенія?—Таковы самые общіе вопросы, которые сами собою вырастаютъ, съ развитіемъ въ человѣкѣ его сознательнаго начала, при его столкновеніи съ противостоящимъ ему предметнымъ міромъ. Могутъ быть различныя степени ясности и отчетливости въ самомъ обозначеніи и рѣшеніи вышеупомянутыхъ вопросовъ, можетъ быть различная степень научной формы въ изложеніи ихъ; но задача философіи всегда и вездѣ одна, потому что одинъ составъ сознательной природы человѣческой и одна ея внутренняя потребность, при обращеніи вниманія на предметный міръ и на самое себя.

Философія—это сама мысль, это самая дѣятельность мысли и познанія, получающая для себя содержаніе отъ контраста съ противостоящимъ ей внѣшнимъ міромъ, какъ предметомъ, или дѣйствительностью, опредѣляемою началомъ сознающимъ. Каждая другая наука занимается изслѣдованіемъ какой-нибудь

одной части внѣшняго міра, или какого-нибудь одного—рода человѣческой дѣятельности; но наука, извѣстная подъ именемъ философіи, изслѣдываетъ общее начало знанія, общее отношеніе сознательной, или нравственной, или физической жизни, и смыслъ ихъ связи и раздѣленія. Въ различеніи, какъ предметовъ, подлежащихъ сознанію, такъ и отношенія ихъ къ сознательной мысли, прежде всего присутствуетъ и дѣйствуетъ самая дѣятельность мысли, отчетливо раздѣляющая и соединяющая свои понятія по извѣстнымъ законамъ и формамъ. Всѣ эти законосообразные акты соединенія и раздѣленія понятій и называются мышленіемъ. Когда мыслительная дѣятельность обращается на самое себя и разсматриваетъ законы и формы своей дѣятельности, то обособляется частное звено въ составѣ философіи, которое называютъ логикою. Далѣе, сознательная мысль имѣетъ дѣло съ предметнымъ міромъ, она ставитъ себя, какъ нѣчто дѣйствительное и опредѣляетъ дѣйствительность противостоящаго ей міра. Но опредѣляя дѣйствительность, мыслительная дѣятельность должна дать себѣ отчетъ, на чемъ основывается самая возможность познанія, и въ какой степени мы можемъ признать въ немъ соотвѣтствіе дѣйствительности. Когда въ цѣльномъ составѣ философской науки обособляется и разрабатывается этотъ вопросъ, касающійся отношенія познающей мысли къ предметному міру, то происходитъ та часть философіи, которую называютъ теоріею познанія—гносеологія. Но философія далеко не исчерпала бы своей задачи, если бы остановилась только на анализѣ мышленія и основаній познанія дѣйствительности. Она оставила бы безъ вниманія очень важный вопросъ о самомъ качествѣ о содержаніи и характерѣ, какъ вещественнаго міра и субъекта мыслящаго и познающаго, такъ и объ ихъ взаимномъ отношеніи, и о томъ высшемъ началѣ, на основаніи котораго и можетъ получить прочный смыслъ ихъ взаимное отношеніе. Эти вопросы—самые важные и какъ бы центральные; предыдущіе служатъ только приготовленіемъ къ нимъ. Можно въ различной послѣдовательности и подробности разсматривать эти вопросы; но какъ-бы мы ни развивали ихъ, правильное рѣшеніе ихъ потребуетъ, во первыхъ, разсмотрѣнія нравственной при-

роды человѣка, во вторыхъ, разсмотрѣнія понятій о мѣрѣ, или такихъ космологическихъ понятій, изъ которыхъ видно было бы въ немъ присутствіе разумныхъ законовъ и вмѣстѣ низшее, приготовительное значеніе его по отношенію къ нравственной природѣ человѣка; наконецъ, въ третьихъ, разсмотрѣніе нравственной природы человѣка и окружающаго его міра должно завершиться понятіями о томъ Высшемъ Началѣ всякаго бытія и всякой жизни, безъ котораго всѣ предъидущія положенія философской науки не имѣютъ ни опоры, ни значенія.

Разсмотрѣніе перваго вопроса образуетъ нравоучительную, или нравственную философію; изъ разсмотрѣнія втораго вопроса происходятъ онтологія и космологія, изъ третьяго такъ называемое естественное богословіе, или теодицея. Къ этимъ частнымъ наукамъ философіи должно присовокупить еще психологію, какъ изслѣдованіе явленій душевной жизни человѣка, которое служитъ приготовленіемъ къ наукѣ философіи. Въ психологическомъ изслѣдованіи проявленій душевной жизни, свойственной человѣку, есть и должно быть какъ-бы введеніе къ философіи, потому что и на самомъ дѣлѣ путемъ постепеннаго душевнаго развитія въ каждомъ человѣкѣ развивается его теоретическое и практическое сознаніе. Такъ Гогоцкій разсматриваетъ въ самыхъ общихъ чертахъ внутренній составъ философіи. На основаніи предъидущаго понятія философіи онъ выясняетъ и ея значеніе въ средѣ другихъ наукъ, образованія и жизни. Философія разсматриваетъ мыслительную дѣятельность и ея предметное значеніе, а равно значеніе и взаимное отношеніе міра физическаго и нравственнаго, и чрезъ то она уясняетъ общее значеніе и смыслъ жизни; дѣло въ томъ, что общая задача науки и образованія далеко не всегда бываетъ ясна въ отдѣльныхъ сферахъ изслѣдованія и въ частныхъ отрасляхъ образованія; и ея значеніе въ цѣломъ уясняетъ только философія, и потому при гармоническомъ развитіи, она имѣетъ высокое образовательное значеніе.—Въ ея общихъ положеніяхъ изображается существующее направленіе современнаго ей образованія; въ ней же до нѣкоторой степени заключается задатокъ возможнаго предначертанія и ближайшаго общаго идеала дальнѣйшаго образованія, дальнѣйшей

степени культуры.—Очень важное вліяніе и значеніе философія имѣетъ и для наукъ нравственныхъ. И причина важности философіи для всѣхъ отраслей нравственной науки заключается въ самой задачѣ философіи. Нравственные силы—разумъ и воля—съ ихъ законами дѣйствуютъ въ средѣ и посредствомъ среды физической, но каждая наука нравственная занимается какимъ нибудь отдѣломъ проявленій внутренней, или духовной природы во внѣшнемъ мірѣ; общая же задача философіи и состоитъ въ изслѣдованіи,—какимъ именно отношеніемъ дѣятельной силы духа къ физической природѣ и къ данному запасу силъ становится возможною, зиждется и совершается вся нравственная жизнь и всѣ отрасли образованія. Чѣмъ шире и вѣрнѣе общій взглядъ философіи на этотъ главный вопросъ, тѣмъ, по Гогоцкому плодотворнѣе ея вліяніе на образованіе.

Таковы взгляды Гогоцкаго на философію, проводимые имъ въ изложенной нами статьѣ лексикона: „Философія“. Мы видимъ, что этимъ взглядамъ нельзя отказать и въ глубинѣ и научности. Такими же качествами, глубиною и научностью,—отличаются и другія его статьи и очерки по философіи. Такія же качества философскихъ работъ Гогоцкаго, въ связи съ его заслугами въ дѣлѣ распространенія философскихъ знаній въ Россіи, путемъ изданія „Философскаго лексикона“, даютъ ему полное право на память о немъ, какъ о крупномъ и серьезномъ работникѣ по философіи въ Россіи за первую половину прошлаго столѣтія.

VII.

Работы по философіи университетскихъ профессоровъ, вышедшихъ изъ духовныхъ академій.

Изъ дѣятелей, подвизавшихся въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы должны еще упомянуть о Михневичѣ (р. 1809 † 1885 г.) и Юркевичѣ (р. 1827 † 1874 г.), вышедшихъ изъ Кіевской духовной академіи, и архим. Гавріилъ (Воскресенскомъ, род. 1795 † 1863 г.), воспитанникѣ Московской духовной академіи. Прежде всего мы займемся Михневичемъ. Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ высшее образованіе получилъ

въ Кіевской Духовной Академіи; въ ней онъ и былъ сперва профессоромъ, а затѣмъ былъ профессоромъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ въ Одессѣ (превращенномъ впоследствии въ Новороссійскій университетъ), а въ послѣдствіи былъ попечителемъ Варшавскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ.

Изъ философскихъ трудовъ Михневича извѣстны слѣдующіе: 1) „Объ успѣхахъ греческихъ философовъ въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ“ (Ж. М. Н. П. 1839, 12); 2) „О достоинствѣ философіи, ея дѣйствительномъ бытіи, содержаніи и частяхъ“ (Ж. М. Н. П. 1840 г. 2 к.); 3) „Задача философіи“ (Ж. М. Н. П. 1842, 34); 4) „Опытъ постепеннаго развитія дѣйствій мышленія, какъ руководства для первоначальнаго преподаванія логики“—(Одесса 1847 г.); 5) „Опытъ простого изложенія системы Шеллинга, разсматриваемой въ связи съ системами другихъ германскихъ философовъ“ (Одесса 1850).

Въ произведеніяхъ Михневича мы замѣчаемъ, болѣе всего, отголоски идеализма Фихте. Довольно указать на опредѣленіе Михневичемъ философіи (философія есть наука о сознаніи), чтобы вспомнить о наукословіи Фихте. Михневичъ, какъ видимъ, оставилъ послѣ себя немного сочиненій—всего только руководство къ логикѣ, да четыре статьи философскаго характера. Двѣ изъ этихъ статей относятся къ введенію въ философію, трактуютъ о задачѣ философіи и о достоинствѣ ея; а другія двѣ—историческаго характера: „Объ успѣхахъ греческихъ философовъ въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ“ и „Опытъ краткаго и простого изложенія системы Шеллинга“.

Мы изложимъ первыя три статьи, какъ болѣе самостоятельныя и болѣе важныя для характеристики философскихъ воззрѣній Михневича. Начинаемъ съ разбора статьи: „О достоинствѣ философіи“ (Ж. М. Н. П. 1840, 25 часть). При одномъ имени философіи уже рождается, по словамъ Михневича, понятіе о ней, какъ о наукѣ высокой и весьма важной. И дѣйствительно, мудрость есть цѣль всѣхъ стремленій человѣческаго ума, а философія, или наука любомудрія, беретъ на себя долгъ вести насъ къ этой цѣли; слѣдовательно, она важна не

только какъ всякая наука, но и должна, по справедливости, пользоваться правомъ первенства въ кругѣ наукъ. Съ другой стороны, философія видимо возвышается надъ другими науками и своимъ объемомъ. Каждая наука въ необъятной области бытія и знанія, заключающей въ себѣ безчисленныя сферы предметовъ съ ихъ чрезвычайно разнообразными сторонами, имѣетъ, такъ сказать, только свой участокъ, которымъ она владѣетъ, но философіи не принадлежитъ право отдѣльнаго владѣнія въ безпредѣльномъ царствѣ природы, ибо она не ограничивается одною областью, но обнимаетъ всё. Но здѣсь предъ авторомъ возникаетъ вопросъ: всеобъемлемость философіи не говоритъ ли въ пользу того невыгоднаго на счетъ ея мнѣнія, что всё наука, вмѣстѣ взятая, суть не иное что, какъ философія, а философіи, въ общемъ смыслѣ, какъ науки отдѣльной, имѣющей свой особенный предметъ, нѣтъ? Не есть ли это такая наука, которая только собираетъ и приводитъ къ общимъ итогамъ частныя содержанія наукъ? Нѣтъ, рѣшительно отвѣчаетъ Михневичъ, философія, вникая въ тѣ сферы предметовъ, надъ изслѣдованіемъ которыхъ трудятся другія науки, замѣчаетъ въ нихъ и обращаетъ въ свою собственность только то, до чего не достигаетъ взоръ людей, останавливающихся на такъ называемыхъ началахъ вторыхъ; она исчерпываетъ то, чего не исчерпали другія науки; подводитъ подъ свое зрѣніе то, чего не усмотрѣли телескопы и микроскопы. потому что оно не на поверхности вещей, а глубоко лежитъ въ ихъ основѣ и составляетъ постоянную и неизмѣнную опору всѣхъ случайностей. Слѣдовательно, она имѣетъ право на существованіе со стороны предмета; но она имѣетъ его и со стороны способа познанія. Попытки философіи обнять и домыслить всю цѣлость предметовъ составляютъ такую задачу, на которую, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, не отважится ни одна изъ наукъ. Но здѣсь является другой вопросъ: возможно ли рѣшеніе этой великой задачи? Есть ли къ этому средство и способъ? Вѣдь кажется очевиднымъ, что обнять всю цѣлость предметовъ, дойти до послѣднихъ основаній вещей, проникнуть въ глубину человеческого духа возможно только для ума всеобъемлющаго, безконечнаго, и

попытки умовъ конечныхъ здѣсь, повидимому, напрасны? Михневичъ соглашается съ этимъ положеніемъ, но онъ обращаетъ вниманіе на то, что вѣдь философія должна только знать все, какъ все, т. е. не по частямъ, а въ цѣломъ; вникая въ систему мірозданія, она обращаетъ вниманіе только на главныя ея начала; рассматривая природу вещей, она слѣдитъ только за развитіемъ общей всѣмъ имъ жизни, короче, ея разсмотрѣнію подлежатъ вся область бытія, только со стороны своей основы, связи, порядка и гармонія; но эта область не такъ широка и много-объемлюща, чтобы конечный умъ не могъ познать ее. Философъ видитъ все, но лишь такъ, какъ тотъ, кто съ вершины горы окидываетъ своимъ взглядомъ безконечную долину, усѣянную разнообразными предметами, т. е. его взоръ не простирается до частныхъ, не входитъ въ подробности. Но и при такомъ ограниченіи философскаго способа познанія вещей, все еще это позваніе кажется для многихъ превышающимъ человѣческое разумѣніе, и есть люди, которые никакъ не согласны признать въ человѣкѣ бытіе такой способности, которая могла бы простираť вѣдѣніе до того, чтобы въ состояніи постигать внутреннюю невидимую природу вещей.

Указывая на то, что такая способность есть верхъ разумности, Михневичъ подчеркиваетъ ту мысль, что о дѣйствительномъ бытіи этой способности въ человѣкѣ ясно говорятъ намъ и исторія, и опытъ. Стремленіе души къ познанію всего первоначальнаго и безусловнаго, соединенное съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ, есть, безъ сомнѣнія, слѣдствіе бытія въ насъ способности познавать это безусловное, или способности философствовать. И нашъ мыслитель находитъ, что въ настоящее время способность постигать первыя основанія и начала вещей, или способность философствовать, тѣмъ удобнѣе можетъ дѣйствовать и тѣмъ скорѣе можетъ достигать своей цѣли, что Верховное Начало всего открыло намъ Себя черезъ свое Слово въ полномъ свѣтѣ, такъ что уму нашему уже не нужно искать Перваго Виновника вселенной, какъ это дѣлали языческіе философы; а ясное познаніе перваго—начала само собою укажетъ намъ природу, свойства и дѣйствія началъ вторыхъ. По-

тому то, замѣчаетъ Михневичъ, философія охотно теперь подчиняетъ себя Откровенію, такъ какъ оно раскрыло предъ нею таинственную область основаній и началъ. Но и при этой подчиненности, она все же, по убѣжденію нашего мыслителя, остается наукою самостоятельною, потому что умъ и теперь предъявляетъ ей свои требованія, которыя она должна удовлетворять. Искать отвѣтъ на всѣ вопросы ума въ Божественномъ Откровеніи значило бы дѣлать Откровеніе такою книгою, которая удовлетворяетъ человѣческой любознательности, между тѣмъ какъ преимущественная цѣль его есть нравственное улучшение человѣчества. Умъ нашъ и теперь требуетъ умѣнья располагать мысли въ логической стройности и математическомъ порядкѣ, а это умѣнье представляетъ только философія, какъ наука, изслѣдывающая природу нашего духа. Не мало, по нашему мыслителю, еще есть и теперь требованій ума, которые должна удовлетворять философія, и которые поэтому существованіе ея въ кругѣ человѣческихъ наукъ и при настоящемъ положеніи вещей—дѣлаютъ необходимымъ.

Далѣе Михневичъ переходитъ къ указанію содержанія философіи. Здѣсь онъ прежде всего рѣшаетъ вопросъ: откуда вытекаетъ философія? Появленію философіи предшествуетъ развитіе всѣхъ видовъ разумной дѣятельности. Отъ того, во 1-хъ, философію своимъ появленіемъ предваряютъ художественность и промышленность. Во 2-хъ, ее предваряютъ общественность и гражданственность; въ 3-хъ изящная искусственность;—и только послѣ развитія промышленности, общественности и искусствъ является у человѣка желаніе знать причины и законы явленій съ основными началами ихъ, или идеями. Стремленіе къ этому знанію есть, такъ сказать, первый просвѣтъ идеи истины, при постепенномъ проясненіи которой человѣкъ творитъ одну за другою науки, наконецъ создаетъ науку наукъ—философію. Такимъ образомъ, элементъ философскій въ ряду развитія элементовъ человѣческой природы приходитъ уже послѣднимъ; и философія, понимаемая въ строгомъ смыслѣ слова, явилась тогда, когда восточное человечество прошло всѣ степени своего развитія и достигло полноты самосознанія въ повомъ своемъ племени, въ народѣ греческомъ.

Отсюда видно, что источникомъ философіи служитъ сознание, прошедшее главные степени своего развитія и потомъ обращающее ихъ въ предметъ своего изслѣдованія; слѣдовательно, собственный предметъ Философіи и есть сознание. Изъ разсмотрѣнія происхожденія философіи уже видно, что такое сама философія. Соображаясь съ тѣмъ, что уже сказано о предметѣ философіи, Михневичъ опредѣляетъ эту науку такимъ образомъ: „философія есть наука о сознаниі, со стороны его подлежательной и подлежательной, т. е. о субъектѣ и природѣ нашего сознаниа и о главныхъ актахъ его, открывающихся въ познаниі міра, человѣка и Бога;—наука, выступающая изъ идей и ограничивающаяся изслѣдованіемъ возможной, необходимой и безусловной стороны вещей“. Итакъ, философія,—повторяетъ Михневичъ въ другомъ мѣстѣ,—есть наука о сознаниі, разсматриваемомъ съ трехъ главныхъ сторонъ: а) со стороны субъекта сознаниа; б) со стороны внутреннихъ дѣйствій сознаниа, открывающихся въ мышленіи и в) со стороны дѣйствій внѣшнихъ, открывающихся въ сознаниі.

Отсюда главныхъ частей ея три: первая часть разсматриваетъ субъектъ сознаниа—душу—Психологія; вторая обращаетъ вниманіе на внутреннее сознание, на мышленіе, волю и чувство—Логика съ этикой и эстетикой, а третья разсуждаетъ о внѣшнихъ дѣйствіяхъ сознаниа и имѣетъ своимъ предметомъ познание сверхъопытной, идеальной метафизической стороны вещей—Метафизика. Это главные части, которыя раздѣляются на частныя: Теологію, Космологію, Антропологію (части Метафизики) и частнѣйшія: Органологію, Пневматологію (части Космологіи); Идеологію, Эстетику и Иѳику, (части Антропологіи) ¹⁾. Въ отношеніи же педагогическомъ необходимо, прежде всего, изучить: Психологію, Логикку, Эстетику, Иѳику и исторію Философіи. Кто сдѣлаетъ надлежащіе успѣхи въ познаниі этихъ главныхъ отраслей философіи,—заключаетъ Михневичъ ²⁾, тому уже не трудно будетъ идти далѣе по пути

¹⁾ Болѣе подробно о раздѣленіи философіи на части и взаимномъ отношеніи наукъ Михневичъ говоритъ въ другой статьѣ, взягаемой нами поздне: „Залача философіи“ (Ж. М. Н. П. 1842 г., 34).

²⁾ См. Ж. М. Н. П. 1840 г. 25 г. 131—132 стр.

философскихъ изысканій, даже безъ особеннаго руководителя, при одномъ собственномъ стараніи и усердіи. Но какъ дальнѣйшіе, такъ и ближайшіе успѣхи въ этой наукѣ много зависятъ отъ правильнаго настроенія силъ и способностей. Этой же настроенности философствующіе умы достигали самоуглубленіемъ и богомысліемъ. Такъ достигали ея даже языческіе философы; тѣмъ болѣе ея должны такимъ способомъ достигать христіанскіе философы, уже по тому одному, что ближайшій источникъ философіи въ нашемъ духѣ и Верховное Начало ея въ Богѣ, какъ Подателѣ мудрости: углубляться въ самого себя и возноситься Богу есть, поэтому, первая и священная обязанность каждаго, занимающагося философіей. И Михневичъ увѣренъ, что успѣхи въ познаніи философіи будутъ возрастать только по мѣрѣ точнаго исполненія этой самой важнѣйшей для всѣхъ занимающихся философіей—обязанности. Кромѣ изложенной статьи, Михневичъ занимался общими вопросами по философіи еще въ статьѣ „Задача философіи“ (Ж. М. Н. П. 1842 г. 34 часть). Къ изложенію этой статьи мы и переходимъ теперь.

Вопросъ о задачѣ философіи Михневичъ находитъ естественно вытекающимъ изъ самаго понятія философіи, какъ науки. Во всякой наукѣ, а тѣмъ болѣе въ философіи, неизбѣженъ вопросъ: чему она учитъ, чѣмъ занимается, или, что одно и то же, какая ея задача. Но въ рѣшеніи этого вопроса ни одна изъ наукъ не затрудняется столько, какъ философія. Не смотря на всѣ попытки умовъ великихъ, она все еще, въ этомъ отношеніи, остается наукою не разгаданною и неопредѣленною; всѣ извѣстныя доселѣ „Введенія“ въ философію, какъ ни велико число ихъ, не успѣли еще объяснить того, что составляетъ главное въ наукѣ, безъ чего наука не можетъ быть наукою, то есть, содержанія философіи. Извѣстно, что въ качествѣ своего содержанія, философія отдѣлила для себя цѣлую область высшихъ первоначальныхъ причинъ, послѣднихъ цѣлей и коренныхъ силъ всего существующаго. Такимъ образомъ она нашла для себя предметъ, который, кромѣ того, что упрочилъ ея существованіе, еще доставилъ ей право первенства предъ всѣми науками, и даже, нѣкоторымъ образомъ,

сохранилъ ея первобытную всеобъемлемость: потому что, сдѣлавшись наукою о всеобщихъ началахъ, первоначальныхъ формахъ и послѣднихъ дѣляхъ всего, она, въ извѣстныхъ отношеніяхъ и съ извѣстныхъ сторонъ, стала обнимать собою все. Но на такой позиціи она могла держаться только до тѣхъ поръ, пока не проникли сюда, въ эту позицію, прочія науки; пока каждая не возвысилась до того, чтобы въ состояніи была видѣть послѣднія основанія изслѣдуемыхъ ею предметовъ. Чѣмъ же, спрашиваетъ нашъ мыслитель, остается теперь быть философіи? Когда почти всякая наука становится философіей, что же такое будетъ философія? На это, замѣчаетъ Михневичъ, многіе такъ отвѣчаютъ: философіи не придется существовать уже теперь въ видѣ отдѣльной науки: всякій мыслящій чловѣкъ есть философъ и всякая наука, углубляющаяся въ свой предметъ, есть философія; но кромѣ этой философіи, какъ высшаго взгляда на вещи, нѣтъ и не можетъ быть никакой. Михневичъ признаетъ эти заключенія слишкомъ поспѣшными. Философія новѣйшаго времени рѣшаетъ вопросъ иначе.

Періодъ этой новой философіи начинается со временъ Канта. По его идеѣ философія можетъ быть названа наукой ума, или умоученіемъ; послѣдователь Канта—Фихте сдѣлалъ ее Науко-словіемъ, а Гегель обратилъ ее въ науку абсолютнаго саморазвитія мысли, или въ науку сознанія. Всѣ эти названія показываютъ, что означаемая ими философія избрала для себя предметомъ новую задачу, отличную отъ той, въ какой она прежде производила изслѣдованія.

И вотъ нашъ мыслитель задается вопросомъ: гдѣ же новая область философіи, и что входитъ въ составъ ея? Это не есть міръ существъ, сотворенныхъ Богомъ, потому что познаніе міра составляетъ предметъ другихъ наукъ, а философія хочетъ быть наукою отдѣльною и неприкосновенною. Нѣтъ, это есть міръ чловѣческаго вѣдѣнія. Вотъ этотъ то міръ, какъ дѣло рукъ чловѣческихъ, слагающееся изъ созданныхъ и создаваемыхъ чловѣческимъ умомъ знаній, искусствъ и наукъ, и составляетъ собственно предметъ философіи, которая, соотвѣтственно такому своему назначенію, не безъ причины, почти при самомъ рожденіи своемъ, получила названіе любо-

мудрiя, совершенно равносильное названiю любознаниа, такъ какъ мудрость и знанiе есть слова синонимическiя. Но какое это знанiе, о предметахъ ли реального мiра? Нѣтъ. Философія есть вѣдѣнiе о самомъ вѣдѣнiи, есть какъ бы основанiе наукъ. Этотъ мiръ вѣдѣнiя не мечта ума, не вымыселъ фантазiи, а дѣйствительное созданiе дарованной человѣку свыше силы творчества. Это вѣдѣнiе, составляющее предметъ философіи, само собою, опредѣляетъ и кругъ ея занятiй. Она должна быть наукою, анализирующею человѣческое вѣдѣнiе и углубляющеюся въ его основанiя. Этотъ анализъ долженъ начаться съ основы, на которой утверждается и изъ которой возникаетъ все наше вѣдѣнiе; потомъ ему должно перейти къ законамъ, по которымъ оно образуется, и къ формамъ, въ какихъ оно проявляется; наконецъ онъ долженъ проникнуть въ главные элементы вѣдѣнiя, какъ въ содержанiе многообразныхъ формъ его. Основа всѣхъ нашихъ знанiй есть душа съ ея силами и дѣйствiями; законы и формы ихъ по различiю силъ, дѣйствующихъ и производящихъ различныя роды знанiй, раздѣляются на законы и формы ума, или на такъ называемые законы логическiе, на законы и формы чувства, или эстетическiе, и на законы и формы воли, или нравственныя; а остальные элементы человѣческаго вѣдѣнiя суть главныя идеи ума: идея Безконечнаго, идея конечнаго и идея взаимнаго между ними отношенiя, потому что всѣ наши познанiя суть мысли, или о Существовѣ Безконечномъ, или о существахъ, или о связи существъ конечныхъ съ Существомъ Безконечнымъ. Слѣдовательно и философія должна заключать въ себѣ 3 науки: 1) о душѣ—психологію, 2) науку о законахъ и формахъ мысли, чувства и воли: логику, этику и эстетику и 3) науку—о главныхъ идеяхъ ума—идеологию, или метафизику. А такъ какъ коренныхъ идей три, именно: идея существа Безконечнаго—Бога, идея существъ конечныхъ—тѣлъ и духовъ, и идея соединенiя Безконечнаго съ конечнымъ или лучше—идея проявленiя Безконечнаго въ конечномъ, идея мiра: то, на основанiи этой тройственности идей, послѣдняя часть философіи, извѣстная подъ именемъ Идеологіи, или Метафизики, должна состоять изъ ученiя о Богѣ—Теологіи, изъ ученiя о суще-

ствахъ тѣлесныхъ и духовныхъ—Соматологіи и Пневматологіи, и изъ ученія о мірѣ вообще—Космологіи. Такимъ образомъ, философію должны составлять слѣдующія науки: I. Психологія, II. Логика, Эстетика и Этика и III. Идеологія, или Метафизика, заключающая въ себѣ Θεологию, Соматологию, Пневматологию и Космологию. Въ одной изъ этихъ частей своихъ, именно въ Метафизикѣ, философія, какъ будто измѣняетъ самой себѣ, и изъ науки человѣческаго вѣдѣнія снова обращается въ науку бытія, останавливающуюся на Богѣ, матеріи, духѣ и мірѣ. Это такъ; но,—замѣчаетъ нашъ мыслитель, бытіе, разсматриваемое здѣсь, есть бытіе идеальное метафизическое, т. е. бытіе, познаваемое изъ идей. Метафизикъ, находя въ глубинѣ своего духа врожденные идеи всего существующаго, развиваетъ это данное, заключающееся въ немъ самомъ, употребляя другія данныя, способствующія правильному раскрытію его идей. Слѣдовательно, онъ все имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ идеями вещей, а потому наука его все остается въ предѣлахъ того же умственного міра, который составляетъ собственный предметъ философіи.

Показанныя части философіи почти всѣ уже существуютъ; но однѣ изъ нихъ не приведены еще въ надлежащую систему и заключаются въ однихъ стривкахъ, неразработанныхъ и не согласенныхъ съ общею идеею философіи; другія, хотя получили вышнюю форму, но не соотвѣтствуютъ ей своимъ внутреннимъ содержаніемъ, а нѣкоторыя извѣстны только своими именами. Психологія всѣхъ ихъ опередила на пути развитія и усовершенствованія. Но другія части философіи далеко еще не достигли своей цѣли. Такъ, Логика ведетъ начало свое изъ временъ глубокой древности отъ философовъ Элейскихъ (съ конца VI столѣтія до Р. Х.) и имѣла двухъ великихъ образователей ея: въ древнія времена Аристотеля, а въ новѣйшія—Канта; однако она не установила еще понятія о томъ, что есть главнаго въ наукѣ, т. е. о своемъ содержаніи. Предметомъ своихъ изслѣдованій она поставляетъ то законы и формы чистаго мышленія, то мышленіе и познаніе; притомъ, тонъ ея то совершенно практическій, то чисто теоретическій, поэтому одни разумѣютъ ее, какъ науку, излагающую правила мышле-

нія и научающую мыслить, а другіе смотрятъ на нее, какъ на чистую теорію развитія человѣческой мысли, приводящую насъ къ сознанію мыслительной дѣятельности души.

Этика,—если не древнѣе логики, то, по крайней мѣрѣ, ей современна. Отцемъ ея признаютъ Сократа, но она возникла еще въ школѣ Пифагора, первые начатки ея скрываются даже въ восточной мудрости Индійцевъ, Китайцевъ и Персовъ; но и она, кажется, не попала еще на свою дорогу; по крайней мѣрѣ, съ появленіемъ христіанства, ей надлежало бы изгнать все лишнее, что принесено въ нее языческими моралистами, только потому, чтобъ восполнить недостатокъ Божественнаго Откровенія, которое хотѣли они замѣнить философіей.

Михневичъ находитъ, что этикъ теперь нѣтъ основаній опредѣлять послѣднюю цѣль человѣка и изобрѣтать средства къ достиженію ея, когда эта цѣль ясно указа въ Откровеніи, вмѣстѣ съ средствами, дѣйствительность которыхъ тысячекратно подтверждена въ дѣятельной жизни христіанъ. Философскому нравоученію нужно теперь остановиться на другомъ, болѣе свойственномъ ему предметѣ; между тѣмъ оно все еще не выступаетъ изъ прежней своей колеи и учитъ насъ почти тому же, чему училъ нѣкогда своихъ слушателей Сократъ. Что касается будущаго этикъ наукъ, то авторъ находитъ, что Логика, какъ наука мысли, должна обратить вниманіе на слѣдующія стороны человѣческой мысли: а) на форму ея, т. е. на то, что показываетъ, какъ мысль происходитъ, образуется и существуетъ, и что извѣстно подъ именемъ законовъ, формъ и условій мышленія; б) на ея содержаніе, или матерію, т. е. на составные элементы мысли, которые бываютъ или внутренніе чисто-логическіе, или внѣшніе—оптологическіе, и в) взаимное отношеніе формы мысли къ содержанію, и содержанія къ формѣ, вслѣдствіе котораго многообразіе содержанія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, приводится къ единству формы: способъ сего объединенія извѣстенъ подъ именемъ методы, а форма, въ которой получается такое единство, называется системою. Слѣдовательно, заключаетъ нашъ мыслитель, Логика въ настоящемъ своемъ видѣ должна быть: 1) Аналитикою

формы мысли; 2) Аналитикою ея содержанія; 3) Архитектоникою, состояющеюся изъ Методологiи и Систематики.

Аналогичнымъ же образомъ и этика, оставивъ свои излишнія изысканія цѣлей и средствъ, и занявшись изслѣдованіемъ способовъ и пріемовъ нравственной дѣятельности воли, какіе употребляетъ человекъ къ достиженію указанной ему цѣли и въ приложеніи къ ней предложенныхъ средствъ, должна знакомить насъ: а) съ началами нравственной дѣятельности, раздѣливъ ихъ на классы, сообразно ихъ началамъ и б) со взаимнымъ отношеніемъ началъ и дѣйствій, которое выражается, то какъ обязанность, или долгъ, вслѣдствіе сочетанія съ законами совѣсти, обязывающей насъ дѣйствіямъ законнымъ, то какъ добродѣтель, вслѣдствіе сочетанія съ закономъ свободы, внутренне располагающей къ дѣланію добра. Поэтому и этика должна имѣть: 1) свою аналитику началъ; 2) свою теорію дѣйствій и 3) свою этику въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, рассуждающую объ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ; а это ставитъ ее въ совершенную параллель съ логикой и эстетикой. Остающаяся затѣмъ часть философіи, идеологія или метафизика, по Михневичу, вовсе не соотвѣтствуетъ тономъ и содержаніемъ своему громкому титулу. Она, большею частью, обращается теперь въ безжизненную номенклатуру, въ мертвую терминологію; между тѣмъ ей надлежало бы, выступивъ изъ идей о бытіи вообще, раскрыть сперва природу и свойства бытія Безконечнаго, потомъ природу и свойства конечныхъ существъ—матеріальныхъ и духовныхъ, и наконецъ указать способъ и мѣру проявленія безконечныхъ идей въ конечныхъ явленіяхъ, являющихъ ту совокупность вещей, которая вообще извѣстна подъ именемъ міра. Тогда соматологія и пневматологія доказали бы намъ необходимость въ бытіи конечномъ двухъ началъ: матеріальнаго и духовнаго, разъясняли бы природу каждаго изъ нихъ и ихъ взаимное отношеніе, и такимъ образомъ доставляли бы намъ возможность надлежащимъ образомъ понять, опредѣлить и оцѣнить ученіе восточныхъ мудрецовъ и греческихъ философовъ о матеріи и о духахъ; космологія же объясняла бы намъ способъ происхожденія міра вообще и въ частности, вывела бы различіе явленій и формъ.

его изъ проявившихся въ немъ идей, и именно: она указала бы намъ: а) на царство неорганическое, какъ на преимущественное выраженіе идеи истины, въ которомъ поэтому все однообразно, неизмѣнно, твердо—какъ твердъ законъ, какъ неизмѣнна истина; б) на царство органическое, какъ на преимущественное проявленіе идеи красоты, въ которой дѣйствуетъ сила образовательная, производящая свои прекрасныя формы и в) на царство духовно-правственное, какъ на преимущественное отраженіе идеи добра, въ которомъ главный дѣятель—свобода, предлагающая добро и стремящаяся къ достиженію его. Такъ, по мнѣнію Михневича, должна быть выполнена идея философіи. Таково должно быть содержаніе и таковъ размѣръ науки.

Въ заключеніе Михневичъ говоритъ, что, можетъ быть, не всѣ согласятся съ нимъ; многимъ, можетъ быть, не понравится и то, что онъ высказалъ свои мысли просто и ясно, безъ германской утонченности, подъ которою обыкновенно подозрѣваютъ возвышенность взгляда и глубину мысли. „Но я имѣлъ въ виду, замѣчаетъ Михневичъ ¹⁾, свѣтлый умъ русскій, для котораго то хорошо, что просто и ясно. Да и вообще простота и ясность всѣми признаются за необходимыя условія понятности; а гдѣ болѣе нужно быть понятнымъ, какъ не тамъ, гдѣ хотимъ сообщить другимъ самое понятіе о предметѣ и представить имъ его въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видимъ его сами“? Итакъ, заключаетъ Михневичъ, теперь споръ о предметѣ философіи и сомнѣніе въ научномъ достоинствѣ ея могутъ быть объявлены не существующими. Если прочія науки представляютъ вѣдѣнія о различныхъ, внѣ насъ находящихся, предметахъ, то философія изслѣдуетъ природу самаго вѣдѣнія, и есть поэтому вѣдѣніе вѣдѣнія, наука наукъ; отсюда, по автору, ясно, что она имѣетъ и особенный предметъ и отдѣльный образъ существованія, и что, слѣдовательно, она имѣетъ полное право на названіе науки.

Этимъ заключеніемъ Михневичъ и заканчиваетъ свою статью.

Переходимъ, теперь къ статьѣ Михневича историческаго характера: „Объ уснѣхахъ греческихъ философовъ въ теоре-

¹⁾ См. Ж. М. Н. II. 1842 г. 34 часть 84 стр.

тическомъ и практическомъ отношеніяхъ“ (Ж. М. Н. П. 1839, 12). Указавши на то, что уже и низшая часть человѣческаго естества—тѣло—было сравнительно хорошо познано греческими философами, авторъ утверждаетъ, что вторая, главная часть человѣческаго естества, душа была познана греческими философами еще лучше самаго тѣла. Михневичъ находитъ, что мы не далеко опередили ихъ въ психологическихъ познаніяхъ. Имъ извѣстны были тѣ же свойства души, какія и мы ей приписываемъ: духовность, простота, свобода и безсмертіе; они имѣли понятіе о тѣхъ же силахъ души, какія находятъ въ ней и нынѣшніе психологи: о чувствѣ, о разсудкѣ, умѣ и волѣ; взаимная связь души съ тѣломъ также не ускользала отъ ихъ вниманія; они даже сознавали, что душа находится теперь не въ естественномъ своемъ состояніи, а въ состояніи поврежденія: отъ того нравственныя предписанія ихъ часто получали тонъ, въ высшей степени аскетическій. Сторона души мыслящая и познательная раскрыта въ системахъ греческихъ философовъ съ возможнымъ тщаніемъ: теоріи познанія стали появляться очень рано. На первый разъ онѣ были или темны, какъ напримѣръ теорія Пифагора, гдѣ все представлено въ нѣмыхъ знакахъ, въ числахъ; или слишкомъ односторонни, какъ теорія Гераклита, превращающая человѣка въ машину, только принимающую истечение Божественнаго ума; или довольно грубы, какъ теорія Демокрита, у котораго вводятся въ душу вещественные образы (εἶδολα) тѣлъ. Нравственная сторона души, особенно со временъ Сократа, сосредоточила въ себѣ все вниманіе греческихъ философовъ. Но всетаки здѣсь многіе вопросы были еще не рѣшены, напр. вопросъ о первоначальномъ происхожденіи человѣка.

Греки, не имѣя истиннаго понятія о Богѣ, никакъ не могли рѣшить этого вопроса. Это невѣдѣніе ума о происхожденіи и паденіи первыхъ людей покрыло мракомъ неизвѣстности и настоящее состояніе человѣка и будущее его назначеніе. Человѣкъ былъ для нихъ непонятною загадкою. Не говоря о тѣхъ, которые то низводили его въ классъ вещей матеріальныхъ, образуя и самую душу его изъ той же грубой матеріи, изъ какой составлено его тѣло, то превращали его въ чистаго

духа, признавая тѣло человѣка чѣмъ-то неестественнымъ и случайнымъ; даже тѣ изъ философовъ, которые правильно разумѣли дѣйствительную природу, только въ половину понимали соединеніе въ человѣкѣ двухъ началъ: духовнаго и вещественнаго. Настоящій союзъ души и тѣла для нихъ казался никогда и ни въ какомъ видѣ невозстановляемымъ послѣ болѣзненнаго расторженія въ минуты смерти. Переселеніе душъ въ другія тѣла они представляли возможнымъ, а о новомъ соединеніи той же души съ тѣмъ же тѣломъ никто и не думалъ. Отсюда—неполнота понятій о безсмертіи души. Вѣра въ будущую жизнь была у всѣхъ философовъ, исключая грубыхъ матеріалистовъ, каковъ Эпикуръ, у котораго все оканчивается обыкновенною жизнью. Кромѣ того, и объ этой, такъ сказать, половинчатой жизни, умъ не зналъ, въ чемъ она будетъ состоять. Правда, онъ поставлялъ ее въ блаженствѣ (*eudaimonia*), а самое блаженство полагалъ въ соединеніи съ Богомъ и въ непосредственномъ созерцаніи Его. Но, соединяя человѣка съ Богомъ, философы не могли не слить существа его съ Существомъ Божественнымъ, и человѣкъ терялся въ Богѣ, какъ капля воды въ океанѣ; а о непосредственномъ созерцаніи Бога они имѣли понятіе, какъ о состояніи болѣе или менѣе изступленномъ, которое потому уже не свойственно человѣку, что есть состояніе болѣзненное и принужденное. Еще менѣе былъ извѣстенъ уму способъ греческихъ философовъ достиженія вѣчнаго блаженства. Чтобы найти потерянный путь къ небу, умъ человѣческій придумывалъ различныя средства, и отчаянный больной рѣшался на все: требовалъ то Богоуподобленія, въ лицѣ Сократа; то гармонія силъ души и подчиненія низшихъ изъ нихъ высшимъ въ лицѣ Платона; то послѣдованія природѣ—въ лицѣ стоиковъ; то отрѣшенія отъ чувственности и умерщвленія плоти—въ лицѣ неоплатониковъ. Средства эти, большею частію, цѣлительны, но они обращались нерѣдко въ ядъ, потому что никѣмъ не могло быть указано надлежащее употребленіе ихъ: начертанный умомъ идеаль мудреца или праведника, столь же мало помогалъ страждущему человѣку, какъ и самъ человѣкъ. Таковы были дѣйствія философствующаго ума грековъ въ теоретическомъ отношеніи.

Таковы познанія его о Богѣ и человѣкѣ. Но, является вопросъ, какое вліяніе имѣли эти познанія на практическую сторону жизни? Михневичъ находитъ, что нельзя не признать благотѣльнаго вліянія философіи на нравственную ихъ жизнь. Но, съ другой стороны, Михневичъ замѣчаетъ, что это вліяніе слишкомъ ограничивалось мѣстами и лицами. Если простиралось оно за стѣны философскихъ школъ, то дѣйствовало тамъ съ примѣрнымъ ослабленіемъ, и благотѣльныхъ послѣдствій для всего человѣчества отъ него вовсе не было. Причину этого угадать не трудно. Ограниченный разумъ человѣческій какъ бы далеко ни расширялъ зрѣніе, никогда не будетъ обнимать имъ всего человѣчества, во всѣхъ его состояніяхъ и во всѣхъ степеняхъ развитія. Будущее отъ него скрыто, прошедшее темно, а настоящее представляется ему въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ. При этой близорукости ума и вліяніе его познаній на нравственность не могло не ограничиваться самыми тѣсными предѣлами. Аѳины съ своими портиками, площадями, академіей и лицеемъ, такъ сказать, поглощали въ себя всѣ труды философовъ, не принося однако желаннаго плода.

Нашъ мыслитель находитъ, что этотъ плодъ тогда не могъ быть, когда все человѣчество находилось въ состояніи духовной болѣзни, т. е. грѣха.—Предписанія одного естественнаго ума не могли быть спасительны: они исходили изъ устъ людей, которые сами находились въ состояніи болѣзни; а больной не можетъ знать состоянія здоровья, если самъ имъ никогда не пользовался. Оттого философы различно опредѣляли то состояніе, въ какое хотѣли привести себя и другихъ, и ни къ чему опредѣленному не могли придти въ этой области. Вслѣдствіе же этого они часто болѣе разстраивали, чѣмъ улучшали жизнь.

Въ концѣ своей статьи Михневичъ говоритъ о томъ вліяніи, которое оказала Греческая философія на христіанскую философію.—Въ христіанскомъ мірѣ умственное зрѣніе расширяется; философія является здѣсь въ огромныхъ рамахъ, обнимающихъ всю цѣлость бытія, сосредоточенную въ Верховномъ Началѣ ея—Богѣ.—Мысль философствующаго человѣчества

останавливается на точкѣ соединенія конечнаго съ Безконечнымъ, и старается согласить мышленіе съ бытіемъ, знаніе съ вѣрою, необходимость со свободою, условное съ безусловнымъ, человѣка съ міромъ, всю разумную природу съ ея Единымъ Началомъ. Такимъ образомъ, настала эпоха великихъ, почти исполинскихъ, дѣйствій ума. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта эпоха своимъ появленіемъ обязана и предшествующимъ эпохамъ, въ тожъ числѣ и эпохъ греческой философіи.—Но кромѣ того, въ философію привзошелъ въ христіанскую эпоху новый, необыкновенный и сверхчувственный элементъ Христіанскаго Откровеннаго ученія, преобразовавший и усовершенствовавшій ее въ всѣхъ отношеніяхъ. Это принятіе умомъ Откровенія произошло не случайно, а съ полнымъ сознаниемъ потребности и необходимости Высшей помощи. И это сознаніе возбуждено и усилено съ одной стороны—неудовлетворительностью познаній естественнаго ума; а съ другой—скудостью тѣхъ источниковъ, къ коимъ обращается человѣкъ, съ намѣреніемъ восполнить ими свои недостатки.

Слишкомъ быстрое чередованіе системъ въ древнемъ Греческомъ мірѣ и частое появленіе скептиковъ заставляли многихъ думать, что умъ человѣческій, при всѣхъ своихъ усиліяхъ познать истину, всегда будетъ далекъ отъ нея; и поэтому одни лишали его даже способности познавать истину, а другіе искали источниковъ внѣшнихъ, чтобы восполнить ими свой источникъ внутренній, т. е. мало по малу усиливалась мысль о необходимости Божественнаго Откровенія, и когда оно явилось, люди оказались готовыми къ принятію его.

Въ заключеніи къ своей статьѣ Михневичъ задается такимъ вопросомъ: что же теперь остается дѣлать уму? Когда въ Словѣ Божественномъ открыто то, что прежде было скрытымъ,—надѣ чѣмъ теперь приходится трудиться философіи? Есть ли еще предметъ, которымъ бы она могла теперь заняться? Есть, и притомъ весьма важный, говоритъ Михневичъ. Что важнѣе для человѣка, какъ не самъ человѣкъ?—И однако, кромѣ философіи, нѣтъ науки, которая бы изслѣдовала этотъ предметъ во всемъ его объемѣ. Физиологія и медицина разсматриваютъ человѣка только со стороны физической; исторія

слѣдитъ за проявленіемъ силъ его въ жизни общественной и частной. Но что такое человѣкъ по своей природѣ? Эти то и подобные вопросы должна рѣшать философія. Откровеніе объяснило намъ только темныя для ума стороны человѣческаго естества, и то навело на нихъ свой свѣтъ только для того, чтобы человѣкъ могъ лучше видѣть ихъ, глубже изслѣдовать и вѣрнѣе познавать. По намѣренію Божественнаго Промысла, дѣятельность человѣческаго ума только облегчена, но ни мало не усыплена: человѣку дано Божественное Слово, въ которомъ заключены вѣчныя истины, требующія отъ человѣка, чтобы онъ могъ усвоить ихъ, съ свойственнымъ ему самоубѣжденіемъ глубокаго познанія, какъ самого себя, такъ и поприща своей дѣятельности міра, и виновника жизни, Бога. Слѣдовательно, и теперь есть поприще для ума, есть мѣсто для философіи. „Одно, только—говоритъ Михневичъ, никогда не должно быть забываемо философіей, именно то, что у нея теперь два закона: законъ неписанный, природный, законъ ума, и законъ писанный, положительный, законъ откровенія. Философъ долженъ теперь, такъ сказать, поминутно справляться съ тѣмъ и съ другимъ, закономъ: а оставаясь при одномъ изъ нихъ, онъ или разрушитъ все для своей философіи, или уничтожитъ самую философію. Только та философія вводитъ въ святилище истинной мудрости, которая истекаетъ изъ ума, нисколько не удаляясь отъ Откровенія. Такая то философія, заключаетъ Михневичъ¹⁾), и подходитъ къ духу нашего любезнаго Отечества, той святой Руси, которая издревле чуждалась мудрованій ума, не согласныхъ съ завѣтными истинами вѣры. Эта философія—по намѣреніямъ нашего Августѣйшаго Монарха, который, желая утвердить благоденствіе мудро управляемаго имъ народа на неизблемыхъ основаніяхъ, съ отеческою заботливостію печется о томъ, чтобы гордый умъ человѣческій не возвышался на разумъ Божій, а пребывалъ бы въ должномъ послушаніи вѣрѣ. Она наконецъ, по свойству самого дѣла, т. е. по духу и смыслу этой науки, которая всегда была и не можетъ не быть въ тѣсной связи съ религіей: истина неоспоримая и для всякаго очевидная, что слѣпа та вѣра, въ которой нѣтъ знанія, но не

¹⁾ Ж. М. П. II 1839 г. 24 часть, 166 стр.

дальновидно и то знаніе, въ которомъ нѣтъ вѣры.— Этимъ заключеніемъ и кончаетъ Михневичъ свою статью.

Кромѣ статей философскаго характера, Михневичъ, какъ мы уже говорили, оставилъ послѣ себя еще учебное руководство по Логикѣ: „Опытъ постепеннаго развитія дѣйствій мышленія, какъ руководство для первоначальнаго преподаванія Логики“ (Одесса 1847 г.).

Это самый обыкновенный и краткій (98 стр.) учебникъ формальной Логики. Цѣль, предположенная составителемъ руководства, была та, чтобы развить въ послѣдовательномъ порядкѣ главныя дѣйствія мышленія съ ихъ приемами, законами, видоизмѣненіями, способами, формами и условіями, и сдѣлать ихъ ясными и понятными для тѣхъ, которые въ первый разъ приступаютъ къ изученію внутренняго механизма человѣческой мысли (предисл. 1 стр.)—Логикѣ Михневичъ опредѣляетъ, какъ науку, излагающую правила, которымъ мы слѣдуемъ, когда мыслимъ. Логика составляетъ основаніе грамматики, а грамматика есть приложеніе Логики. Логика раздѣляется на двѣ части: первая излагаетъ составъ и содержаніе мыслей, вторая показываетъ образъ соединенія мыслей. Частнѣйшее расположеніе матеріала въ логикѣ не представляетъ особенностей въ сравненіи съ аналогичными учебниками формальной логики, а потому мы и оставляемъ детальное изложеніе „Логики“ Михневича.

Полагаемъ, что и изложенныхъ выше статей Михневича достаточно для ознакомленія съ его философскими воззрѣніями. Эти воззрѣнія, какъ мы можемъ теперь видѣть, проникнуты болѣе всего духомъ субъективнаго идеализма въ формѣ, данной идеализму Фихте. Припоминая основныя воззрѣнія идеализма Фихте, мы можемъ сказать, что изъ всѣхъ русскихъ мыслителей Михневичъ болѣе всего находился подъ вліяніемъ этого нѣмецкаго философа,—крайняго представителя субъективнаго идеализма.

Изъ другихъ питомцевъ духовныхъ академій, бывшихъ профессорами свѣтскихъ школъ, мы должны, слѣдуя хронологи-

ческому порядку, прежде всего остановиться на архимандритѣ Гавріилѣ, а затѣмъ на профессорѣ Юркевичѣ.

Архимандритъ Гавріилъ (Василій Ивановичъ Воскресенскій род. 1795 † 1868 г.) былъ питомцемъ Московской Дуковной Академіи; по окончаніи курса ея былъ профессоромъ Казанскаго университета. Онъ оставилъ послѣ себя большой трудъ, именно: „Исторію философіи“. Эта исторія состоитъ изъ 6 частей; послѣдняя изъ нихъ представляетъ собою „Исторію философіи у русскихъ“. Для знакомства съ воззрѣніями архимандрита Гавріила на исторію философіи у русскихъ, мы и приведемъ изложеніе тѣхъ §§, гдѣ авторъ излагаетъ отличіе русской философіи отъ философіи прочихъ Европейскихъ народовъ ¹⁾. Архимандритъ Гавріилъ выясняетъ это отличіе, указывая на то, что философія есть развитіе и уясненіе движеній нашего сознанія; но какъ въ сознаніи нашемъ проявляется три предмета существенныхъ: Я, или духъ познающій; не я или міръ, внѣ насъ существующій; наконецъ Богъ, причина и конецъ всѣхъ тварей, то главнѣйшихъ направленій въ философіи должно быть три: наукообразное развитіе явленій и законовъ нашего познающаго духа; умозрительное и притомъ опытное развитіе законовъ міра внѣ насъ существующаго, и сосредоточенность сихъ противоположныхъ полюсовъ въ Высочайшемъ ихъ Началѣ. Первое изъ этихъ направленій господствуетъ въ Германіи; второе развито въ Англіи съ Бэкона и во Франціи съ Кондильяка; но ни то, ни другое не удовлетворяетъ русскій умъ. Философія русская отлична отъ философіи англійской, французской и германской. Полагая въ основаніе мышленія плодоноснѣйшія начала, она доселѣ счастливо избѣгала тѣхъ односторонностей и заблужденій, которыя въ такомъ необъятномъ количествѣ наводнили всю просвѣщенную Европу. Посредствомъ умозрѣнія можно доказать, что чистыя теоріи идеализма сами по себѣ, въ своемъ отторженіи отъ опыта, теряются въ заоблачныхъ созерцаніяхъ, въ пустыхъ построеніяхъ; съ другой стороны, тысячелѣтія свидѣтельствуютъ, что и одинъ опытъ, исключительно принятый воздеи философіи, приводитъ къ слѣдствіямъ, совершенно

¹⁾ См. „Исторію философіи; ч. VI, §§ 145—146, 22—26. стр.

ложнымъ; на концѣ пути, по которому шествуетъ сенсуализмъ, рано или поздно неосторожный мыслитель повергается въ пропасти матеріализма, фатализма, атеизма: оттого то, находить архим. Гавріиль, что въ Германіи лучшіе мыслители начинаютъ чувствовать потребность не только соединенія теоріи съ опытомъ, но и высшаго примиренія ихъ въ верховномъ началѣ всякаго бытія идеальнаго и реальнаго. Но двухъ различныхъ направленій одной и той же идеи не выражаетъ, въ равной степени, одинъ и тотъ же народъ; и потому осуществленіе третьяго направленія философіи издревле принадлежитъ народу великому и сильному, который, полагая краеугольнымъ камнемъ философствованія раціонализмъ, соображаемый съ опытомъ, завершаетъ этотъ храмъ любомудрія, какъ бы свѣтозарнымъ куполомъ—откровеніемъ и преимущественно материю всѣхъ идей—понятіемъ о Богѣ. Эта идея о Богѣ такъ оушевляетъ русскаго, что и высшій изъ вельможъ и низшій изъ простолюдиновъ не приступитъ даже и къ самомалѣйшему дѣлу, не призвавъ Божественнаго имени, не сказавъ: Господи благослови! не освятивъ ума, сердца и всей дѣятельности знаменіемъ крестнымъ. По архим. Гавріилу эту истину доказываетъ и изящная словесность, напр. отрывокъ стихотворенія Жуковскаго, гдѣ на каждый кубокъ меду, на каждую чару вина призывается Божіе благословеніе; это подтверждается пословицами народнымъ: Богъ пристанетъ и пастырей достанетъ; если бы не Богъ, кто бы намъ помогъ; Богъ видитъ кто кого обидитъ; гдѣ любовь, тутъ и Богъ; кто хорошо живетъ, тому Богъ подаетъ. Особенно же этотъ характеръ русскаго мышленія открывается изъ избранныхъ мѣстъ русскихъ философовъ, которыя архим. Гавріиль приводитъ въ послѣдствіи.

Указывая далѣе обстоятельства происхожденія русской философіи, архим. Гавріиль находитъ, что русская философія одолжена своимъ развитіемъ духовенству русскому и частію Грекамъ, первоначально занимавшимъ высшія мѣста въ русской іерархіи. Россія прибрѣтала сокровища Грековъ, какъ дѣти прибрѣтаютъ сокровища отцевъ, и имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что эти отцы и просвѣщеннѣйшіе и даже святые, сами были отцами русскаго любомудрія. Оттого

и произошло такое рѣзкое различіе между філософією Запада и Сѣвера: Аристотель воцарился во всѣхъ школахъ папистическихъ и своей сухостію обезобразилъ наилучшихъ геніевъ Запада, какъ напр. ꙗко Аквината, ꙗко кемпійскаго; напротивъ Россія, не отвергая логики Аристотеля, преимущественно любила Платона. Діалектическія тонкости Аристотеля способствовали къ распространенію вольномыслія по всему Западу. Любомудріе русскихъ—непоколебимо, непреложно, живо и дѣйственно, какъ основаннос на изреченіяхъ ума Божескаго и человѣческаго, на опытѣ русскихъ філософовъ и греческихъ мудрыхъ іерарховъ, управлявшихъ въ Россіи дѣлами церковными, а иногда и гражданскими. Греки, предпочитавшіе філософію дѣламъ государственнымъ, не могли воздержаться, чтобы не сообщить завѣтныхъ помысловъ своимъ русскимъ ученикамъ. Отсюда архим. Гавріиль и усматриваетъ большое значеніе філософіи для развитія русской мысли.

Указывая значеніе філософіи въ Россіи архим. Гавріиль выясняетъ то недоразумѣніе, по которому отрицаютъ существованіе въ Россіи філософіи, на томъ основаніи, что въ Россіи нѣтъ філософскихъ системъ. Система не есть філософія; система есть частная оболочка, или одежда філософіи, въ своемъ устройствѣ совершенно зависящая отъ личности мыслителя філософа, отъ генія, отъ условій, способствующихъ его дѣятельности, или тормозящихъ её. Чтобы создать систему філософіи, для генія нужно имѣть время, благоприятныя обстоятельства,—и особенно терпѣніе. Геній, какъ птенецъ, оперившись въ системѣ, какъ скорлупѣ, воспаряетъ къ солнцу мышленія, и затѣмъ о темной жизни въ скорлупѣ уже не вспоминаетъ. Філософія, состоящая преимущественно во внутренней жизни человѣчества, и самые філософы могутъ существовать во всякомъ народѣ, хотя бы и не было системъ філософскихъ; таковъ заключительный выводъ о русской філософіи архим. Гавріила.

Содержаніе самаго труда архим. Гавріила, его „Исторіи філософіи“, мы излагать не будемъ; но считаемъ нужнымъ сказать, что этотъ трудъ былъ очень серьезень и отличался большою эрудиціею. Сказать это мы считаемъ нужнымъ по-

тому особенно, что среди изслѣдователей русской философіи сложилось какое то ироническое отношеніе къ архим. Гавріилу какъ автору „Исторіи философіи“. Такое ироническое отношеніе обуславливалось особенно тѣмъ, что архим. Гавріиль въ число философовъ въ Россіи помѣщаль и такихъ лицъ, какъ Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ Грозный, министръ графъ Уваровъ и т. п. Но оставляя въ сторонѣ этотъ, можетъ быть и дѣйствительно нѣсколько странный взглядъ, по которому архим. Гавріиль смотря на философію, какъ на любомудріе, считаетъ философиами всѣхъ лицъ, затрогивавшихъ общіе вопросы, и обнаруживавшихъ любовь къ мудрости, мы все же должны рѣшительно подчеркнуть, что трудъ архим. Гавріила не заслуживаетъ другого чувства, кромѣ самаго глубокаго уваженія; въ своей работѣ архим. Гавріиль съ выборомъ пользовался разнообразными источниками по исторіи философіи, умѣлъ предпочитать болѣе точные менѣе точнымъ и вѣрнымъ, и въ общемъ, въ своемъ сочиненіи, далъ серьезную, солидную и научную работу по исторіи философіи; а потому имя архим. Гавріила должно произноситься, во всякомъ случаѣ, не съ ироніей, а съ глубокимъ уваженіемъ. И это уваженіе должно быть тѣмъ большимъ, что и по своему характеру архим. Гавріиль былъ человѣкомъ, заслуживающимъ самаго глубокаго почтенія: онъ былъ чуждъ всякой лести и заискиванія въ людяхъ; и хотя за свой независимый характеръ онъ имѣлъ не мало непріятностей въ жизни, и возбудилъ нерасположеніе къ себѣ такого сильнаго человѣка въ духовномъ мірѣ, какъ митрополитъ Филаретъ, однако, онъ до конца своей жизни сохранилъ независимость характера, оставшись до самой своей смерти въ скромномъ санѣ архимандрита, хотя онъ по своимъ научнымъ и служебнымъ заслугамъ могъ бы съ честью занимать и епископскую кафедру. Мы можемъ здѣсь добавить еще то, что даже такое серьезное событіе въ его жизни, какъ удаленіе его изъ Казани въ ссылку (въ Усть-Киренскій монастырь, Иркутской губ.) не сломило его прямого характера; онъ не принималъ никакихъ хлопотъ о своемъ возвращеніи во внутреннюю Россію и только благодаря памяти о немъ одного изъ его учениковъ (митр. Петерб. Исидора) былъ переведенъ

въ Муромскій Спасскій монастырь, гдѣ вскорѣ скончался (въ 1868 г.).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Памфилѣ Даниловичѣ Юркевичѣ (род. 1827 † 1874 г.). Философское значеніе Юркевича на столько велико, что о немъ слѣдовало бы написать особую монографію; но въ виду того, что въ данной статьѣ мы даемъ изслѣдованіе объ академической философіи, лишь постольку, поскольку она является предшественницей университетской философіи, мы сдѣлаемъ лишь общую замѣтку о Юркевичѣ, какъ о предшественникѣ университетскихъ дѣятелей по разбору и критикѣ крайнихъ философскихъ направленій. П. Д. Юркевичъ получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи, въ коей, по окончаніи курса, состоялъ профессоромъ нѣсколько лѣтъ. Будучи проф. Кіев. духовной академіи, онъ выдѣлился такими серьезными философскими работами, которыя сдѣлали его извѣстнымъ въ образованномъ русскомъ обществѣ, а затѣмъ доставили ему кафедру философіи въ Московскомъ Университетѣ.

Наиболѣе крупными философскими работами Юркевича были слѣдующія: „Идея“ (Ж. М. Н. П. 1859 г., 10—11); Материализмъ и задача философіи (Ж. М. Н. П. 1860 г. 108 часть); „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“ (Т. К. Д. А. 1860, 4); Доказательства бытія Божія (Т. К. Д. А. 1861 г. 3 и 5 кн.); Сердце и умъ (Т. К. Д. А. 1860 г. 1-ая кн.); Языкъ физиологовъ и психологовъ (Рус. Вѣст. 1862 г. 4—6, 8 кн.); Чтеніе о воспитаніи (1865 г.); Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта (Моск. Унив. Извѣс. 1865—6 г. 5 кн.); Курсъ общей педагогики (1869 г.); Игра подспудныхъ силъ по поводу диссертациі г. Струве (Рус. Вѣст. 1870 г., 4 кн.).

Изъ указанныхъ работъ Юркевича наиболѣе крупною и извѣстною считается его статья: „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“. Статья эта представляетъ полемику Юркевича противъ матеріалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго, выраженныхъ въ статьѣ послѣдняго: „Антропологическій принципъ въ философіи“ (Современ. 1860 г. 4 и 5 кн.). Хотя въ своей статьѣ Юркевичъ нигдѣ не называетъ Чернышевскаго по имени, но онъ шагъ за шагомъ разбираетъ произведеніе послѣдняго

„Антропологическій принципъ философіи“ и даетъ сильную критику этого сочиненія. Не входя въ детальный анализъ работы Юркевича, мы здѣсь можемъ сказать только то, что критика Юркевичемъ теоріи матеріализма была настолько сильна и основательна, что она не потеряла своего значенія, какъ опроверженіе матеріализма, и до нашего времени; въ свое же время она была рѣшительно выдающимся явленіемъ, обратившимъ на себя вниманіе членовъ самаго просвѣщеннаго русскаго общества, напр. извѣстнаго публициста М. Н. Каткова, рекомендовавшаго затѣмъ Юркевича на философскую кафедру въ Московскій Университетъ и предоставившаго ему свой журналъ (Рус. Вѣд.) для помѣщенія своихъ статей. Состоя профессоромъ въ Московскомъ Университетѣ, Юркевичъ, между прочимъ, имѣлъ своимъ слушателемъ и извѣстнаго нашего философа Вл. Соловьева, который потомъ, по смерти Юркевича, далъ большую бібліографическую работу, посвященную философскимъ работамъ своего учителя, а впоследствии былъ его премианкомъ по кафедрѣ въ Московскомъ Университетѣ.

VIII.

Юркевичъ и былъ послѣднимъ университетскимъ профессоромъ философіи изъ питомцевъ духовныхъ академій; краткимъ указаніемъ на его дѣятельность, какъ преемственника университетскихъ дѣятелей по философіи, мы и закончимъ обзоръ духовно-академической философіи и перейдемъ теперь къ выясненію того, въ чемъ же академическая философія была предшественницею университетской философіи и славянофильства. На первую половину вопроса: въ чемъ академическая философія была предшественницею университетской философіи, мы можемъ дать теперь же краткій отвѣтъ: академическая философія была предшественницей университетской философіи въ разработкѣ всѣхъ частныхъ философскихъ дисциплинъ; другими словами, она была предшественницею университет. философіи въ дѣлѣ распространенія въ Россіи философскаго образованія. Можно сказать, что всѣ основныя вопросы философіи были уже выдвинуты и болѣе или менѣе разработаны академическою фило-

софіею. Такъ, по введенію въ философію мы имѣемъ такіе прекрасные труды, какъ „Введенія въ философію“ Сидонскаго и Карпова. Работы по введенію въ философію, въ видѣ отдѣльныхъ статей, мы встрѣчаемъ у Голубинскаго, Новицкаго, Гогоцкаго и Михневича. По исторіи философіи мы встрѣчаемъ такія серьезныя работы, какъ: „Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій“ Новицкаго; „Философія 17 и 18 в.“ и „Обозрѣніе системы Гегеля“ Гогоцкаго; и его же многотомный философскій лексиконъ; „Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта“—Юркевича;—Философскій рационализмъ новѣйшаго времени“ Карпова, и многотомный трудъ архимандрита Гавріила. По логикѣ: руководство Новицкаго, Михневича, Карпова. По психологіи: Руководство къ опытной психологіи—Новицкаго; „Программа психологіи“ Гогоцкаго; „Умозрительная психологія“—Голубинскаго; отдѣльныя статьи по психологіи Карпова, Михневича. По метафизикѣ: лекціи Голубинскаго, отдѣльныя этюды Новицкаго, Михневича, Карпова, Юркевича. Въ общей совокупности всѣ эти академическія работы захватываютъ почти всѣ философскія дисциплины и представляютъ собою много солиднаго и научно-цѣннаго матеріала для знакомства университетскихъ дѣятелей и русскаго общества съ философіей. И въ этомъ великое значеніе русской духовно-академической философіи. Когда явилась на сцену университетская философія, она уже нашла въ Россіи не дѣвственную чащу, а проторенную тропу, по которой ей оставалось бы только идти далѣе, чтобы болѣе и болѣе расширять эту тропу. Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, философія университетская, за исключеніемъ отдѣльныхъ личностей, не пошла тропой, проложенной академическими мыслителями. Но въ этомъ виновата уже не академическая философія. Разумѣется, трудно сказать, какое бы направленіе приняла русская мысль, если бы университетская философія не отрѣшилась отъ основъ и традицій духовно-академической философіи и пошла бы по дорогѣ этой философіи; но одно можно навѣрное сказать: если бы университетская философія болѣе ознакомилась съ своей предшественницей и не отрѣшилась бы отъ ея основъ

зи традицій, то мы не были бы свидѣтелями того умственного шатанія, той постоянной смѣны заграничныхъ вѣяній и направлений; которыя къ сожалѣнію, сдѣлались характерными симптомами состоянія русской философской мысли за послѣдніе полвѣка, т. е. за то время, когда во главѣ теоретической русской мысли стала, вмѣсто академической, университетская философія; въ эпоху преобладанія академической философіи такого шатанія русской мысли не было, да и быть не могло, въ силу самыхъ принциповъ академической философіи.

Намъ остается отвѣтить лишь на вторую половину поставленнаго выше вопроса—о значеніи академической философіи, какъ предшественницы славянофильства. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны, хотя кратко, припомнить, каковы были главные тезисы славянофильства. Какъ извѣстно, эти тезисы сводились къ слѣдующимъ 4-мъ: во 1) односторонность и недостаточность раціонализма, какъ первенствующаго начала Западно-европейской мысли; во 2) вытекающая отсюда необходимость новыхъ началъ философіи; въ 3) соборность мышленія и живая вѣра (вмѣсто отвлеченнаго разсудка), какъ основные принципы новой, грядущей философіи и 4) признаніе въ славянахъ вообще, и въ русскомъ народѣ въ частности, особыхъ національныхъ качествъ,—отсюда, признаніе за русскимъ народомъ и другими славянами права на самобытную русскую философію и вообще на самобытное развитіе въ цѣляхъ осуществленія идеала новой универсальной жизни.

Таковы главные положенія славянофильства. Но, припоминая наиболѣе серьезные труды представителей академической философіи, мы можемъ видѣть, что главные изъ основныхъ положеній славянофиловъ не разъ встрѣчались и въ работахъ академическихъ мыслителей. Такъ, недостаточность и односторонность раціонализма, какъ основного принципа мысли и жизни, прекрасно выяснилъ Карповъ; признавали эту односторонность раціонализма и другіе академическіе мыслители, на примѣръ Новицкій.

Этимъ мыслителямъ и отчасти Михневичу, Сидонскому и архимандриту Гавріилу была не чужда мысль о необходимости новыхъ началъ философіи и коллективности (общности)

мышленія, какъ новаго принципа философіи. О самобытной же русской философіи мечтали и писали рѣшительно всѣ академическіе мыслители: и Новицкій, и Голубинскій, и Сядонскій, и Карповъ, и Михневичъ, и архимандритъ Гавріиль: всѣ они признавали въ русскомъ народѣ особія національныя черты, и всѣ они были увѣрены, что на Руси появится самобытная русская философія, и русскій народъ выполнитъ идеаль универсальной жизни и доставитъ вселенной счастье.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и по отношенію къ славянофильству русская академическая философія сыграла ту же роль, какую она сыграла по отношенію къ университетской философіи: она разработывала тѣ же вопросы и темы, надъ которыми потомъ работали славянофилы; она мечтала о тѣхъ же идеалахъ, о которыхъ мечтали славянофилы; она жила тѣми же надеждами, какими жили славянофилы.

Слѣдовательно, и по отношенію къ славянофильству мы въ правѣ назвать академическую философію такъ же, какъ называли ее по отношенію къ университетской, т. е. предшественницей. Итакъ мы теперь, подводя итоги, въ заключеніе нашей статьи, можемъ сказать, что русская духовно-академическая философія имѣла великое значеніе въ исторіи развитія русской мысли: она была предварительнымъ этапомъ въ развитіи университетской философіи и въ появленіи славянофильства, какъ крупнѣйшаго русскаго историко-философскаго паправленія.

А. Никольскій.

„Соціалізмъ“ въ изслѣдованіи Виктора Катрейна.

Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія

свѣщенника Н. ЛИПСНАГО.

(Продолженіе *).

§ 3. Непрерывающійся процессъ развитія.

Третій тезисъ историческаго матеріализма гласитъ: *все подлежитъ непрерывающемуся процессу развитія. Производственныя отношенія постоянно мѣняются и вмѣстѣ съ ними мѣняется также и вся „идеологическая надстройка“.* Нѣтъ поэтому никакихъ *вѣчныхъ, неизмѣнныхъ понятій и основположеній* въ области политической, соціальной, правовой, нравственной, религіозной и философской. Это Гегелевскій процессъ быванія на матеріалистической почвѣ. Только въ математикѣ Марксъ и Энгельсъ согласны допустить неизмѣнныя основныя истины, хотя и здѣсь область „вѣчныхъ истинъ“ очень ограничена.

Этотъ тезисъ есть только дальнѣйшій выводъ изъ утвержденія, что философскія, правовыя, религіозныя и проч. идеи суть продукты матеріальныхъ производственныхъ отношеній. Такъ какъ мы уже выяснили неосновательность этого мнѣнія, то этимъ самымъ доказали и неосновательность сдѣланнаго изъ него вывода.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19 за 1907 г.

Понятія, составленныя при помощи абстракціи на основаніи данныхъ опыта, независимы отъ времени и пространства; они выражаютъ сущность вещей. Поэтому и сужденія и принципы, образованные чрезъ сравненіе другъ съ другомъ такихъ понятій, также независимы отъ времени и пространства и совершенно неизмѣняемы. Истина, что цѣлое больше своей части, имѣетъ значеніе не по отношенію только къ тому или другому конкретному цѣлому, въ томъ или иномъ мѣстѣ, въ то или иное время, но по отношенію ко всякому цѣлому вообще во всякомъ мѣстѣ и во всякое время, такъ какъ истина эта основывается на существенномъ свойствѣ цѣлаго.

Очевидно также, что мнѣніе о томъ, будто вмѣстѣ съ измѣненіемъ производственныхъ отношеній мѣняются философскія, правовыя и религіозныя идеи, можетъ имѣть смыслъ и значеніе только съ точки зрѣнія грубаго матеріализма и вмѣстѣ съ нимъ стоитъ и падаетъ. Подобно тому какъ Богъ вѣченъ и неизмѣняемъ и нѣтъ у него ни вчера ни завтра, а есть только вѣчное сегодня, такъ на вѣки останется истиннымъ то, что Онъ есть Творецъ, верховный Властитель и конечная Цѣль всѣхъ вещей; на вѣки также останется непреложной истиной, что человѣкъ созданъ для того, чтобы служить Богу и этимъ достигать вѣчнаго блаженства; что за гробомъ будетъ вѣчное воздаяніе за добрыя и злыя дѣла; на вѣки останется истиннымъ всякое слово, возвѣщенное непреложной Истиной сперва чрезъ пророковъ, а затѣмъ чрезъ Единороднаго Сына: „слова Мои не прейдутъ“. Каждая іота откровеннаго ученія вѣчно останется истинной, равно какъ вѣчно истиннымъ будетъ и то, что историческій матеріализмъ есть роковое заблужденіе, роковое въ особенности для тѣхъ, кто изъ за этого заблужденія удаляется отъ христіанства, отъ его ученія и таинствъ.

Насколько вѣчны и неизмѣнны истины христіанскаго откровенія, настолько же неизмѣнны общія понятія и основоположенія естественно-научныя. Они—естественныя откровенія мысли вѣчнаго Бога, который есть источникъ и основа всякой истины. Насколько въ теченіе временъ не измѣнилось понятіе

о кругѣ, или четверугольникѣ, настолько же неизмѣнны общія понятія религіознаго и нравственнаго порядка и основанные на нихъ принципы. Наши понятія—не пустыя формы, но духовныя отображенія сущности вещей, которая остается неизмѣнной при всевозможныхъ физическихъ измѣненіяхъ. Первый человекъ не имѣлъ какой-либо сущности и назначенія, отличныхъ отъ тѣхъ, какія имѣемъ мы и какія будетъ имѣть послѣдній человекъ, который будетъ жить на землѣ.

Тѣ, кто отрицаетъ существованіе вѣчныхъ, неизмѣняемыхъ понятій и осново-положеній, дѣлаютъ этимъ самымъ невозможнымъ существованіе науки и впадаютъ въ противорѣчіе самимъ себѣ. Знаніе имѣетъ дѣло съ вѣчными и необходимыми законами. Оно не хочетъ ограничиваться единичными явленіями и предметами, но ищетъ общихъ причинъ и законовъ и извлекаетъ изъ нихъ слѣдствія; оно стремится къ всеобщему и необходимому. Но какъ это возможно, если ничего всеобщаго, необходимаго и неизмѣннаго не существуетъ? Если нѣтъ никакихъ неизмѣняемыхъ понятій, тогда прекращается всякая духовная связь между различными поколѣніями. Тогда невозможно понять духовную жизнь прошедшихъ временъ, равно какъ невозможно предугадать судьбу будущихъ поколѣній. Отсутствуетъ идентичность понятій. Какъ я могу узнать, правильно ли думали Платонъ и Аристотель; даже болѣе того, какъ я могу ихъ понять, если ихъ понятія и сужденія были совершенно иныя, чѣмъ наши? Мы даже вообще не могли бы знать, имѣли ли они какія-либо понятія и сужденія; ибо то, что мы теперь о нихъ думаемъ, быть можетъ, есть вліяніе нашихъ современныхъ производственныхъ отношеній, какія въ древности не были извѣстны. Безпросвѣтный скептицизмъ—прямое слѣдствіе теоріи историческаго матеріализма.

У соціалистовъ тутъ дѣло не обходится безъ противорѣчій. Они довольно точно рисуютъ намъ развитіе общества въ прошломъ и будущемъ. Но откуда они знаютъ, что развитіе существовало въ прошедшія времена и будетъ существовать въ будущемъ; когда, быть можетъ, самого понятія о развитіи не было прежде и не будетъ въ недалекомъ будущемъ? Откуда

они знаютъ, что религія и частная собственность на орудія производства, бракъ въ современномъ смыслѣ, должны прекратить свое существованіе, если мы не можемъ знать, будутъ ли существовать сами люди, или, если они будутъ существовать, то будутъ ли имѣть понятія, одинаковыя съ нашими, или же совершенно отличныя отъ нашихъ? Откуда они знаютъ, что въ любой періодъ исторіи экономическія отношенія создаютъ новыя политическія, религіозныя и нравственныя понятія? Откуда они вывели этотъ, по ихъ мнѣнію, всеобщій, одинаково для всѣхъ временъ дѣйствительный законъ?

Чтобы избѣжать указанныхъ затрудненій и противорѣчій, Марксъ и Энгельсъ для математическихъ наукъ, каковы: собственно математика, астрономія, механика, физика, химія и отчасти естествознаніе, изслѣдующія живые организмы, допускаютъ вѣчныя, неизмѣняемыя истины. Но такимъ допущеніемъ они, сами того не замѣчая, всю свою теорію превращаютъ въ беспорядочную кучу мусора. Названныя научныя дисциплины предполагаютъ очень много понятій и основоположеній такихъ, которыя у нихъ общи со всѣми остальными науками и которыя составляютъ собственно предметъ философіи.

Понятія „бытіе, субстанція, сущность, качество, количество, движеніе, сила, причина, дѣйствіе, законъ, необходимость, время, вѣчность, отношеніе, равенство, познаніе, воля, развитіе“ и многія другія—обща всѣмъ наукамъ, какъ и математическимъ. Они составляютъ собственно предметъ философіи, которая всесторонне ихъ разсматриваетъ и приводитъ въ систематическій порядокъ. Изъ этихъ неизмѣняемыхъ, отъ времени и пространства независимыхъ понятій, возникаютъ неизмѣняемые принципы, которые составляютъ основу всякаго правильнаго мышленія и которые математикой заимствованы у философіи. Къ такимъ принципамъ принадлежитъ, напр., законъ противорѣчія, по которому ничто въ одно и то же время не можетъ быть и не быть; аксіома, что двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою; что всякое дѣйствіе непременно имѣетъ свою причину и что дѣйствіе не можетъ быть больше причины; что цѣлое больше своей части;

что каждая вещь дѣйствуетъ сообразно своей природѣ, что въ природѣ существуютъ неизмѣнные законы, которые мы открываемъ наблюденіемъ и т. п. Все, что мы научно знаемъ о достовѣрности нашего знанія, о достовѣрности свидѣтельствъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ и нашего сознанія, о бытіи внѣшняго міра, о достовѣрности тѣхъ свидѣтельствъ, какія мы получаемъ отъ другихъ, и безчисленныя другія вещи совершенно независимы отъ математической науки и вполнѣ неизмѣняемы. Кто не признаетъ этихъ истинъ, для того невозможно какое бы то ни было знаніе; но кто ихъ признаетъ, тотъ имѣетъ твердый фундаментъ, на которомъ онъ съ полной увѣренностію можетъ строить систему знанія и достигнуть познанія высочайшей и послѣдней причины всѣхъ вещей—Творца неба и земли. Въ то же время онъ будетъ находиться въ святилищѣ религіи и нравственности.

Существуютъ, такимъ образомъ, вѣчныя понятія и истины; принципы, которые такъ же вѣчны и неизмѣнны, какъ сама вѣчная истина, на которую они опираются. Если соціалисты воображаютъ, что ихъ нельзя опровергнуть религіозными и философскими осново-положеніями и принципами, такъ какъ религіозныя и философскія воззрѣнія мѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ хозяйственно-экономическихъ отношеній, то это—суетный самообманъ и наивное самообольщеніе. Если бы такое допущеніе соціалистовъ было правильно, тогда то, что, по ихъ мнѣнію, происходитъ съ религіей и философіей, должно бы было происходить и съ мнимо-научнымъ соціализмомъ, да и вообще со всякой отраслью знанія.

Но именно совершенно несправедливо то, будто изъ природы человѣка нельзя сдѣлать необходимыхъ заключеній относительно общественныхъ учрежденій. Хотя человѣкъ можетъ развиваться и совершенствоваться, однако по своей природѣ и склонностямъ онъ въ сущности останется всегда тѣмъ же человѣкомъ. Онъ есть и останется чувственно-духовнымъ существомъ, которое въ нѣдрахъ своей природы имѣетъ склонность къ наслажденіямъ, къ лѣности, къ самолюбію, честолюбію, гнѣву и только самоотреченіе можетъ способствовать по-

бѣдѣ разума надъ чувственными стремленіями. Столько же, какъ мы сейчасъ покажемъ, постоянепъ законъ, что склонности и расположенія отдѣльныхъ людей остаются одинаковыми, когда они вступаютъ въ общество, однако, у различныхъ индивидуумовъ они различно обнаруживаются и необходимымъ слѣдствіемъ имѣютъ неравенства въ общественной жизни.

§ 4. Процессъ развитія и производство.

Мы переходимъ къ четвертому тезису историческаго матеріализма: *въ процессъ развитія производственныя отношенія являются определяющимъ и рѣшающимъ факторомъ*. Производство и обмѣнъ потребительныхъ средствъ есть основа всякихъ общественныхъ порядковъ. Измѣняется производство, вмѣстѣ съ этимъ постепенно мѣняется и вся социальная политическая, правовая, нравственная и религіозная надстройка.

Движеніе матеріи совершается по необходимымъ, опредѣленнымъ законамъ. „Но такъ какъ движеніе матеріи, согласно теоріи историческаго матеріализма, опредѣляетъ форму идей и направленіе воли, то эти идеи, равно и дѣйствія воли, какъ и все, что совершается въ исторіи человѣчества, совершается по закону *необходимости*“. Матеріалистъ долженъ вѣрить, „что въ любой моментъ времени все дальнѣйшее теченіе событий напередъ опредѣлено совокупностію данной матеріи и соотношеніемъ силъ ея частей“¹⁾.

Именно на основаніи такой безусловной необходимости всего совершающагося и имѣющаго совершиться социалисты предсказываютъ намъ приближеніе своего будущаго общественнаго строя.

Ясно, что такое возрѣніе *человѣческую свободу* совершенно исключаетъ изъ разсмотрѣнія и человѣка низводитъ на степень незначительнаго колеска въ этой міровой машинѣ, двигающейся по необходимымъ законамъ. И однако же несомнѣнно, что въ безчисленномъ количествѣ случаевъ въ рѣшительныхъ поворот-

¹⁾ Bernstein, die Voraussetzungen des Socialismus (1901) 4—5.

ныхъ пунктахъ исторической жизни именно *свободныя рѣшенія воли* одного человѣка, или немногихъ лицъ на цѣлыя столѣтія оказывали могучее вліяніе на ходъ событій. Производственные ли отношенія вызвали завоевательные походы Александра Великаго и дали поводъ Наполеону къ его войнамъ и перетасовкѣ государствъ?

Впрочемъ, соціалисты сами себѣ сильно противорѣчатъ. Какъ часто главари нѣмецкой соціалъ-демократіи указывали на опасность, что вслѣдствіе извѣстныхъ тенденцій ремесленническихъ, или ревизионистскихъ соціалъ-демократія можетъ потерять свой революціонный характеръ, „погрязнуть въ болотѣ“, или пойти по теченію какой-нибудь буржуазной партіи; что поэтому слѣдуетъ энергично указывать на конечную цѣль, чтобы не отнять у „товарищей“ воодушевленія и мужества. Зачѣмъ такія опасенія, если современныя производственные отношенія неизбѣжно должны привести къ будущему общественному строю и если ходъ историческихъ событій совершенно независимъ отъ свободныхъ поступковъ человѣка?

Взглядъ на исторію покажетъ намъ, какъ неосновательно утвержденіе, будто матеріальныя производственные отношенія опредѣляютъ весь ходъ развитія человѣчества.

Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ исторія о той роли, какую соціалисты приписываютъ экономическимъ отношеніямъ въ дѣлѣ развитія человѣчества? Когда исторію честно спрашиваютъ объ этомъ, она говоритъ, что въ дѣйствительности религіозно-нравственные идеи гораздо чаще были причиной глубокихъ экономическихъ переворотовъ, чѣмъ наоборотъ. Вся экономическая и соціальная жизнь израильскаго народа была обусловлена и запечатлѣна его религіозной вѣрой. Точно также христіанство отнюдь не было результатомъ и слѣдствіемъ экономического положенія римской имперіи въ вѣкъ Августа. Христіанскія воззрѣнія стояли въ полномъ и непримиримомъ противорѣчій съ господствовавшими тогда взглядами и постепенно преобразовали общество и въ экономическомъ отношеніи. Пусть вспомнятъ хотя бы только взглядъ христіанства на трудъ, на достоинство труда и его обязательность; пусть

вспомнить объ отмѣнѣ рабства, о возвышеніи женщины, преобразованіи семьи, о созданіи безчисленныхъ учреждений христіанской любви и милосердія.

Каутскій полагаетъ, что онъ въ состояніи объяснить происхожденіе христіанства изъ эконолическихъ отношеній, существовавшихъ во времена римской имперіи. „Отвращеніе христіанъ отъ всего земного, страстное желаніе смерти, по мнѣнію Каутскаго, объясняется матеріальными условіями времени римской имперіи“¹⁾. Но какъ согласить съ этимъ то, что христіанство собственно возникло не на римской почвѣ, но въ презрѣнной Іудеѣ, гдѣ оно уже за два тысячелѣтія до этого было предвозвѣщено въ пророчествахъ и прообразахъ и откуда оно по всему міру было потомъ распространено апостолами—іудеями? И развѣ это отвращеніе отъ земного и желаніе смерти всегда вообще характеризуетъ христіанство и есть его специфическая особенность? Это можетъ говорить только тотъ, кто совершенно не знаетъ христіанства. Христіанство учитъ только, что наша жизнь на землѣ есть приготовленіе къ жизни загробной, что на порогѣ вѣчности каждаго человѣка ожидаетъ строгій судъ, который рѣшитъ для него счастливую, или несчастную вѣчность. Но развѣ одно христіанство объ этомъ учитъ? Развѣ не такова была вѣра древнихъ египтянъ, вавилонянъ, ассириянъ, и затѣмъ грековъ и римлянъ?

Но главное заключается въ слѣдующемъ: христіанство имѣетъ свои нерушимыя основы не въ абстрактныхъ идеяхъ и воззрѣніяхъ, а въ *несомнѣнныхъ фактахъ исторіи*. Въ вѣкъ императора Августа въ Іудеѣ явился давно ожидаемый Мессія. Безчисленными чудесами и пророчествами, а главнымъ образомъ своимъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ доказалъ Онъ, что Онъ—Сынъ Божій, ниспосланный на землю Своимъ Отцомъ. Этотъ фактъ, какъ уже ап. Павелъ энергично на этомъ настаивалъ, есть основа нашей вѣры и за истину этого факта многіе исповѣдники пошли на позорищѣйшую смерть. Эти факты

¹⁾ Die Neue Zeit. 15 Jahrg. 1, 215.

можно ли объяснить изъ хозяйственныхъ отношеній того времени? Можно ли изъ тогдашнихъ способовъ производства и обмѣна объяснить, какъ Христосъ, не учившись въ школѣ, могъ возвѣститъ удивительное, возвышенное ученіе, которое, какъ закваска, преобразило міръ; какъ бѣдные рыбаки во всемъ мірѣ могли являться со своею проповѣдью о крестѣ, которая была для іудеевъ соблазнъ, а для эллиновъ безуміе, и какъ весь міръ наполнился славою ихъ чудесъ и ученія?

Кто не совершенно порвалъ еще въ своемъ сердцѣ съ христіанствомъ и не стоитъ на почвѣ голаго матеріализма, тотъ тотчасъ увидитъ полную несостоятельность этого объясненія. Но если христіанство нельзя вывести изъ экономическихъ условій, то совершенно напрасный трудъ объяснять изъ способовъ производства и обмѣна всю западную культуру, начиная отъ Христа и до нашихъ дней. Если всякая религія есть только „рефлексъ“ экономическаго состоянія въ головахъ людей“, тогда какъ же могла католическая церковь во всѣ времена у всѣхъ народовъ оставаться всегда одинаковой въ своемъ вѣроученіи, въ своихъ учрежденіяхъ, несмотря на различіе экономическихъ отношеній въ зависимости отъ мѣста и времени?

То, что сказано нами о христіанствѣ, мы могли бы иллюстрировать безчисленными примѣрами. Какое, напр., огромное вліяніе имѣли крестовые походы на культурное развитіе запада! А развѣ ихъ можно объяснить изъ производственныхъ отношеній? Развѣ не христіанскую вѣру они имѣли въ своей основѣ? Магометанство, гуманизмъ и реформація также имѣли огромное вліяніе на всѣ стороны жизни и направили развитіе общества на иные пути. Англійская и французская революція имѣли свои глубочайшіе корни въ религіозныхъ идеяхъ, послѣдняя—именно въ религіозно-правственной распущенности французскаго Двора и энциклопедистовъ. А современное общественное развитіе, даже въ экономической области, развѣ не имѣетъ въ своей основѣ, большею частію, фальшивыхъ идей о свободѣ современнаго либерализма?

Такъ могли бы мы пересмотрѣть всю исторію и нашли бы,

что вездѣ и всегда религіозныя и нравственныя идеи опредѣляютъ ходъ и направленіе развитія человѣчества не меньше, чѣмъ хозяйственныя отношенія. „Единственная, глубочайшая, собственно говоря, тема міровой исторіи, сказалъ Гете, есть конфликтъ между вѣрой и невѣріемъ“¹⁾.

Еще на одинъ пунктъ должны мы обратить особенное вниманіе, чтобы неосновательность социалистическаго историческаго взгляда стала вполне очевидной. Кто могъ бы взвѣснить и исчислить то вліяніе, какое оказывали на современниковъ и на потомковъ великіе люди: политики, полководцы, художники, ученые, святые и т. д.? Пусть вспомнятъ о Кирѣ, Александрѣ В., Периклѣ, Константинѣ В., Хлодвигѣ Франкомъ, Карлѣ В., Альфредѣ В., Стефанѣ I Венгерскомъ, Генрихѣ VIII Англійскомъ, Петрѣ В. и многихъ другихъ. Допустимъ, что на мѣстѣ Императора Карла V былъ бы Александръ В., или Цезарь, и на мѣстѣ Людовика XVI такой человѣкъ, какъ Наполеонъ, тогда, по всей вѣроятности, современная исторія приняла бы иное направленіе. Этихъ великихъ людей можно ли понять только лишь изъ экономическихъ условій ихъ времени и мѣста? Разумѣется, для великихъ людей, чтобы они могли совершить великое, нужны извѣстныя социальныя условія, но при наличіи одинаковыхъ условій, есть тысячи возможныхъ путей, по которымъ можетъ пойти общественное развитіе, и вотъ именно выборъ одного изъ этихъ путей зависитъ отъ характера, таланта и энергіи великаго человѣка.

Далѣе, какъ часто исходъ сраженій на долгое время рѣшаетъ судьбу націй! Если бы Ганнибалъ побѣдилъ Сципіона при Замѣ, Аттила на Каталонскихъ поляхъ — римлянъ, если бы Собѣсскій въ 1683 году не спасъ Вѣны отъ турокъ, то вѣроятно, западно-европейская исторія была бы иная. Подобныя примѣры можно считать тысячами. А тотъ, или иной исходъ битвъ и сраженій едвали можно объяснить изъ экономическихъ отношеній. Смотрѣть на всю духовную и матеріальную исторію развитія, какъ на продуктъ экономическихъ

¹⁾ Westostlich. Divan. V. V. IV (Stuttgart 1850) 262.

производственныхъ отношеній,—это очевидная односторонность.

Этотъ слабый пунктъ теоріи историческаго матеріализма не остается безъ возраженій со стороны самихъ соціалистовъ. Мы упомянемъ здѣсь объ интересной полемикѣ между Л. Бельфортомъ—Баксомъ и К. Каутскимъ въ „Neuen Zeit“. Бексъ полагаетъ, что Марксовская историческая теорія, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, какъ ее понимаютъ Мерингъ, Плехановъ и Каутскій, нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Онъ различаетъ два факта развитія, которые дѣйствуютъ параллельно: внѣшній и внутренний. Внѣшній факторъ—это экономическія отношенія, внутренний—это факторъ психологическій, это идеи и воззрѣнія, которымъ подчиняются люди въ своемъ поведеніи, въ своихъ поступкахъ. Оба фактора дѣйствуютъ всегда одновременно, тѣмъ не менѣе они другъ отъ друга до извѣстной степени независимы.

Каутскій на это возражаетъ, что онъ держится иного взгляда, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ. И по его мнѣнію, духъ участвуетъ въ дѣлѣ развитія и совершенствованія общества, но не какъ *господинъ*, а только какъ *слуга*. Онъ допускаетъ также, что существуютъ иные, помимо экономическихъ, интересы, но производственныя отношенія постоянно ставятъ духу все новыя и новыя задачи и этимъ опредѣляютъ направленіе развитія.

Оба противника правы въ томъ, что духъ играетъ выдающуюся роль въ дѣлѣ развитія на ряду съ хозяйственными отношеніями, но они ошибаются, если думаютъ, что духу можетъ быть приписана *самостоятельная* роль съ точки зрѣнія историческаго матеріализма. Каутскій пытается эту роль (по возможности ослабить. По его мнѣнію, задача духа есть задача *слуги*. „Духъ двигаетъ общество, но не какъ господинъ экономическихъ отношеній, а только какъ ихъ слуга. Именно экономическія отношенія ставятъ задачи, которыя онъ постепенно разрѣшаетъ. Они-то именно, эти экономическія отношенія, опредѣляютъ результаты, какихъ духъ можетъ и долженъ достигнуть при данныхъ историческихъ условіяхъ“¹⁾.

¹⁾ Dei Neue Zeit, 15 Jahrg. 1, 231.

Что долженъ представлять изъ себя этотъ духъ, какъ самостоятельный факторъ на ряду съ хозяйственными отношеніями, если кромѣ матеріи и движенія ничто не существуетъ, и если духъ есть лишь „функція мозга“, какъ думаетъ Каутскій? Во всякомъ случаѣ Марксъ и Энгельсъ думали иначе. По мнѣнію этихъ послѣднихъ, общественныя, политическія, юридическія и религіозныя взгляды и учрежденія составляютъ „надстройку“, которая основывается на производственныхъ отношеніяхъ, какъ на своемъ фундаментѣ, и вмѣстѣ съ нимъ мѣняется. Въ одномъ мѣстѣ Марксъ говоритъ: „опредѣленные формы общественнаго сознанія соотвѣтствуютъ цѣлому производственнымъ отношеніямъ общества“. Онъ утверждаетъ, что *„идеальное есть ничто иное, какъ матеріальное, но переработанное въ головѣ человека“*. „бытіе человѣка опредѣляетъ его мышленіе“. Энгельсъ кичится тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ Марксомъ показалъ, „что исторія до сихъ поръ была исторіей классовой борьбы; что эта борьба классовъ всегда являлась результатомъ способовъ производства и обмѣна, словомъ, экономическихъ отношеній эпохи; что такимъ образомъ *экономическая структура общества представляетъ изъ себя ту реальную основу, изъ которой, какъ изъ послѣдней инстанціи, можетъ быть объяснена вся надстройка правовыхъ и политическихъ учреждений, а равно религіозныхъ, философскихъ и иныхъ взглядовъ и представлений той или другой исторической эпохи*. Вмѣстѣ съ этимъ идеализмъ изгнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, изъ области исторіи, дано матеріалистическое пониманіе исторіи и найденъ способъ объяснить сознаніе человѣка изъ его бытія, вмѣсто прежняго объясненія бытія изъ сознанія“ ¹⁾. Такимъ образомъ, если желаютъ экономическія отношенія объяснить изъ религіозныхъ идей, то это совершенно не въ духѣ Маркса. По Марксу, какъ и по Энгельсу, религія есть „только фантастическое отображеніе въ головахъ людей тѣхъ внѣшнихъ силъ, которыя управляютъ повседневною жизнью“ ²⁾.

1) Engels, E. Dürings Umwälzung der Wissenschaft, II.

2) Проф. Зомбартъ, вѣрный почитатель и ученикъ Маркса, объясняетъ историческое развитіе такъ, что „все, что относится къ вѣрѣ, идеализму, мировоззрѣ-

Еще болѣе рѣзкой и рѣшительной критикѣ теорію историческаго матеріализма подвергъ Бернштейнъ. Теоріи историческаго матеріализма, по его мнѣнію, противорѣчитъ тотъ фактъ, что на ряду съ „экономическими факторами на исторію оказываютъ извѣстное вліяніе мѣстныя и національныя особенности, политическіе, религіозныя и нравственныя факты и идеи. Вообще это ошибка пытаться сложныя историческія событія объяснять по шаблону изъ одного лишь экономическаго фактора. „Никакой историческій матеріализмъ не можетъ не считаться съ тѣми фактами, что „бываютъ люди, которые дѣлаютъ исторію; что люди имѣютъ головы, что мышленіе, совершающееся въ головахъ людскихъ, не есть механическая вещь, которой управляли бы только вопросы экономіи. Почему рабочіе, находящіеся въ совершенно одинаковыхъ классовыхъ условіяхъ, чисто бываютъ диаметрально противоположны? Наряду съ тою или иною идеологіей оказываютъ вліянія историческія воспоминанія и преданія. Такъ, напр., испытанныя пораженія въ теченіе десятилѣтій дѣйствуютъ на поздніе классы деморализующе и дезорганизуютъ ихъ“¹⁾.

Далѣе, по мнѣнію Бернштейна, теорія историческаго матеріализма неизбѣжно приводитъ къ допущенію, что всѣ вообще поступки и рѣшенія человѣка есть необходимый результатъ матеріальныхъ производственныхъ отношеній. Но вѣдь въ дѣйствительности фактъ тотъ, что у человѣка все болѣе и болѣе возрастаетъ способность вліять на экономическое развитіе и подчинять его своей волѣ. Власть надъ человѣкомъ элементарныхъ экономическихъ силъ все болѣе слабѣетъ. „Индивидуумы и цѣлыя народы все болѣе уходятъ изъ подъ вліянія на ихъ жизнь чего-то неизбѣжнаго, что дѣйствуетъ помимо, или наперекоръ ихъ собственной волѣ“²⁾.

Все это совершенно бесспорно. Бернштейнъ пытается привести доказательства, что Марксъ и Энгельсъ впоследствии

нію людей, есть продуктъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ они живутъ.“ (Socialismus und sociale Bewegung in 19 Jahrhundert, 52).

¹⁾ Bernstein, Zur Geschichte und Theorie des Socialismus (1901) 245.

²⁾ Его же. Die Voraussetzungen des Socialismus, 10.

измѣнили свои первоначальные взгляды и признали за неэкономическими факторами болѣе выдающуюся роль. Но объ этомъ можно спорить ¹⁾. Спрашивается теперь, при такихъ оговоркахъ относительно „идеологическихъ“ факторовъ возможно ли оставаться на почвѣ историческаго матеріализма. Мы не вѣримъ этому. Послѣдовательный матеріализмъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ приписать духу самостоятельную роль въ исторіи.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Masarik, Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus, 104.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Октября № 20 1907 года.

Содержаніе. I. Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.— Журналы Сѣзда духовенства Сумскаго учалищнаго округа, бывшаго 19 сентября 1907 года.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, по вопросу объ участіи духовенства въ учрежденіяхъ мелкаго кредита, отъ 10-го сентября 1907 года, за № 17

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленное при рапортѣ Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, отъ 13-го августа 1907 г. за № 7302, письмо Министра Финансовъ отъ 1 августа за № 77, съ просьбою о пересмотрѣ дѣла по вопросу объ участіи духовенства въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и разъясненія о томъ, что духовнымъ лицамъ не воспрещается принимать на себя званіе попечителей означенныхъ учрежденій, и что тѣ изъ нихъ, кои уже состоятъ въ должности членовъ правленій и совѣтовъ товариществъ, могутъ оставаться въ нихъ до истеченія срока избранія. *Приказали:* Обсудивъ настоящее письмо, Святѣйшій Синодъ находитъ въ настоящее время несоотвѣтственнымъ пересмотръ дѣла по вопросу объ участіи духовенства въ учрежденіяхъ мелкаго кредита; по въ то же время признаетъ, что принятіе лицами духовнаго званія на себя должности попечителей означенныхъ учрежденій, какъ лицъ, не входящихъ въ составъ правленій и имѣющихъ лишь право контроля надъ дѣйствіями этихъ учрежденій, можетъ быть допущено; что же касается тѣхъ духов-

ныхъ лицъ, кои были избраны въ члены правлений и совѣтовъ учреждений мелкаго кредита до изданія циркулярнаго указа отъ 30 Мая егo года за № 10. то къ нимъ означенный указъ, какъ состоявшійся послѣ ихъ избранія, не долженъ имѣть примѣненіе и имъ дозволяется исполнять означенныя обязанности до истеченія сроковъ, на кои они избраны. Въслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: о настоящемъ рѣшеніи своемъ предоставить Г. Оберъ-Прокурору сообщить Министру Финансовъ, а для объявленія во всеобщее свѣдѣніе послать циркулярные указы: Синодальнымъ Конторамъ, Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства и Завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ. Сентября 10 дня 1907 года.

Настоящій указъ Харьковская Духовная Консисторія во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 17-го сентября 1907 года объявляетъ для свѣдѣнія и исполненія духовенства Харьковской епархіи.

Ж У Р Н А Л Ы

Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго Округа, бывшаго 19 сентября 1907 года

№ 1. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ десяти чловѣкъ (10 чел.), прибывъ въ собраніе въ 9 часовъ утра, въ помѣщеніе Сумскаго духовнаго училища и, по молитвѣ, избравъ посредствомъ закрытой баллотировки, большинствомъ семи (7) голосовъ, предсѣдателемъ Съѣзда Протоіеря Алексѣя Станиславскаго, а дѣлопроизводителемъ, единогласно, священника Дмитрія Владыкова, предварительно слушали журналы предыдущаго съѣзда за 1906-й годъ, съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, приступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію Съѣзда:

1. Разсматривали вѣдомости за 1906-й годъ: а) въпичкоую, б) о движеніи церковныхъ суммъ и в) о заборѣ церковныхъ восковыхъ свѣчей изъ Епархіальнаго свѣннаго завода.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

2. Разсматривали представленную Правленіемъ училища Смету прихода и расхода суммъ на 1908-й годъ.

Справка: Въ виду значительнаго вздорожанія въ настоящее время всѣхъ необходимыхъ для училища матеріаловъ и продуктовъ, предложенная смета заключена съ дефицитомъ въ суммѣ 3767 руб. 84 коп., такъ какъ прихода ожидается по сметѣ 31301 руб. 27 коп., а расхода 35069 руб. 11 коп. при, чемъ одна тысяча рублей изъ ожидаемаго де-

дефицита можетъ быть покрыта, по докладу Правленія училища, матеріальными остатками отъ 1907 года, а 2767 рублѣй 84 коп. могутъ быть покрыты изъ слѣдующихъ источниковъ: возвышеніемъ платы за содержаніе въ училищѣ: полнаго пансіонера съ 125 рублѣй до 150 рублѣй, полупансіонера съ 85 рублѣй до 100 рублѣй, уменьшеннаго взноса съ 55 рублѣй до 70 рублѣй и сокращеніемъ полныхъ епархіальныхъ стипендій на 10, чтобы вмѣсто 40 ихъ было 30.

Справка 2-я. На журналѣ вечерняго засѣданія XVIII Епархіальнаго Съезда относительно ходатайства депутатовъ Сумскаго училищнаго округа о распредѣленіи между всеми духовными училищами Епархіи суммы, получаемой по 50 коп. отъ каждаго пуда проданныхъ свѣчей не соотвѣтственно количеству проданныхъ въ томъ или другомъ училищномъ округѣ, а по равной части между тремя училищными округами, независимо отъ количества забранныхъ округами свѣчей, резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: „12 сентября 1902 года. По ст. 11, соглашаясь съ мнѣніемъ меньшинства членовъ, предлагаю взносъ по 50 коп. съ пуда продаваемыхъ Епархіальнымъ Свѣчнымъ заводомъ свѣчей распредѣлять между училищами по прежнему, т. е. по числу пудовъ продаваемыхъ свѣчей въ томъ или иномъ округѣ“.

Справка 3-я. Въ Богодуховскомъ уѣздѣ не имѣется комиссіонера Епархіальнаго Свѣчнаго завода и свѣчи забираются, приблизительно, въ количествѣ 600 пудовъ для уѣзда въ свѣчной Харьковской лавкѣ, почему полтинники съ пуда проданныхъ свѣчей поступаютъ не въ пользу Сумскаго духовнаго училища, а въ пользу Харьковского.

Постановили: а) Смету признать составленной правильно и подлежащей руководству и исполненію; б) для покрытія дефицита, показаннаго въ сметѣ въ суммѣ 2767 руб. 84 коп. увеличить съ 1908 года плату съ полнаго пансіонера съ 125 рублѣй до 150 рублѣй, съ полупансіонера съ 85 рублѣй до 100 рублѣй, уменьшеннаго взноса съ 55 рублѣй до 70 рублѣй и сократить число полныхъ епархіальныхъ стипендій на десять, вмѣсто 40 имѣть 30; г) просить Правленіе Харьковского Свѣчнаго завода дѣлать точный подсчетъ свѣчей, забираемыхъ въ церкви Сумскаго училищнаго округа, какъ комиссіонерами, такъ и другими лицами, наприм., церковными старостами и проч. и за симъ слѣдующую сумму по количеству забранныхъ свѣчей (по 50 коп. съ пуда) представлять въ Правленіе Сумскаго духовнаго училища.

3. *Разсматривали* отчетъ годовой училищнаго Правленія о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денежныхъ суммъ, поступившихъ на содержаніе училища изъ мѣстныхъ источниковъ въ 1906 году и слушали журналъ временно-ревизионнаго комитета, относящійся къ тому же отчету.

Постановили: отчетъ признать правильнымъ, показанный въ немъ дефицитъ въ суммѣ 1537 руб. 71 коп. покрыть изъ церковныхъ суммъ училищнаго округа въ настоящемъ полугодіи.

4. *Слушали* прошеніе псаломщика с. Никитовки, Ахтырскаго уѣзда; Матвея Ѳедорова о сложеніи съ него долга за обученіе его сына въ училищѣ за 1906—1907 годъ въ суммѣ 60 рублей.

Постановили: Просьбу отклонить за неимѣніемъ средствъ.

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: 1907 года октября 3, № 5762. Не могу согласиться съ предположенною увеличелою платою за содержаніе учащихся въ училищѣ: такой увеличенной платы нѣтъ и въ Харьковѣ, гдѣ жизнь не дешевле Сумской. Дороговизна, передержки и дефициты не должны падать на однихъ родителей учащихся въ училищѣ, а на весь округ Сумскаго училища. Справедливо приравнять Сумское училище къ Харьковскому. Прочее утверждается. *Архiepископъ Арсеній*“.

№ 2-й. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ десяти (10) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 6 час. вечера, состоявшееся въ помѣщеніи Сумскаго духовнаго училища, по молитвѣ, слушали заявленіе о. предсѣдателя Съѣзда, протоіерея Алексѣя Стаиславскаго о томъ, что временно-ревизионный комитетъ въ своемъ журналѣ Съѣзду духовенства ограничился только указаніемъ на движеніе суммъ по приходу и расходу ихъ на содержаніе училища, повѣркой денежнаго отчета и оправдательныхъ къ нему документовъ и установленіемъ наличности кассы ко дню Съѣзда и въ своемъ журналѣ, совершенно умолчалъ, въ какомъ состояніи находилъ при своихъ періодическихъ ревизіяхъ хозяйственную часть училища, какъ то: состояніе учил. зданій, качество и наличность пищевыхъ продуктовъ и проч....

Постановили: просить членовъ временно-ревизионнаго комитета при своихъ ревизіяхъ училища строго вникать въ хозяйственную жизнь училища и о замѣченныхъ опущеніяхъ входить въ сношеніе съ Правленіемъ училища и въ случаѣ игнорирования ихъ справедливыхъ указаній составлять о семъ журналы, каковыя и доставлять на обсужденіе очереднаго Съѣзда духовенства.

2. *Слушали* отношеніе Правленія училища отъ 19 сентября 1907 г. за № 277 относительно ремонта комнаты въ училищѣ для родителей и помѣщенія для служителей, съ приспособленіемъ ихъ для своего назначенія и приложенною къ отношенію суммѣ на 1000 рублей.

Справка: При осмотрѣ названныхъ комнатъ нижняго этажа училищнаго корпуса о.о. депутаты нашли, что полы этихъ комнатъ совершенно

погнили, одна имѣющаяся печь не можетъ въ достаточной мѣрѣ обогрѣвать обѣ комнаты, отъ чего произошла сырость, отъ которой наружная стѣна зданія прогнила.

Постановили: Принимая во вниманіе, что обѣ названныя комнаты находятся въ невозможномъ для жилья видѣ, а между тѣмъ онѣ необходимы, предложить Правленію училища произвести ремонтъ весною 1908 года на счетъ суммъ церквей училищнаго округа въ размѣрѣ одной тысячи рублей, каковыя должны быть внесены Правленію училища въ два полугодія 1908 года

3. О.о. депутаты Съезда осматривали училищное зданіе со всѣми его помещеніями: больницю, магазины съ запасами продуктовъ, при чемъ нашили все въ порядкѣ и исправности, за исключеніемъ 2-хъ комнатъ, указанныхъ въ пунктѣ 1-мъ сего журнала и деревяннаго забора, нѣкоторые столбы коего пришли въ ветхость.

Справки: Правленіе училища вошло съ ходатайствомъ объ ассигнованіи 1031 руб 90 коп. на ремонтъ забора.

Постановили: Признавая ремонтъ забора необходимымъ, ввиду ветхости, Съездъ духовенства все-таки не находитъ возможнымъ удовлетворить означеннаго ходатайства за ассигнованіемъ значительныхъ суммъ по преимуществующимъ статьямъ, а полагаетъ нужнымъ отложить ремонтъ до болѣе благоприятнаго времени

4. Имѣли сужденіе о свиныхъ, въ коемъ нынѣ нѣтъ надобности за прекращеніемъ свиноводства въ училищѣ.

Постановили: Предложить Правленію училища продать свиныхъ, а на вырученную сумму произвести ремонтъ забора на сколько это окажется возможнымъ.

5. Следующій очередной Съездъ духовенства постановили назначить на 10-е сентября 1908 года

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1907 года октября 3, № 5763. Утверждается. *Архіепископъ Арсеній*“.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Согласно § 155 семинарскаго устава, плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ подѣлъ послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ и опокуновъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой *на имя Правленія къ 15 ноябрю*

взносовъ за вторую треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 45 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 24 руб. съ воспитанниковъ получающихъ пособіе, и 63 руб. съ иносоставныхъ воспитанниковъ. *Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общескитія.*

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Заштатный священникъ Іоаннъ *Раевскій* опредѣленъ 12 октября священникомъ въ Петро-Павловской церкви, слоб. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Священникъ Сергій *Левандовскій* опредѣленъ 15 октября священникомъ къ Крестовоздвиженской церкви, слоб. Нижебарапшиковки, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Учитель церковно-приходской школы Махалъ *Сукачевъ* опредѣленъ 10 октября на діаконское мѣсто при Покровской церкви, слоб. Алешни, Лебединскаго уѣзда.

г) Безмѣстный псаломщикъ Михаилъ *Краснокутскій* опредѣленъ 20 октября на псаломщическое мѣсто при церкви села Ряснаго, Богодуховскаго уѣзда.

д) Безмѣстный діаконъ Іаковъ *Добротавскій* опредѣленъ 10 октября на псаломщическое мѣсто при Сергіевской церкви Харьков. 2-й гимназіи.

е) Сынъ священника Стефанъ *Загоровскій* опредѣленъ 20 октября и. д. псаломщика къ Петро-Павловской церкви гор. Ахтырки.

ж) Сынъ псаломщика Дорофей *Сукачевъ* опредѣленъ октября и. д. псаломщика къ церкви села Богородичнаго, Купянскаго уѣзда.

з) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи Павелъ *Краснокутскій* опредѣленъ 20 октября псаломщикомъ къ Богодуховскому Успенскому Собору.

и) Заштатный священникъ Феодоръ *Рыбаловъ* опредѣленъ 20 октября на псаломщическое мѣсто при церкви села Протопоповки, Харьковскаго у.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ церкви села Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда, Василій *Зеленскій* перемѣщенъ 17 октября священникомъ къ Успенской церкви, слоб. Коробочки, Зміевскаго уѣзда.

б) И. д. псаломщика Николаевской церкви, села Ряснаго, Богодухов-

скаго уѣзда Стефанъ *Загоровскій* перемѣщенъ 20 октября на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви, гор. Старобѣльска.

в) Псаломщики церквей: Георгіевской, слободы Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, Дмитрій *Гайдукъ* и Иоанно-Предтеченской церкви, села Ивацковки (Капустяновки), того же уѣзда, Іаковъ *Васильковскій* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Успенской церкви, слоб. Коробочья, Зміевского уѣзда, Ипполитъ *Дейнеховскій* согласно прошенію уволенъ за штатъ 12 октября.

б) Діаконъ Покровской церкви, сл. Алешки, Лебединскаго уѣзда, Иннокентій *Терновскій* согласно его прошенію уволенъ за штатъ 10 Октября.

в) Діаконъ-псаломщикъ Покровской церкви, города Чугуева, Зміевского уѣзда, Валеріанъ *Щетинскій* уволенъ за штатъ, согласно его прошенію, 19 октября.

4. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Спѣваковки Изюмскаго уѣзда, Бартоломей *Іосифовъ* умеръ 2 октября.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Лутницъ, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 9 октября старостою крест. Ѳводотъ *Яковенко*

б) Къ Тихоновской церкви, сл. Нижней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ, 9 октября старостою отстав. унтеръ-офицеръ Петръ *Поповъ*.

в) Къ Успенской церкви села Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 13 октября старостою крестьянинъ Семенъ *Малышевъ*.

г) Къ церкви села Гракова, Зміевского уѣзда, утвержденъ 13 октября старостою крестьянинъ Евфимъ *Стукальскій*.

д) Къ церкви села Поляного, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 10 октября старостою крестьянинъ Иванъ *Череповъ*.

е) Къ церкви слоб. Брусовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 10 октября старостою крестьянинъ Иванъ *Радченко*

ж) Къ Вознесенской церкви слоб. Курячовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 11 октября старостою кр. Яковъ *Нескоромный*.

з) Къ церкви слоб. Оградной Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 15 октября старостою дворянинъ Николай *Скубенко*.

и) Къ Соборной Преображенской церкви, города Сумъ утвержденъ 15 октября старостою потомств. почетн. гражд. Николай *Скубенко*.

і) Къ Всѣхвятекой церкви с. Малой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 15 октября старостою крест. Козратъ *Лохоненко*.

к) Къ Преображенской церкви, сл. Петровской, Изюмского уѣзда, утвержденъ 15 октября старостою крестьянинъ Павелъ *Шипиловъ*.

л) Къ Преображенской церкви, сл. Ново-Ивановки, Валковского уѣзда, утвержденъ 19 октября старостою кр. Митрофанъ *Хорольскій*.

м) Къ Серафимовской церкви города Харькова утвержденъ 18 октября старостою купецъ Константинъ *Уткинъ*.

н) Къ Георгиевской церкви, сл. Дерновой, Ахтырского уѣзда, утвержденъ 18 октября старостою крестьянинъ Авапасій *Бисовъ*.

о) Къ Иоанно-Предтечевской церкви села Знаменскаго, Изюмского уѣзда, утвержденъ 18 октября старостою крестьянинъ Иванъ *Гризодубъ*.

п) Къ Успенской церкви, города Зміева, утвержденъ 18 октября старостою крестьянинъ Феоктистъ *Черноморецъ*.

6. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Колоонтава, Богодуховскаго уѣзда, Феодоръ *Татаримовъ* утвержденъ 12 октября законоучителемъ Зубковского народнаго училища, Богодуховскаго уѣзда.

б) Священникъ Покровской церкви, города Богодухова Феодоръ *Сумма*, утвержденъ 11 октября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

в) Священникъ Георгиевской церкви, слободы Цавловца, Богодуховскаго уѣзда, Алексѣй *Геневскій* утвержденъ 11 октября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

г) Священникъ Благовѣщенской церкви, слоб. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Аполлопій *Гончаревскій* утвержденъ 15 октября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

д) Священникъ Христорождественской церкви, села Пятицкаго, Волчанскаго уѣзда, Павелъ *Горанинъ* утвержденъ 17 октября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

е) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Высокополя, Валковского уѣзда, Михаилъ *Хижняковъ* утвержденъ 19 октября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

7. О преподаніи Архипастырскаго благословенія

Діакону Николаевской церкви, слоб. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Михаилу *Артюховскому*, церковному старостѣ Преображенской церкви, слоб. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, крестьянину Стефану *Босенко*, строительному Комитету с. Гринцева, того же уѣзда, священнику села Ащины, того же уѣзда, Алексѣю *Вербицкому* священнику Иоанно-Предтечевской церкви, слоб. Штеповки, того же уѣзда, Григорію *Сапухину* и

учителю образцовой школы гъ слоб. Ворожбѣ, того же уѣзда Николаю *Молчану* преподано 15 октября 1907 года Архипастырское благословеніе за ихъ усердную дѣятельность.

8. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

При Троицкой церкви, сл. Протопопки, Харьковскаго уѣзда.

— Александро-Невской церкви, гор. Харькова.

— Иоанно-Предтечевской церкви, села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.

— Иоанно-Предтечевской церкви, села Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, сл. Спѣваковки, Изюмскаго уѣзда.

б) Псаломщики:

При Осіе Андреевской церкви, Харьковскаго Реальнаго училища.

— Цокровской церкви, зашт. гор. Чугуева Зміевского уѣзда.

II.

Содержаніе. II. Церковная благотворительность въ средѣ духовенства Харьковской епархіи за послѣднее десятилѣтіе. *Священника Даниіла Пилова.*—Въ свѣтъ міра. (Продолженіе) *Священника Николая Загоровскаго.*—Миссіонерскій звстокъ. Церковно-миссіонерскія братства и ихъ значеніе въ борьбѣ съ сектантствомъ. *Помощника Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера, Григорія Щелкова.*—Библиографическая замѣтка о книгахъ Дам. Ив. Боголюбова. Л.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія --Двадцатипятилѣтній юбилей священнослуженія о. благочиннаго 2 го округа Харьковскаго уѣзда священника о. Александра Вертеловскаго.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Избраніе о.о. благочинныхъ.—Отзывчивость пермскаго городскаго духовенства на нужды мѣстнаго епархіальнаго женскаго училища.—О пастырскихъ собраніяхъ въ Костромской епархіи.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Плоды безбожія.—Опытъ социальнаго сожительства.—Объявленія.

ЦЕРКОВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ СРЕДѢ ДУХОВЕНСТВА ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

Благотворительность въ отношеніи бѣдныхъ и страждущихъ является одною изъ главныхъ, основныхъ добродѣтелей христіанства. Она заповѣдана намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, она вытекаетъ изъ существа христіанства, какъ дѣятельное проявленіе основнаго христіанскаго принципа—любви

(Іоан. XIII, 34—35; Іоан. III, 16—18). Христось сказалъ, что на страшномъ Его судѣ будутъ благословленны и унаслѣдуютъ царство Отца небеснаго, уготованное отъ созданія міра, прежде всего тѣ, которые алчущихъ питаютъ, жаждущихъ поятъ, странныхъ принимаютъ, нагихъ одѣваютъ, больныхъ и заключенныхъ посѣщаютъ (Матѣ. XXV, 34—40).

Эта живая, дѣятельная любовь христіанская побуждала христіанъ Апостольскаго вѣка продавать свои имѣнія и цѣну ихъ полагать къ ногамъ Апостоловъ (Дѣян. IV, 34—35), дабы никто изъ христіанъ не имѣлъ въ чемъ либо нужды и не разнился съ другими, имущими членами церкви, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи матеріальнаго достатка (Дѣян. IV, 32). Апостолы постоянно убѣждаютъ христіанъ не забывать братолюбія и страннолюбія, помнить узниковъ и страждущихъ (Рим. XIII, 1—3) и не затворятъ сердець своихъ отъ братьевъ, впадающихъ въ нужду (I Іоан. III, 17). Сами они собираютъ пожертвованія для нуждающихся церковей (Дѣян. XI, 29—30), похваляютъ усердіе христіанъ къ благотворительности и даютъ объ этомъ свои распоряженія (Дѣян. XX, 35; Рим. XII, 8; I Кор. XVI, 1—2), предпринимаютъ мѣры къ упорядоченію благотворенія (Дѣян. VI, 1—6)...

Уже въ вѣкѣ Апостольской, особенно же въ ближайшіе къ нему вѣка, благотворительность принимаетъ въ Церкви весьма широкіе размѣры. Для ея осуществленія Церковь начинаетъ владѣть громадными имуществами путемъ добровольной отдачи ей таковыхъ разными лицами, преимущественно епископами, бывшими до епископства владѣльцами обширныхъ имѣній; возникаютъ даже поползновенія въ некоторыхъ членовъ Церкви къ ограниченію епископскихъ правъ въ распоряженіи имуществами, а отсюда—и строгая регламентація этихъ правъ и обязанностей епископа (Правила св. Апостоловъ 32, 38 и 41; особенно же гл. 35 Постановл. апост. кн. II); возникаетъ потребность оградить церковныя имущества юридически (при Константиѣ Великомъ и др.) и епископы находятъ нужнымъ учреждать должности даже особыхъ при себѣ *экономовъ* (при патр. Геннадіи, V в.) изъ ближайшихъ клириковъ, которые

бы способствовали лучшему распоряженію церковными имуществами. Извѣстно, что изъ святителей послѣ апостольской древности особенно прославились отдачею имуществъ въ пользу Церкви на дѣла благотворенія святитель Николай, Мурликійскій чудотворецъ, Василій, архіепископъ Кесарійскій, Іоаннъ, сперва пресвитеръ Антиохійскій, впоследствии архіепископъ Константинопольскій и мн. др. Послѣдніе два святителя, особенно Василій Великій, извѣстны широкою организациею благотворительныхъ учреждений: больницъ, богадѣлень, страннопріемницъ и пр. въ столь громаднхъ размѣрахъ, что они образовывали какъ бы цѣлыя города.

Наша русская Церковь, принявъ христіанство отъ Церкви греческой, унаслѣдовала отъ послѣдней, въ ея лучшую пору, и завѣты о благотвореніи. Уже Владиміръ святой, по принятіи христіанства, былъ отцомъ нищихъ, калѣкъ и убогихъ, собирая на свой княжескій дворъ ежедневно цѣлыя ихъ толпы и устраивая для нихъ трапезы и даже отправляя пищу въ дома тѣхъ изъ нихъ, кои по болѣзненному состоянію не могли сами прибыть на княжескій дворъ. Эти же завѣты о благотвореніи широко осуществлялись, можно сказать, всѣми князьями и царями земли русской (Іоаннъ Калита, Іоаннъ Грозный) и святителями русской Церкви. Многіе святители какъ при своихъ архіерейскихъ домахъ, такъ и при иноческихъ обителяхъ и даже на приходскихъ „погостахъ“, учреждали страннопріимницы, „шпитали“, богадѣльни и проч. Изъ обителей благотворительностью особенно прославились издревле обители Киево-Печерская, Троицко-Сергіевская, Соловецкая и др., изъ которыхъ напр. Троицко-Сергіевская въ періодъ лихолѣтія на Руси сослужила ничѣмъ неоцѣнимую службу не только спасительницы ея, какъ государства, но и—какъ обездоленнаго края въ періодъ страшной ея голодовки и раззоренія. Наши древнія Юго-западныя церковно-религіозныя „братства“, помимо своей высокой просвѣтительно-миссіонерской дѣятельности, извѣстны также и широкою благотворительностью для своего края, бывшаго въ періодъ XV—XVII в.в. подъ сильнымъ, не только политическимъ и религіознымъ (унія), но и материальнымъ гнетомъ.

Къ сожалѣнію, со второй половины XVIII вѣка, вслѣдствіе известнаго въ исторіи нашей Церкви акта отобранія монастырскихъ имѣній (секуляризація) при Екатеринѣ Великой и закрытія массы монастырей, а также съ начала прошлаго XIX вѣка, когда въ 1808 году были отобраны въ пользу казны „Экономическія“ суммы у приходскихъ церквей (около 6 милліоновъ), съ цѣлью образованія духовно-учебнаго фонда, наступаетъ рѣзкій упадокъ церковной благотворительности, лишенной главныхъ своихъ ресурсовъ и центровъ для своего развитія. Этотъ упадокъ благотворительности, въ связи съ общимъ упадкомъ церковно-религіозной жизни, проходитъ почти черезъ весь XIX вѣкъ и продолжается по-нынѣ. Конечно, въ большихъ иноческихъ обителяхъ, особенно въ нашихъ Лаврахъ, были и есть больницы, и страннопріимницы, и школы; но все это—далеко не въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ того требуютъ обстоятельства современной жизни; при архіерейскихъ же домахъ и приходскихъ храмахъ этихъ благотворительныхъ учрежденій почти нѣтъ нынѣ нигдѣ, ибо и тѣ и другія безъ матеріальной поддержки правительства и съ оскудѣніемъ благотворительнаго усердія вѣрующихъ, едва въ силахъ обслуживать свои насущныя нужды. Правда, за это время возникли въ изобиліи разныя „гражданскія“ благотворительныя общества, попечительства, больницы, богадѣльни и другія заведенія и учрежденія, открываемыя общественными организаціями (земствами, городами и пр.) и частными лицами съ разрѣшенія Правительства, каковыя благотворительныя учрежденія несомнѣнно много облегчаютъ нужды бѣдныхъ и страждущихъ, но всѣ они, за рѣдкимъ исключеніемъ, народились и развиваются помимо участія и вліянія Церкви, почему часто бываютъ запечатлѣны характеромъ суетнымъ и даже нездоровымъ, иногда прямо антицерковнымъ, антихристіанскимъ. Міряне и клиръ пошли въ дѣлѣ благотворительности своими особыми дорогами, и клиръ, стѣсненный матеріально и предоставленный самому себѣ, естественно долженъ былъ организовать призрѣніе, прежде всего, бѣдныхъ *своего* духовнаго вѣдомства или сословія. Возникаютъ и получаютъ юридическое утвержденіе, такъ—называемыя, *Епархіальныя Попечительства* о бѣдныхъ духовнаго.

званія, кои, на собираемыя по крупицамъ средства отъ церквей, духовенства и добровольныхъ благотворителей, обязываются всячески призрѣвать и опекать вдовъ, сиротъ, больныхъ и бѣдныхъ духовнаго званія—каждое Попечительство по своей епархіи. Учреждены были въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія и *приходскія* попечительства съ цѣлями просвѣтительно-благотворительными, но, предоставленныя самимъ себѣ, съ правомъ собранія средствъ лишь въ предѣлахъ своихъ приходо-вѣ, безъ существенныхъ земельныхъ угодій и имѣній, при современномъ упадкѣ церковно-религіознаго духа, эти попечительства влачатъ блѣдное существованіе и мало приносятъ пользы общему благотворенію.

Насколько же существенно призрѣніе бѣдныхъ *духовнаго* званія со стороны Епархіальныхъ Попечительствъ, можно судить по тому, что какая-либо вдова псаломщика или діакона, оставшаяся послѣ смерти кормильца семьи съ 5—6 чел. дѣтей, безъ всякихъ, конечно, средствъ къ жизни, часто въ наемной или церковной избѣ, которую она должна оставить вслѣдъ за похоронами мужа,—получаетъ 40—много 60 рублей въ годъ на всю семью! Одинокія же вдовы или престарѣлыя, больныя бывшіе члены клира получаютъ по 10—25 рублей въ годъ!...

Такое безпомощное, бѣдственное положеніе вдовъ и сиротъ епархіальнаго духовенства отзывается страшною болью въ сердцѣ cadaго епархіальнаго Архіерея и побуждаетъ почти cadaго изъ нихъ, при замѣщеніи приходскихъ вакансій, поступаться интересами строгаго безпристрастія и широкихъ выгодъ для Церкви въ пользу оставшихся совершенно непристроенными вдовъ и сиротъ духовнаго званія и отдавать мѣста тѣмъ лицамъ, кои обязываются взять на себя призрѣніе этихъ семействъ. Возникаетъ у насъ „зачисленіе“ мѣстъ въ приходо-вѣ за кѣмъ либо изъ остающихся дѣвицъ осиротѣлой семьи,—унаслѣдованіе приходо-вѣ отъ отцовъ ихъ сыновьями, зятьями и пр. со всѣми, часто неприглядными, сторонами и послѣдствіями этихъ „передачъ“ и „зачисленій“.

Эти дефекты церковно-приходской жизни имѣютъ мѣсто въ каждой епархіи вплоть до организаціи призрѣнія бѣдныхъ

духовнаго званія на болѣе широкихъ и прочихъ началахъ. Но лишь исключительная энергія и выдающаяся сердобольность отдѣльныхъ іерарховъ могутъ въ этомъ случаѣ „пособить горю“ и поставить дѣло призрѣнія въ каждой епархіи на такихъ началахъ, которыя бы связали, безъ ущерба для той и другой стороны, интересы Церкви съ необходимостью обезпеченія осиротѣлыхъ и бѣдствующихъ семействъ приходского духовенства.

Счастлива наша Харьковская епархія, имѣвшая такого именно іерарха въ лицѣ въ Бозѣ почивающаго Архіепископа Амвросія, и имѣющая достойнаго его преемника и продолжателя, при томъ—еще болѣе въ широкомъ видѣ—въ лицѣ нынѣ здравствующаго Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія! Создали оба они себѣ и рукотворенные, и нерукотворенные памятники исключительною и выдающеюся организациею призрѣнія вдовъ и сиротъ и вообще бѣдныхъ—первый одного духовнаго званія, а второй—и бѣдныхъ другихъ сословій!

Что же устроили эти іерархи Харьковской епископіи для обезпеченія бѣдныхъ въ своей епархіи?—О томъ, что сдѣлалъ въ этомъ направленіи Архіепископъ Амвросій, достаточно извѣстно всѣмъ не только намъ—Харьковцамъ, но далеко и за предѣлами Харьковской епархіи,—извѣстно, можно сказать, духовенству *всей Россіи*. Давно у него зародилась мысль объ этомъ активномъ и наиболѣе раціональномъ призрѣніи вдовъ и сиротъ духовнаго званія—путемъ устройства особаго Епархіальнаго Сиротскаго Приюта. Испытавъ разныя стадіи эволюціи, идея эта вылилась наконецъ въ пріобрѣтеніе въ 18 верстахъ отъ гор. Харькова, при слободѣ Дергачахъ, за 20 тысячъ рублей, цѣлаго небольшого, въ 60 десятинъ, имѣнія, съ стариннымъ помѣщичьимъ домомъ, надворными постройками и разными службами, съ садомъ, молодымъ лѣсомъ (30 десят.), прудомъ, водяною мельницею и пр., въ красивѣйшей и здоровой мѣстности, вблизи станціи желѣзной дороги. Мысль и желаніе незабвеннаго благодѣтеля и попечителя вдовъ и сиротъ духовнаго званія—архіеп. Амвросія были: устроить здѣсь тихій, уютный и покойный уголокъ для престарѣлыхъ

вдовъ и сиротъ, а также для вдовъ съ малолѣтними сиротами, остающимися послѣ смерти отцовъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, гдѣ бы всѣ они имѣли полное обезпеченіе—первыя до конца своей жизни, а вторыя—до распредѣленія дѣтей по учебнымъ заведеніямъ, послѣ чего способныя къ труду должны оставлять пріютъ и уступать мѣсто другимъ нуждающимся, и гдѣ бы дѣти, какъ малолѣтнія, такъ и пріѣзжающія на вакаціи изъ учебныхъ заведеній имѣли бы правильный присмотръ и призрѣніе. Закипѣла работа по приспособленію бывшихъ на лицо помѣщеній для администраціи и призрѣваемыхъ въ Пріютѣ, а также—по устройству для послѣднихъ еще особаго, громаднaго трехэтажнаго корпуса, обошедшагося до 70 тысячъ рублей, при чемъ архіеп. Амвросій для старицъ устроилъ на свои личныя средства также особый, такъ—называемый „больничный“ корпусъ, съ нѣсколькими палатами (до 7) для больныхъ старухъ, съ обширнымъ пріемнымъ покоемъ и квартирою для фельдшерницы,—свѣтлое, красивое зданіе, обошедшееся до 10 тысячъ рублей! Не забыты были и религіозныя потребности призрѣваемыхъ, для чего была куплена въ сосѣднемъ селѣ старинная деревянная церковь и такъ умѣло перестроена въ теплую, красивую церковь, что она является истиннымъ украшеніемъ Пріюта и духовною отрадою не только для призрѣваемыхъ, но и для крестьянъ сосѣдней деревни, посѣщающихъ охотно и въ большомъ количествѣ эту церковь и окрестившихъ какъ церковь, такъ и весь Пріютъ наименованіемъ „монастырька“.

Идея призрѣнія вдовъ и сиротъ духовнаго званія, развиваясь далѣе, потребовала пріобрѣтенія особаго помѣщенія для дѣтей—подростковъ, для чего было пріобрѣтено два дома въ центрѣ слоб. Дергачей, съ садомъ и огородомъ, обошедшіеся до 10 тысячъ рублей. Всѣ же постройки и покупки земли и домовъ для Пріюта исчисляются стоимостью свыше *ста тысячъ* рублей! Для содержанія призрѣваемыхъ въ Пріютѣ было образовано три рода капитала: стипендіантскій (неприкосновенный), запасной и расходный, изъ коихъ на содержаніе Пріюта ежегодно поступаетъ до 17—18 тысячъ рублей.

Оглядываясь назадъ и вспоминая время образованія и устрой-

ства этого Пріюта, приходишь въ изумленіе отъ мысли: какъ это архіеп. Амвросію все это удалось устроить, найти столько средствъ, при томъ—въ какихъ нибудь 2—3 года и уже на закатѣ своихъ престарѣлыхъ дней! Сколько онъ вложилъ сюда любви, теплоты и доброты своей высокой души; сколько онъ положилъ сюда своихъ личныхъ средствъ; сколько онъ съумѣлъ изыскать средствъ и отъ духовенства, и отъ благотворителей всѣхъ другихъ ранговъ и сословіи! Невольно припоминаются слова этого незабвеннаго благодѣтеля Харьковской епархіи, сказанныя имъ въ день 50-тилѣтія его священства, въ отвѣтъ на многочисленныя, теплыя и задушевыя поздравленія и на выраженія благодарности, любви и преданности духовенства за неисчислимое добро, принесенное имъ для епархіи: „Говорятъ обо мнѣ, сказалъ онъ, что я умѣлъ открывать сундуки людей имущихъ для различныхъ благотвореній, въ этомъ только моя и заслуга предъ всѣми вами!...“

Священникъ Даниилъ Поповъ.

(Окончаніе будетъ.)

„ВЫ—СВѢТЪ МІРА“.

(Продолженіе *).

II.

Всматриваясь въ жизнь современнаго намъ христіанскаго общества, взоръ пастыря церкви „до скорби“ поражается прежде всего тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ, что очень многіе изъ христіанъ нашего времени уклонились отъ истинно-христіанскаго пути жизни, указапнаго для всѣхъ людей Христомъ Спасителемъ въ словѣ Божіемъ... Сердце сжимается отъ боли при мысли о тѣхъ ужасахъ, какіе творятся въ христіанскомъ мірѣ, особенно же въ нашемъ дорогомъ, искони православно-русскомъ народѣ... Люди какъ-бы забыли Бога и заповѣди Божіи, забыли завѣты Христа и примѣръ Его собственной жизни, оставленный намъ для того, чтобы мы шли по стопамъ Его... Подобно волнующемуся морю, бушуютъ нынѣ че-

*) См. «Извѣстія и замѣтки по Харьк. епархіи» № 19 за 1907 г.

ловѣческія страсти... Съ оружіемъ въ рукахъ возсталъ братъ на брата, по —мѣстамъ является землетрясенія, голодъ и повальныя, смертоносныя болѣзни, уносящія тысячи человѣческихъ жизней, и, кажется, что надъ мятущейся, покрытой заревомъ пожаровъ и залитой кровью русской землею, носится ангелъ мщенія, ниспосланный карающей десницей Божіей за нехристіанскую жизнь народа... Невольно вспоминаются намъ при этомъ отвѣтныя слова Господа нашего Іисуса Христа, сказанныя на горѣ Елеонской, по поводу вопроса учениковъ Его: „скажи намъ, какой признакъ „Твоего пришествія и кончины вѣка“? „Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ; ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: Я Христосъ, и многихъ прельстятъ. Такъ же услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежитъ всему тому быть. Но это еще не конецъ: ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ: все же это начало бѣднѣй. Тогда будутъ предивить васъ на мученія и убивать васъ; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многіе; и другъ друга будутъ предавать, и возненавидятъ другъ друга; и многіе лжепророки возстанутъ и прельстятъ многихъ; и по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь; претерпѣвшій же до конца спасется“... (Матѳ. 24,—1—13). Наше время не есть ли предверіе ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ? Не оскудѣло ли милосердіе Божіе въ виду нашихъ беззаконій?

„Въ наши дни,—приходилось намъ выслушивать изъ устъ богобоязненныхъ людей,—именно, какъ бы во-очію, исполняются признаки предъ пришествіемъ Іисуса Христа на землю, указанные въ словѣ Божіемъ“... И нельзя отчасти не согласиться съ высказываемымъ сердечнымъ предчувствіемъ вѣрующаго христіанъ, когда посмотришь, какъ мутится и волнуется море народной жизни и кажется:

„Угасла совѣсть, умеръ стыдъ

„И ложь во тьмѣ царитъ свободно;

„Никто порока не казнить,
„Никто не плачетъ всенародно“...

Но что же намъ дѣлать? Можетъ ли пастырь оставаться безучастнымъ зрителемъ всего, на нашихъ глазахъ происходящаго, и спокойно ожидать что будетъ далѣе?.. Конечно, нѣтъ! Въ наши дни пастырь,—какъ нѣкогда во дни Ниневіи, утопавшей въ грѣхахъ и беззаконіяхъ, подобно пророку Божію Іонѣ, долженъ возвысить всенародно голосъ свой, напомнить людямъ о Богѣ, всеправедномъ Судии, и о вѣрѣ въ Него и призывать людей къ покаянію и отвращенію отъ ложнаго и грѣховнаго пути; *„можетъ быть еще Богъ умилосердится и отворотитъ отъ насъ гнѣвающій гнѣвъ Свой, и мы не погибнемъ“* (Пр. Іон. 3—9). Это прежде всего должны дѣлать пастыри церкви!.. А между тѣмъ за послѣднее время и въ жизни, и въ періодической печати все чаще и чаще стали раздаваться голоса о томъ, „почему молчатъ пастыри, не проповѣдуютъ, почему не слышно голоса ихъ мощнаго и дерзновеннаго, по поводу совершающихся всенародныхъ событій“... Какъ тяжело слышать или читать подобныя упреки!.. Въ самомъ дѣлѣ, „гдѣ же, наконецъ, пастыри“!,—воскликаетъ одинъ изъ современныхъ намъ соработниковъ на лицѣ Христовой,—„Куда они поукрылись на время лихолѣтья?.. Гдѣ вы?.. Откликнитесь“ ¹⁾!.. И хочется вторить этому отклику уважаемаго собрата, голосу, несущемуся, какъ видно, изъ глубины наболѣлаго сердца, хочется еще и еще разъ кличь кликнуть: други—собратья, пастыри Божіи! насъ Христосъ поставилъ дѣлателями на жатвѣ Божіей; мы видимъ какъ свирѣпыя вѣтры невѣрія и сектанства и бури вольномыслія и атеизма разсѣиваютъ добрыя посѣвы пшеницы Божіей, ломаютъ спѣлыя колосья и увѣчатъ ниву Божію... Поревнуемъ же за дѣло Божіе! Съ вѣрою въ Божіе промышленіе, съ молитвою въ сердцѣ, съ любовію къ ближнимъ, съ пламеннымъ убѣжденіемъ въ благодать Божію, во всемъ намъ споспѣшествующую, *„станемъ, препоясавши чресла наши истинною, и облекшись съ броню праведности, и обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ; а паче всего возьмемъ щитъ вѣры, которымъ возможемъ утѣснить вся раска-*

¹⁾ «Церк. Вѣдом.» № 6, стран 241, за 1907 г.

ленныя стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмемъ, и мечъ духовный, который есть слово Божіе“!.. (Ефес. 6,—14—18). Хочется, чтобы въ эти дни лихолѣтъя вся великая семья пастырская объединилась въ одинъ нераздѣльный союзъ, раздался бы во всѣхъ уголкахъ земли русской мощный голосъ пастырей церкви, призывающій всѣхъ опомниться, удержать разбушевавшіяся страсти, войти въ себя, покаяться „во множествѣ содѣянныхъ нами лютыхъ прегрѣшеній“ и заняться нравственнымъ исправленіемъ и усовершенствованіемъ, да вси „тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“!.. Не станемъ скрывать: говорятъ, что „народъ теперь, будто бы, не довѣряетъ духовенству и что, вслѣдствіе этого, и слово пастырское стало мертвеннымъ и бездѣйственнымъ, что пастыри потеряли всякій авторитетъ и народъ мас сами уходитъ изъ подъ вліянія пастырскаго“... Но мы—пастыри сами прекрасно знаемъ, что какъ въ дѣйствительности ни печально теперь религіозно-нравственное состояніе общества, все же въ народѣ далеко еще не изсякъ совсѣмъ источникъ вѣры въ Бога и не угасла искра огня Божія, которую легко раздуть въ великое и сильное пламя... Народъ еще достаточно уважаетъ пастырей церкви, чтобы не откликнуться на горячій пастырскій призывъ... Пусть извѣрившаяся интеллигенція, подобно блудному сыну, далеко ушла по распутіямъ міра, простой же многомилліонный народъ душой своей все же ищетъ Бога, ищетъ правды Божіей и въ этомъ исканіи его и должны прежде всего помочь мы—пастыри церкви живымъ сердечнымъ словомъ своимъ, живой проповѣдью.. Пастыри церкви всюду имѣютъ доступъ и право на проповѣдь; необходимо только широко воспользоваться этимъ правомъ: съ крестомъ въ рукахъ, съ словомъ любви на устахъ онъ долженъ всюду нести слово проповѣди о мирѣ и всепрощеніи... Въ храмахъ и домахъ, на площадяхъ и многолюдныхъ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ—пусть раздастся сильное и вдохновенное пастырское слово, призывающее людей къ миру, къ молитвѣ, къ всеобщему покаянію...

Народъ воспрянетъ, опомнится и пойдетъ вслѣдъ своихъ добрыхъ пастырей, какъ послушное и вѣрное стадо, знающее

голосъ своего пастуха!.. Но при этомъ, необходимо помнить одно очень важное условіе: *въ наши дни, крайней разшатанности религіозно-нравственной жизни народа, для плодотворности и успѣха пастырской проповѣди настойчиво требуется, чтобы устное слово пастыря—проповѣдника подтверждалось живымъ и нагляднымъ, добрымъ примѣромъ его собственной жизни.*

Примѣръ дѣйствуетъ сильнѣе слова. И слово проповѣди тогда только оказываетъ свое сильное, неотразимое дѣйствіе на слушателей, когда оно подтверждается примѣромъ собственной жизни пастыря—проповѣдника. Пагубно будетъ, если проповѣдникъ истины говоритъ одно, а дѣлаетъ другое; учитъ, напримѣръ, вести трезвую жизнь, а самъ злоупотребляетъ спиртными напитками; говоритъ о цѣломудріи, а самъ колеблется въ своихъ убѣжденіяхъ; призываетъ людей къ устроенію жизни по заповѣдямъ Божиимъ и Божіей правдѣ, а самъ лично далеко не заботится объ этомъ въ своей жизни. Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ слово пастыря—проповѣдника, при всей своей истинности, далеко не будетъ имѣть должной силы и дѣйствія.. Вотъ почему въ лицѣ св. апостоловъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и говоритъ намъ—пастырямъ церкви: *„вы—свѣтъ міра... Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго“* (Матѣ. 5,—14 и 16). Очевидно, что пастырская проповѣдь ученія Христова неминуемо должна подтверждаться примѣромъ добрыхъ дѣлъ пастырской жизни—безукоризненной, чистой, благочестивой; тогда только пастыри и могутъ успѣшно и плодотворно распространять свой свѣтъ между другими. *„Будь образомъ для вѣрныхъ въ слово, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“* (Тимое. 4,—12),—говоритъ св. апостолъ Павелъ епископу Тимоѳею. Пасомые смотрятъ на своихъ пастырей очень внимательно, а потому всѣ дѣла и поступки пастырей должны быть чисты, свѣтлы, поучительны и назидательны; пастырь всегда и вездѣ и во всемъ долженъ проявлять одни добрыя качества, всегда и повсюду долженъ свѣтить свѣтомъ своихъ добродѣтелей—и во св. храмахъ въ часы церковныхъ священнодѣйствій, и въ

кругу родныхъ своихъ и близкихъ знакомыхъ, и въ домахъ прихожанъ, и на поприщѣ различныхъ видовъ служенія обществу...

Въ каждомъ приходѣ пастырь—это человѣкъ, который, кромѣ своей собственной семьи, считаетъ семьей и все село, всю общину, прилегающую къ ввѣренной ему церкви. Весь приходъ, все населеніе, какъ одна духовная семья, зоветъ его своимъ „батюшкой“, „отцемъ духовнымъ“ и считаетъ его свидѣтелемъ, совѣтникомъ, руководителемъ не только въ своей духовной, но нерѣдко и гражданской жизни. Священникъ принимаетъ человѣка у колыбели матери его и не оставляетъ до гроба. Предъ нимъ прихожане открываютъ глубины своего сердца и самыя тайныя помышленія, и изливаютъ свои самыя сокровенныя слезы... Онъ именно тотъ, кто прежде другихъ призывается положить душу свою за ближняго“!.. „О, какъ поэтому достоитимъ санъ священства!—воскликаетъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ пастырей нашего времени, о. Іоаннь Сергіевъ—Кронштадскій. „Какъ съ солнцемъ неразлучны свѣтъ и теплота, говоритъ онъ,—такъ съ лицомъ іерея должны быть неразлучны: святость, учительность, любовь, милосердіе ко всѣмъ, ибо чей санъ носить онъ? Христовъ. Кого онъ столь часто приобщается? Самого Христа Бога, Его тѣла и крови. Потому священникъ долженъ быть то же въ мірѣ духовномъ, въ кругу своей паствы, что солнце въ природѣ: онъ долженъ быть свѣтомъ для всѣхъ, живительною теплотою, душою всѣхъ.. Священникъ, какъ врачъ душъ, самъ долженъ быть свободенъ отъ душевныхъ недуговъ, т. е. отъ страстей и возмущеній духа, всѣхъ пристрастей мірскихъ и суетныхъ, чтобы врачевать другихъ; какъ пастырь—долженъ самъ быть упасенъ на пажитяхъ злчныхъ, евангельскихъ и святоотеческихъ, чтобы знать,—гдѣ пасти словесныхъ овецъ; самъ долженъ быть искусенъ въ борьбѣ съ мысленными волками, чтобы умѣть прогонять ихъ отъ стада Христова; долженъ быть искусенъ и силенъ въ молитвѣ, воздержаніи; не долженъ быть связанъ житейскими похотями и сластями, особенно любостыжаніемъ, славолюбіемъ, гордостію; словомъ, долженъ быть свѣтомъ, чтобы просвѣщать другихъ, солью духовною, чтобы предохранить

другихъ отъ душевнаго растлѣнія и самъ бѣть свободнымъ отъ растлѣнія страстей. Въ противномъ случаѣ ему всякій больной можетъ сказать: „врачу исцѣлился самъ“! (Лук. 4,—23¹⁾.

Такихъ качествъ жизни требуетъ теперь настойчиво наше время и условія общенародной жизни отъ пастырей церкви, какъ служителей алтаря Господня и руководителей вѣрующихъ на пути ихъ нравственной жизни. И только такіе „добрые—пастыри“,—пастыри безупречной и безукоризненной нравственной жизни, „духомъ горящіе“ и плицемѣрно свѣтящіе міру свѣтомъ добродѣтелей своей жизни, какъ убѣжденные посланники Самого Пастыреначальника Господа Іисуса Христа,—только такіе пастыри въ наше многмятежное время могутъ явиться какъ „свѣтильники стоящіе на верху горы“... Они словомъ своимъ, проникновеннымъ горячей вѣрой въ Духа Истины и со властію сказаннымъ, какъ громомъ небеснымъ, могутъ отрезвить въ наши дни массы народныя отъ обуяващаго ихъ неразумія и заблужденія и провести со слезами и покаяніемъ къ подножію святѣйшаго знаменія Сына Божія; къ нимъ „достойно и праведно“ приложимы будутъ и слова Христа Спасителя: „*вы—свѣтъ міра*“!..

Священникъ Николай Загоровскій.

(Окончаніе будетъ).

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЦЕРКОВНО-МИССИОНЕРСКІЯ БРАТСТВА И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ БОРЬБѢ СЪ СЕКТАНТСТВОМЪ.

(„Братство любитъ“, 1-о Петр., 2 гл. 17 ст.).

Въ послѣднее время въ нашей Харьковской губерніи, а также и въ другихъ губерніяхъ мутнымъ потокомъ разливаются всевозможныя лжеученія, какъ-то: Толстовство, Штундизмъ, Молоканство, Іеговизмъ, Хлыстовство и др. Непрекращающемуся развитію сектанства способствуютъ, съ одной стороны, ненормальныя условія церковно-приходской жизни и религіозное

¹⁾ „Моя жизнь во Христѣ“.

невѣжество народныхъ массъ, а съ другой стороны усилившаяся пропаганда сектанства. Послѣ изданія закона „о свободѣ совѣсти“ наши сектанты дѣятельно принялись формировать свою миссію; они организовали „Евангелической миссіонерской комитетъ“, въ составъ котораго входятъ: разъѣздные, окружные, районные и другіе миссіонеры. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Харьковъ, Кіевъ, Одесса, Тифлисъ) ими открыты „Библейскіе курсы“, на которыхъ получаютъ научную подготовку будущіе апологеты и пропагандисты сектанства. По городамъ, селамъ и деревнямъ растетъ и усиливается ярая и фанатичная пропаганда сектантскихъ лжеученій, отпаденія отъ церкви не прекращаются, повсюду развивается религіозный индифферентизмъ, т. е. холодное и равнодушное отношеніе къ церкви. Какъ задержать дальнѣйшее развитіе сектантства и предохранить приходъ отъ растлѣвающего вліянія сектантскихъ пропагандъ?

Этотъ вопросъ неоднократно обсуждался на нашихъ епархіальныхъ, благотворительскихъ и другихъ съѣздахъ, гдѣ предлагались различныя мѣры и средства для борьбы съ возрастающимъ сектантствомъ, какъ напр. миссіонерскія чтенія, бесѣды, увѣщеванія сектантовъ отъ слова Божія и др. Нельзя отрицать условной пользы отъ этихъ мѣръ, но однихъ ихъ недостаточно для борьбы съ возрастающими пропагандами сектантства,—нужны и другія средства.

Въ чемъ заключается живучая сила и нравственная обаятельность нашего сектантства? Сектантскія общины хорошо организованы и сплочены строгою нравственною дисциплиною. Все свободное время сектанты проводятъ въ совмѣстномъ изученіи св. Писанія и въ пѣніи духовныхъ пѣснопѣній. Во всѣхъ общинахъ широко практикуется нравственная и матеріальная взаимопомощь, которая имѣетъ не послѣднее значеніе въ жизни нашего крестьянина, а почему и борьба съ сектантствомъ въ высшей степени затруднительна.

Изъ своей миссіонерской практики приведу одинъ характерный, наводящій на грустные думы, фактъ. Въ іюнѣ 1906 г. мнѣ пришлось вести бесѣды съ сектантами въ г. Краснокутскѣ. Сектанты интересовались бесѣдами, всегда являлись въ боль-

помъ количествѣ и охотно вступали со мною въ разсужденія по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Послѣ одной бесѣды два видныхъ сектанта раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ и изъявили желаніе присоединиться къ св. церкви, но въ то же время съ глубокою грустью они заявили: „Въ сектантской общинѣ мы привыкли проводить свободное время въ обществѣ религіозно-настроенныхъ людей, чтеніи св. Писанія и въ душе-полезныхъ бесѣдахъ, а отпадая отъ сектанства, мы теряемъ религіозно-нравственную взаимопомощь“. Послѣ этихъ словъ раскаявшіеся сектанты убѣдительно просили меня и бывшихъ на бесѣдѣ мѣстныхъ священниковъ организовать въ приходѣ религіозно-просвѣтительное братство, гдѣ они, а также и другіе религіозно-настроенные члены церкви могли бы находить духовное удовлетвореніе и нравственную поддержку. Отсюда видно, что упадокъ церковной дисциплины, отсутствіе нравственной и матеріальной взаимопомощи между членами церкви есть величайшій пробѣлъ въ нашей церковно-приходской жизни, а посему для религіозно-нравственнаго оздоровленія прихода и для успѣшной борьбы съ сектантствомъ однихъ миссіонерскихъ бесѣдъ и чтеній недостаточно. Что можетъ сдѣлать священникъ своими чтеніями и бесѣдами въ приходѣ, который совершенно парализованъ пропагандою сектанства. Религіозный индифферентизмъ огромнаго большинства православныхъ—вотъ характерная черта всѣхъ нашихъ приходовъ, зараженныхъ сектантствомъ, а тутъ еще являются фанатики сектанты, которые при всякомъ удобномъ случаѣ стараются пропагандировать свое лжеученіе и всѣми дозволенными и недозволенными средствами стремятся уронить авторитетъ священника въ глазахъ прихода. Они зорко слѣдятъ за частной жизнію священника, усматриваютъ его малѣйшіе недостатки, озадачиваютъ его неожиданными вопросами, вызываютъ на публичные диспуты и этимъ создаютъ ему тяжелую и невыносимую атмосферу. Священникъ скоро обезсиливаетъ въ этой неравной борьбѣ, чувствуетъ себя усталымъ, измученнымъ и одинокимъ, какъ Лоть въ Садомѣ, опускаетъ руки и впадаетъ въ апатію.

По нашему глубокому убѣжденію, для успѣшной борьбы съ

возрастающимъ сектанствомъ и для религіозно-нравственнаго оздоровленія прихода необходимо во всѣхъ приходахъ организовать церковно-приходскіе миссіонерскіе *братства* на началахъ строгой церковности. Братчики будутъ проводить свою жизнь по завѣтамъ евангелія, въ частомъ и неуклонномъ посѣщеніи храма Божія, въ строгомъ исполненіи постовъ и другихъ установленій св. церкви. Первымъ руководителемъ и вдохновителемъ братства долженъ быть мѣстный священникъ, подъ руководствомъ котораго братчики будутъ подробно и основательно знакомиться съ ученіемъ православной церкви, изучать св. Писаніе и обличеніе сектанства. На помощь себѣ священникъ всегда можетъ приглашать противосектантскихъ миссіонеровъ, которые должны оказывать ему самое широкое содѣйствіе въ дѣлѣ организаціи церковно-миссіонерскихъ братствъ и при обученіи братчиковъ дѣлу миссіи. Такіе братства будутъ представлять изъ себя въ приходѣ культурную силу, которая можетъ оказать полемическое противодѣйствіе воинствующему сектанству. Братчики будутъ вразумлять заблудшихъ, поддерживать колеблющихся и своевременно доносить священнику о пропаторскихъ дѣйствіяхъ сектантовъ въ различныхъ раіонахъ прихода и т. п. При помощи церковно-миссіонерскихъ братствъ священникъ успѣшно можетъ бороться съ нравственной распущенностію прихода; братчики будутъ оказывать нравственное вліяніе на порочныхъ членовъ прихода, будутъ побуждать ихъ къ частому посѣщенію храма Божія, къ исполненію постовъ и другихъ обрядовъ св. церкви. Кроме того, братчики будутъ оказывать нравственныя и матеріальныя поддержки вдовамъ, сиротамъ и вообще нуждающимся. Въ церковно-миссіонерскихъ братствахъ сами священники могутъ черпать для себя нравственныя силы и духовную бодрость, отсутствіемъ которыхъ особенно страдаетъ наше разобщенное и разъединенное духовенство. Съ постепеннымъ и повсемѣстнымъ развитіемъ церковно-миссіонерскихъ братствъ и ихъ плодотворной дѣятельности, сектанство будетъ терять свое привлекательное значеніе и уменьшаться въ численности. Всѣ религіозно и церковно настроенные члены церкви, ищущіе духовнаго удовлетворенія на сторонѣ, не будутъ отпа-

дать отъ церкви и пополнять ряды прозелитовъ сектантства, а будутъ находить духовное и нравственное удовлетвореніе въ дѣятельности церковно-миссіонерскихъ братствъ.

Такіе братства, по инициативѣ епархіальнаго миссіонера, съ благословенія Его Высокопреосвященства, уже открыты въ сл. Огульцахъ, Валковскаго уѣзда и слоб. Мурафѣ, Богодуховскаго уѣзда.

Отъ души привѣтствуемъ народившіеся церковно-миссіонерскіе братства и желаемъ имъ самаго широкаго развитія и процвѣтанія на благо и на пользу св. церкви.

Помощникъ Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера,
Григорій Щелковъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

О КНИГАХЪ ДИМ. ИВ. БОГОЛЮБОВА.

„Миссіонерскія бесѣды съ штундо-баптистами. Опытъ библейскаго обоснованія православно-христіанскихъ истинъ, отвергаемыхъ сектантами“. Изд. второе, переработанное и дополненное. Спб. 1908 г., I—IV+3—343 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкой. *Его же:* „Православный противо-сектантскій катихизисъ“. Изд. четвертое, снова исправленное и значительно дополненное. Спб. 1906 г. стр. 1—79 Цѣна 15 коп. *).

Имя Дим. Ив. Боголюбова, бывшаго Харьковскаго, а нынѣ С.-Петербургскаго миссіонера, хорошо извѣстно всѣмъ дѣятелямъ на миссіонерскомъ поприщѣ и работникамъ на нивѣ церковной въ Харьковской епархіи. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что съ упомянутыми книгами г Б—ва харьковцы уже знакомы,— по первымъ изданіямъ этихъ трудовъ. Намъ нѣтъ нужды, поэтому, распространяться о названныхъ книгахъ подробно.

Рекомендуя ихъ всѣмъ трудящимся на нелегкомъ миссіонерскомъ поприщѣ, мы считаемъ долгомъ сказать только, что первая изъ книгъ — „Миссіонерскія бесѣды съ штундо-баптистами“ въ новомъ (2-мъ) изданіи является значительно переработанной. Время и академическая критика, говоритъ самъ авторъ о новомъ изданіи «Бесѣдъ», потребовали то, что „одно въ нихъ должно быть за-

*) Выписывать можно отъ автора - по адресу: С.-Петербургъ, Большая Московская ул., № 4, кв. № 14.

ново переработанно, другое вовсе выброшено, а иное пребавлено.—Это и сдѣлалъ авторъ, насколько ему было по силамъ“ (стр. IV, Предисловія).

Указавъ методическіе совѣты, весьма полезные особенно начинающимъ миссіонарамъ, г. Б—въ приводитъ затѣмъ въ своей книгѣ примѣрныя бесѣды: о необходимости религіознаго единенія для христіанъ въ Церкви Божіей; объ оправданіи христіанъ вѣрою въ Сына Божія; объ источникахъ христіанскаго вѣроученія; о крещеніи младенцевъ (двѣ бесѣды); о личной христіанской святости; о Христовомъ священствѣ; о фарисеяхъ и книжникахъ, по 23 гл. Ев. Мѡ.; о святомъ причащеніи; о святомъ покаяніи и помазаніи елеемъ; о святыхъ мощахъ; о молитвахъ за умершихъ; о рукотворенныхъ Храмахъ Божіихъ; о почитаніи святыхъ иконъ; о почитаніи честнаго креста; о крестномъ знаменіи; о свв. постахъ Православной Церкви и о празднованіи воскресенья. Наконецъ въ книгѣ г. Б—ва приводятся бесѣды: о бывшихъ судебныхъ преслѣдованіяхъ сектантовъ („На молельни у штундо-баптистовъ“) и—о воображаемой извращенности христіанскаго взгляда на жизнь въ современной Православной Церкви. Оканчивается книга небольшимъ заключеніемъ.

Богатство содержанія, простота изложенія, тихій, спокойный тонъ сужденій автора и доступность книги по цѣнѣ дѣлаютъ «Миссіонерскія бесѣды» Д. Ив. Боголюбова прекраснымъ пособіемъ для всѣхъ лицъ, причастныхъ и интересующихся дѣломъ противосектантской миссіи. Авторъ имѣлъ въ виду «дать начинающимъ миссіонерамъ новую книгу «Весѣлъ», которая послужила бы для нихъ дѣйствительно *опытной школой* того, какъ въ полемическихъ видахъ, при современныхъ условіяхъ дѣланія, можно пользоваться библейскимъ текстомъ». И мы увѣрены, что благая цѣль автора будетъ достигнута...

Что касается до второго изъ выше указанныхъ изданій Д. Ив. Боголюбова, именно «Православнаго противосектантскаго катихизиса», то и послѣдній можетъ принести не малую пользу всѣмъ литературнымъ дѣлателямъ противосектантской миссіи.

Новоизданный катихизисъ раздѣляется на 8 главъ. Содержаніе каждой главы слѣдующее. Въ 1 гл. идетъ рѣчь о Св. Писаній и Св. Преданіи. Во 2-й—о вѣрѣ Евангельской и о добрыхъ дѣлахъ. Въ третьей—о составѣ церкви Христовой; о единствѣ святости и непогрѣшимости Церкви; о судѣ Церкви надъ грѣшниками; о правѣ Церкви вводить новые богослужебные обряды

для назиданія вѣрующихъ. Въ 4 гл.—о связи Церкви земной съ небесной; о почитаніи святыхъ и о молитвахъ за умершихъ христіанъ. Въ 5 гл.—о таинствахъ. Въ 6 гл.—о рукотворенной святынѣ; о рукотворенныхъ храмахъ; о свят. иконахъ и о почитаніи честнаго креста. Седьмая глава трактуеть о церковно-религіозныхъ уставахъ православныхъ, о празднованіи воскреснаго дня и о святыхъ постахъ. Затѣмъ—о крестномъ знаменіи, о крестныхъ ходахъ съ иконами, объ освященіи домовъ и колодцевъ и о путешествіяхъ христіанъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ. Наконецъ въ 8-й главѣ говорится объ общественныхъ или государственныхъ повинностяхъ христіанъ.

Уже изъ одного перечисленія содержанія главъ можно видѣть, что катихизисъ г. Боголюбова касается основныхъ вопросовъ противосектантской полемики. Въ новомъ изданіи книги г. Боголюбова, интересующіеся могутъ найти немало матеріала для опроверженія сектантскихъ лжеумствованій. Катихизическая форма изложенія мыслей значительно облегчаетъ читателя въ усвоеніи богатства содержанія названнаго матеріала. Цѣна книги, при ея безукоризненномъ изданіи, не дорогая. Л.

Архіерейскія богослуженія.

11-го октября, въ четвергъ, Преосвященнымъ Евгеніемъ, Епископомъ Сумскимъ, была отслужена литургія въ Харьковской Александро-Невской церкви въ сослуженіи протоіерея о. Тимофея Буткевича, благочиннаго протоіерея о. Василія Добровольскаго, священника о. Григорія Виноградова, благочиннаго священника о. Петра Вишнякова, священника о. Сергія Уманцева и священника о. Прокопьева. Послѣ литургіи Его Преосвященствомъ въ сослуженіи 24-хъ протоіереевъ и священниковъ г. Харькова совершеиъ былъ чинъ отпѣванія умершаго настоятеля сей церкви протоіерея о. Николая Сокольскаго. На погребеніи очень популярнаго и уважаемаго протоіерея собралось множество народа; кромѣ того, присутствовали учащіеся въ мужской и женской церковно-

приходскихъ школахъ, устроенныхъ покойнымъ протоіереемъ. Послѣ причастнаго стиха было произнесено надгробное слово протоіереемъ о. Василіемъ Борисоглѣбскимъ, а предъ опусканіемъ тѣла въ могилу были произнесены рѣчи учителемъ Н. Я. Арефьевымъ, однимъ пѣзъ учениковъ и двумя ученицами.

— 14-го октября, въ воскресенье, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Озерянскоіи церкви Цокровскаго монастыря въ сослуженіи архимандритовъ и іеромонаховъ. Въ кафедральномъ соборѣ въ этотъ день совершалъ литургію Преосвященный Евгений, Епископъ Сумскій, въ сослуженіи соборнаго духовенства.

— 17-го октября, въ день воспоминавія чудеснаго спасенія Царской Семьи при крушеніи поѣзда близь станціи „Ворки“, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній изволилъ совершать литургію въ кафедральномъ соборѣ, въ сослуженіи архимандритовъ: Анастасія и Арбадія, кафедральнаго протоіерея о. С. Любичаго и ключаря протоіерея І. Гончаревскаго. Послѣ литургіи былъ отслуженъ положенный молебенъ съ многолѣтіемъ Царствующему Дому и произнесеніемъ „вѣчной памяти“ Императору Александру III. На богослуженіи присутствовали: генераль-губернаторъ, вице-губернаторъ, попечитель учебнаго округа, представители городского управленія и много представителей военнаго вѣдомства, а также много молящихся.

Преосвященный Епископъ Евгенийъ еще наканунѣ этого дня выѣхалъ на мѣсто крушенія поѣзда, гдѣ въ 1 часъ дня читалъ акаенствъ въ храмѣ Спасова монастыря предъ чудотворною Озерянскою иконою Божіей Матери, а въ 6 час. вечера совершилъ въ томъ же храмѣ всенощное бдѣніе. 17-го же числа Его Преосвященствомъ совершенъ былъ въ 9 час. утра крестный ходъ съ Озерянскою иконою изъ Спасова монастыря въ храмъ Христа Спасителя на мѣсто крушенія, гдѣ была отслужена литургія, а послѣ нея благодарственный молебенъ. Послѣ возглашенія многолѣтія Государю Императору в Царствующему Дому Его Преосвященство крестнымъ ходомъ прослѣдовалъ въ часовню, что подъ желѣзнодорожною насыпью, и тамъ отслужилъ заупокойную литію съ возглашеніемъ „вѣчной памяти“ Императору Александру III и убіеннымъ при крушеніи царскаго поѣзда.

— 19-го октября, въ пятницу, Его Высокопреосвященство изволилъ служить въ кафедральномъ соборѣ, въ 11 час. утра, молебенъ предъ выборами членовъ Государственной Думы. Предъ

молебномъ Владыка обратился къ выборщикамъ съ слѣдующими словами: „Значеніе того дѣла, для котораго вы собрались въ сей градъ и къ которому приступите послѣ нашей молитвы съ вами, братіе, хорошо извѣстно... Въ Государственной Думѣ нужны дѣятели—истинные сыны нашего дорогого Отечества и вѣрные и преданные слуги нашего возлюбленнаго Монарха.. Помолимся Господу о томъ, чтобы Онъ въ выборѣ членовъ въ Государственную Думу направилъ ваши мысли, желанія и дѣйствія во славу имени Божія и св. Церкви Христовой, на благо дорогого нашего Отечества и на дѣйствительную пользу русскаго народа,—чтобы отвѣтствовали сему избранныя вами лица въ Государственную Думу и чтобы, наконецъ, таковы были и всѣ члены будущей Государственной Думы“. За сими былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ, кромѣ выборщиковъ во главѣ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, присутствовало много и сторовныхъ лицъ. Послѣ провозглашенія многолѣтій Государю Императору и богохранимой російской Державѣ г. г. выборщики подходили къ Елецкой иконѣ Божіей Матери и кресту.

— 20-го октября, съ день кончины Государя Императора Александра Александровича, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, въ сослуженіи ключаря собора протоіерея І. Гончаревскаго, священника о. Грвгорія Виноградова, священника о. Леонида Твердохлѣбова и священника о. Сергія Уманцева. Послѣ литургіи Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Евгеніемъ была отслужена панихида по Императорѣ Александрѣ III. На панихидѣ присутствовали генераль-губернаторъ, представители разныхъ вѣдомствъ и особенно военнаго, и много молящихся.

— 21-го октября, въ воскресенье и день восшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Епископомъ Евгеніемъ, архимандритами Деанасіемъ и Аркадіемъ, кафедральнымъ протоіеремъ о. С. Любичскимъ, ключаремъ протоіеремъ І. Гончаревскимъ и священниками о. Г. Виноградовымъ и о. Л. Твердохлѣбовымъ. За литургіей проповѣдь была сказана протоіеремъ о. Іоанномъ Пячетой. Послѣ литургіи былъ отслуженъ положенный молебенъ. На богослуженіи присутствовали: генераль-губернаторъ, командиръ 10 корпуса и много представителей раз-

ныхъ вѣдомствъ и учреждений. Соборъ былъ переполненъ молящимися.

— 22-го октября, въ день Казанской иконы Божіей Матери, Его Высокопреосвященство совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря. Въ каедральномъ соборѣ литургію совершалъ Преосвященный Епископъ Евгеній въ сослуженіи ключаря протоіерея І. Гончаревскаго, протоіерея о. В. Попова, священника о. Л. Твердохлѣбова и священника о. В. Яновскаго. Проповѣдь была произнесена протоіереемъ І. Гончаревскимъ.

Протоіерей Іоаннъ Гончаревскій.

Двадцатипятилѣтній юбилей священнослуженія о. благочиннаго 2-го округа Харьковскаго уѣзда священника о. Александра Вертеловскаго

Съ благословенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Еугенія, 16-го августа с. г. состоялось скромное чествованіе духовенствомъ 2-го округа Харьковскаго уѣзда благочиннаго священника о. Александра Вертеловскаго, по случаю исполнявшагося двадцатипятилѣтія служенія его въ священномъ санѣ.

Достоцитимый о. юбиляръ большую часть истекшаго двадцатипятилѣтняго періода священнослуженія, а именно двадцать три года и три мѣсяца прослужилъ на настоящемъ мѣстѣ, при Архангело-Михайловской церкви села Пересѣчнаго, Харьковскаго уѣзда. Поэтому и прихожане не остались равнодушны къ празднику „своего“ пастыря и приняли самое горячее молитвенное участіе.

Съ вечера 15-го августа о. юбиляромъ было отслужено всенощное бдѣніе, при сослуженіи четырехъ ближайшихъ священниковъ и трехъ діаконѡвъ, а по утру 16 августа юбиляръ совершилъ божественную литургію, въ сослуженіи шести священниковъ и четырехъ діаконѡвъ.

Во время обѣихъ службъ довольно помѣстительный приходской храмъ былъ переполненъ молящимися, которымъ не часто приходилось созерцать такое торжественное богослуженіе. Къ концу литургіи прибыли еще многіе священно-церковнослужители, такъ что, когда по окончаніи литургіи о. юбиляръ выступилъ на солею, то его встрѣтили 16 священниковъ и 6 діаконѡвъ. *)

Отъ округа привѣтствовалъ о. юбиляра помощникъ благочиннаго священникъ Е. Поповъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

*) Въ округѣ всѣхъ іереевъ 19, въ томъ числѣ считая и о. юбиляра.

„Ваше Высокопреподобіе,
Досточтимый во Христѣ собратъ
Отецъ Александръ!

Съ милостиваго благословенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Евгенія, мы священно-церковно служители округа, дружной семьей собравшіеся сегодня въ этотъ благолѣпный храмъ, радостно привѣтствуемъ Васъ съ исполнившимся по мволости Божіей двадцатипятилѣтіемъ служенія Вашего въ священномъ санѣ.

Высоко служеніе „служителей Господнихъ“ (2 Кор. 6, 4), предстоятелей у Престола Его в строителей Тавнъ Божіихъ (1 Кор. 4, 1), въ которыхъ желаютъ проникнуть самые ангелы (1 Петр. 1, 12).

Святой Григорій Богословъ, размышляя о высокомъ достоинствѣ пастырскаго служенія, говоритъ, что „пастырь долженъ стоять съ ангелами, славословить съ архангелами, возносить жертвы въ горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсоздать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра“.

Они являются продолжателями совершеннаго Иисусомъ Христомъ величайшаго дѣла—спасенія людей, посредниками между Богомъ и людьми. Они облечены такою властью, какою Богъ не далъ, по словамъ святаго Іоанна Златоустаго, «ни ангеламъ, ни архангеламъ», такъ какъ Господь Иисусъ Христосъ только пастырямъ своимъ заповѣдалъ: «что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ» (Матѣ. 18, 18).

Но насколько велики полномочія пастыря, настолько велика и нравственная отвѣтственность его за врученную ему Богомъ паству, ибо по слову Господнему: „кому много ввѣрено, съ того много и взыщется“ (Лук. 12, 48). А вслѣдствіе того, что пастырю нужно править слабымъ и немощнымъ человѣкомъ, пастырское служеніе—наитруднѣйшее служеніе и по выраженію Златоустаго „дѣйствительно есть искусство въ искусствѣ и наука изъ наукъ“.

Къ этому многотрудному дѣланію Господь призвалъ Васъ, досточтимый и дорогой собратъ, подвязаться четверть вѣка. Со славою и честію Вы проходили свое служеніе, ревностно заботились о спасеніи духовныхъ чадъ своихъ, множество юныхъ душъ воспитали въ духѣ святой Церкви и были по истинѣ „пастыремъ добрымъ“ (Іоан. 10, 11). Ваши пастырскіе труды усугубились еще прохожденіемъ различныхъ должностей по округу, какъ-то: окруж-

ного катихизатора, наблюдателя за церковно-приходскими школами, наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ школахъ округа и окружного депутата. Наконецъ, въ 1905 году, мудрый святитель нашъ Архіепископъ Арсеній, видя въ Васъ примѣрнаго приходскаго пастыря и усерднаго исполнителя, поручаемыхъ Вамъ Епархіальнымъ Начальствомъ, должностей, ввѣрилъ Вашему попеченію второй округъ Харьковскаго уѣзда.

Въ настоящее время, когда спокойное теченіе приходской жизни сильно затрудняется дѣятельностью различныхъ отщепенцевъ, а вольномыслие и невѣріе пропикаетъ и въ сельскіе приходы,—намъ тѣмъ необходимѣе имѣть во главѣ округа столь опытнаго руководителя и совѣтника, у котораго всегда можно найти разрѣшеніе своихъ недоумѣній и братскую поддержку. Отношенія Ваши къ намъ постоянно отличались привѣтливостью, благожелательностью и радушіемъ. Мы глубоко признательные, нынѣ сорадуемся Вамъ и благодаримъ и молимъ Господа Бога: да будетъ Ваше пастырское служеніе еще на многіе годы благоуспѣшно и да удостовѣтъ Васъ Вседержитель въ добромъ здоровьи увидать даже день пятидесятилѣтія Вашего служенія.

Въ знакъ-же нашего единенія съ Вами и наилучшихъ молитвенныхъ пожеланій, соблаговолите принять отъ насъ святой образъ соименнаго Вамъ угодника Божія и молитвенника Вашего—Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, молясь которому воспоминайте и насъ немощныхъ собратій Вашихъ“.

Святой образъ поднесли досточтимому о. юбиляру почтеннѣйшіе въ округѣ протоіереи—о. П. Шокотовъ и о. М. Соколовскій. О. Юбиляръ принялъ святой образъ, преклонивъ колѣна и облобызавъ его, и послѣ сего отвѣтилъ духовенству приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

„Досточтимые Отцы!

Не нахожу словъ для выраженія чувствъ признательности и благодарности за привѣтствіе и поднесеніе образа святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, чѣмъ Вы возжелали молитвенно ознаменовать, отъ нынѣ сугубо-памятный для меня день 25-ти лѣтняго моего служенія Церкви Божіей. Сознывая свое недостоинство, я въ благоговѣйномъ трепетѣ исповѣдую великія и богатые Божія милости ко мнѣ немощному и многогрѣшному, яко-же человѣку и паче пастырю, подлежащему отвѣту не за себя только, но особенно за врученное Промысломъ Божиимъ словесное стадо. Въ привѣтствіи Вы выражаете похвалы мнѣ за прохожде-

ніе разныхъ должностей въ округѣ, при чемъ подносите св. образъ. Въ томъ и другомъ случаѣ я нахожу для себя и для присутствующихъ здѣсь великое назиданіе: Вы какъ бы такъ говорите: вотъ что сдѣлано за 25 лѣтъ служенія, но надо взглянуть на сей образъ и припомнить св. жизнь и дѣянія угодника Божія, написаннаго на немъ. Вспомнимъ хотя кратко исторію княженія св. Александра.

Въ многоскорбное, подобное нашему, время жилъ боголюбивый князь: и шведы, и нѣмцы, и монголы, какъ-бы сговорившись терзали русскую землю. И князь Александръ, при явной помощи Божіей, однихъ враговъ побѣдилъ силою оружія; другихъ, самыхъ сильныхъ и страшныхъ, — монголовъ — съумѣлъ смягчить своею „мудростію“. Онъ, пожертвовавъ своимъ княжескимъ достоинствомъ, четыре раза ѣздилъ въ орду, въ станъ монгольскій, чтобы склонить предводителя монголовъ — Батюя — на милость и избавить русскую землю отъ страшнаго ига. И благодаря мудрымъ и цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ св. князя, Русь, совершенно покоренная монголами и не имѣвшая возможности бороться съ ними, получила отъ сильныхъ и дивныхъ властителей права державы, почти самостоятельной. Не напрасно-же митрополитъ Кирьялъ, когда пришла горестная вѣсть о смерти св. князи, со слезами воскликнулъ къ народу: „Чада мои милыя, закатилось солнце земли русской!“ Слезы и рыданія народа прервали рѣчь митрополита. Угасъ великій князь, почая отъ трудовъ и подвиговъ земныхъ, но оставилъ намъ завѣщаніе и урокъ для подражанія его житейской спасительной мудрости. Будемъ надѣяться, что и теперь Святой Князь, по усерднымъ молитвамъ нашимъ, сохранитъ и спасетъ наше отечество отъ тѣхъ золъ, которыми оно обуревается въ наше время. Будемъ чаще молитвенно обращаться къ Нему, защитнику Русской Земли!

Спаситель, посылая своихъ учениковъ на евангельскую проповѣдь, между прочимъ сказалъ: Я посылаю васъ какъ овецъ, среди волковъ: и такъ, будите мудры, какъ змій и просты, какъ голуби (Мѡ. 10, 16). Это значитъ, что надобно, какъ себя беречь и свое стадо отъ растерзанія злыми людьми, такъ не упускать изъ виду и успѣшнаго достиженія своей доброй цѣли. Апостолы и держались этого правила. Господь сказалъ: «блаженн кротцыи, яко тѣи наслѣдять землю», т. е. благоразумно кроткими поддерживается мирный строй жизни. И св. Александръ въ этомъ направленіи и дѣйствовалъ! Если когда, такъ именно теперь, въ переживаемые нами

дни, особенно нужно в дороге намъ наставленіе, поученіе минувшаго, поучиться, гдѣ нужно, благоразумной кротостя, а гдѣ нужно твердости въ отстаиваніи строя церковнаго, въ проведенія въ жизнь заповѣдей Христовыхъ, въ охраненіи вѣры православной, защищеніи правъ Царя самодержавнаго и народности русской. Если когда, такъ ужъ вменно теперь, благовременно предложить себѣ на молитвенную память и въ руководство жизнь и дѣятельность св. Благовѣрнаго князя Александра. Да будетъ же онъ — угодникъ Божій, спутникомъ и руководителемъ въ дальнѣйшемъ моемъ служеніи! Васъ-же, досточтимые отцы, сердечно благодарю за подношеніе св. образа; съ благоговѣніемъ лобызаю его и поставляю своимъ долгомъ молиться у сего образа о себѣ и о Васъ, да испошлетъ Господь, по молитвамъ св. Александра, помощь и лѣпно работать на нивѣ Божіей, да минуетъ настоящее лихо-лѣтіе, да твердо и незыблемо стоятъ вѣра Христова, и благоденствуетъ отечество наше“.

Когда о. кбляръ окончилъ свою рѣчь къ духовенству, подошла къ нему депутація отъ прихожанъ, поднесшая бархатную кампавку и хлѣбъ-соль. При этомъ поднесеніи волостной писарь, г. Кіепко (онъ-же в прихожанинъ), привѣтствовалъ своего пастыря въ такихъ словахъ:

„Ваше Высокопреподобіе,
Досточтимѣйшій Отець Благочинный,
Александръ Николаевичъ!

Благословенъ Господь Богъ, даровавший Вамъ крѣпость и силу твердо и непреткновенно пройти въ теченіе двадцати пяти лѣтъ многотрудное поприще служенія пастырскаго. Всѣ почти двадцать пять лѣтъ служенія своего, Вы провели при святомъ Архангело-Михайловскомъ храмѣ с. Пересѣчнаго и своей паствѣ отдали лучшіе годы своей жизни. Вы привели храмъ въ благолѣпный видъ; законоучительствуете въ нѣсколькихъ мѣстныхъ школахъ, и много добраго сѣмени посѣяли въ сердцахъ молодыхъ людей. Ревностью и заботливостью о приходѣ и паствѣ Вы по достоинству сняскали къ себѣ любовь прихожанъ в школы. Въ знакъ преданности нашей, примяте отъ насъ хлѣбъ-соль и кампавку“.

Изъ депутація говорилъ рѣчь еще другой прихожанинъ, г. Новохатскій, который благодарилъ о. кбляра отъ лица всѣхъ прихожанъ за понесенные труды и заботы и указалъ на ту отличительную черту въ дѣятельности своего духовнаго пастыря, что у него слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Въ подтвержденіе

вѣрности высказаннаго, всѣ присутствовавшіе на торжествѣ прихожане громко заявлял: «Покорнѣйше благодаримъ Васъ, батюшка, за Ваши заботы и Ваше попеченіе о насъ».

Такое сердечное отношеніе прихожанъ къ пастырю невольно вызывало сердечное умиленіе. Расчувствованный о. юбиляръ отвѣчалъ прихожанамъ слѣдующее:

„Отъ всей души приношу Вамъ, возлюбленные, искреннюю благодарность за подпошенія и привѣтствіе съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ моей священнической службы у васъ. За столь продолжительный періодъ дѣланія моего пастырскаго, вы всегда жили со мною, какъ дѣти со своимъ отцомъ, ища у меня разрѣшенія разныхъ недоумѣнныхъ вопросовъ, совѣта въ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ и съ своей стороны оказывая мнѣ содѣйствіе въ благоустройствѣ народной школы, въ устройствѣ зданія для церковно-приходской школы, въ пріобрѣтеніи новыхъ колоколовъ, и въ приведеніи приходского храма въ благолѣпный видъ. Въ совмѣстной работѣ мы много полезнаго сдѣлали для нашего прихода. Но не могу умолчать и о печальной страницѣ изъ исторіи нашего прихода. Приходъ нашъ извѣстенъ среди окружающихъ приходо́въ, какъ наиболѣе зараженный сектантствомъ, которое въ настоящее время сплотившись, сьорганизовалось и объединилось для дальнѣйшей пропаганды своего душепагубнаго лжеученія. Кто виноватъ въ томъ, что это зло явилось въ нашемъ приходѣ? Не могу сказать, что я не виноватъ—проспалъ,—«а пріиде врагъ» и посѣялъ плевелы по среди пшеницы и «отъиде». Жизнь прихода то же давала пищу для возникновенія секты. Необходимо было стоять на стражѣ, а мы не видѣли опасности. Слѣдуетъ намъ воспринять духомъ хоть теперь, пока не поздно; объединимся, мужественно и дружно пойдемъ противъ сектантскаго лжеученія, съ крестнымъ знаменіемъ, съ молитвою на устахъ и въ сердцахъ, и съ запасомъ необходимыхъ знаній. Прошу не посѣтовать на меня, что я напомнилъ объ этомъ печальномъ явленіи прихода въ настоящій торжественный и свѣтлый день; да не омрачится онъ, ибо истину свидѣтельствовать надо не стѣсняясь и безбоязненно. Напоминаніе это да послужитъ намъ въ пользу и да будетъ, я уповаю, этотъ день началомъ дружной нашей работы съ Вами на благо церкви и нашего прихода и если не удастся вырвать съ корнемъ зла, то недопустимъ по крайней мѣрѣ дальнѣйшаго его распространенія. Твердо надѣмся, что Господь „пробавитъ милость Свою“ въ бу-

душемъ. Въ теченіе моей службы у Васъ, я многого не исполнилъ, къ чему призванъ. Простите мои прегрѣшенія вольныя и невольныя. Въ заключеніе, еще разъ сердечно благодарю за привѣтствіе и Вашу дорогія для меня подношенія и предлагаю помолиться Господу и возблагодарить Его за неизреченныя благодѣянія“.

Послѣ благодарственнаго Господу Богу молебнаго пѣнія, о. юбилляръ, самъ неся св. образъ Александра Невскаго, направился въ свой домъ, въ сопровожденіи чествовавшихъ его и при пѣніи краткаго молебна, законченнаго въ самомъ домѣ. По русскому обычаю радушный хозяинъ предложилъ посѣтывшимъ хлѣбъ-соль, во время которой имъ былъ прознесенъ тостъ за драгоцѣннѣйшее здоровье Государя Императора, покрытый воодушевленнымъ пѣніемъ народнаго гимна, а затѣмъ за Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія и Преосвященнѣйшаго Епископа Евгенія.

Въ свою очередь, присутствовавшимъ былъ предложенъ тостъ за здоровье досточтимаго о. юбиляра.

Скромное торжество продолжалось недолго, но добрая память о немъ сохранится надолго. Думаемъ, что оно еще болѣе скрѣпитъ тѣсныя узы между пастыремъ и паствою и объединять и воодушевить окружное духовенство въ ихъ стремленіи Церкви и Отечеству.

Священникъ Евѣимій Поповъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Избраніе о. о. благочинныхъ.

Вятскому преосвященному, возбуждавшему ходатайство о введеніи выборнаго начала благочинныхъ въ Вятской епархіи, указомъ Св. Синода отъ 29 ноября 1906 г. дано знать, что „вопросъ о порядкѣ замѣщенія должности благочинныхъ подлежитъ разсмотрѣнію на предстоящемъ помѣстномъ соборѣ Россійской церкви и потому нынѣ Св. Синодомъ не усматривается основаній къ его разсмотрѣнію.“

Послѣ такого категорическаго указанія высшей центральной духовной власти—вопросъ о благочинныхъ, конечно, снимется съ очереди до созыва помѣстнаго собора, когда онъ получитъ свое разрѣшеніе.

Характерное явленіе случилось съ избраніемъ благочинныхъ въ Оренбургской епархіи, о чемъ такъ рассказываетъ корреспондентъ „Правосл. Путеводителя“ (1907 г. № 3, 241 стр.): „Постановленіе объ избраніи благочинныхъ состоялось на XI общеепарх. създѣ... Снисходительный и тактичный Преосвященный утвердилъ постановленіе и оно вошло въ силу. Начались всюду выборы новыхъ, достойныхъ, по мнѣнію духовенства, лицъ на трехлѣтіе въ должности благочиннаго. Казалось бы, что административное назначеніе практиковавшееся около двадцати лѣтъ, не удовлетворило, если рѣшено его замѣнить избирательнымъ началомъ... Естественно было ожидать, что съ новаго года большинство прежнихъ (болѣе 40) благочинныхъ епархіи, вмѣющихъ достаточную опытность и заслуги за собою, будетъ отвергнуто. Опасалась и консисторія за судьбу дѣлопроизводства съ новыми, неопытными лицами. Но вышло не такъ. Епархіальныя вѣдомости приносятъ извѣстія, что почти повсюду, то единогласно, то подавляющимъ большинствомъ избраны и епископомъ утверждены прежніе о.о. благочинные. Духовенство епархіи не оказалось солидарнымъ со своими представителями на епарх. създѣ и послѣдніе не оказались выразителями желаній своихъ довѣрителей. Странно, но обычно. Не были же члены Госуд. Думы выразителями нуждъ и желаній своихъ довѣрителей. Какъ бойкіе quasi прогрессисты, они желали лишь ломки старыхъ порядковъ и установленія новыхъ. Они не хотѣли и считаться съ желаніемъ большинства народа. То же случилось въ миниатюрѣ в здѣсь ...

Отзывчивость пермскаго городского духовенства на нужды мѣстнаго епархіальнаго женскаго училища.

Духовенство г. Перми проявило симпатичную отзывчивость къ нуждамъ мѣстнаго епархіальнаго женскаго училища. Училище это не вмѣетъ средствъ на достройку необходимыхъ зданій. Средствъ этихъ невозможно добыть путемъ обложенія церквей, которыя и безъ того обременены матеріальной тяготой по содержанію училища. Въ виду такого затрудненія пермское городское духовенство въ благочинническомъ собраніи единогласно рѣшило: отчислять необходимую на достройку училища сумму изъ своихъ личныхъ средствъ въ такомъ размѣрѣ: псаломщики должны вносить ежегодно 3 руб., штатные діаконы—6 руб., священники—9 руб., а штатные протоіереи—по 12 рублей.

О пастырскихъ собраніяхъ въ Костромской епархіи

Въ «Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (въ № 10) находимъ печальный отзывъ о пастырскихъ собраніяхъ въ епархіи. Оказывается, что собранія эти тамъ туго прививаются. Мѣстное духовенство разочаровалось въ тѣхъ пастырскихъ собраніяхъ, какія были, такъ какъ увидѣло полную ихъ бесплодность. Бесплодность же происходила оттого, что на собраніяхъ этихъ только говорятъ и говорятъ, притомъ сразу же и объ одномъ, и о другомъ, в третьемъ предметахъ. Понятно, такія пастырскія собранія способны лишь убить въ пастыряхъ нужную для дѣла энергію. Участники подобныхъ пастырскихъ собраній выходятъ изъ нихъ не съ пріободреннымъ духомъ, а съ сумбуромъ въ головѣ да съ желаніемъ на будущій разъ уклониться отъ посѣщеній такихъ собраній.

Разныя извѣстія и замѣтки.**Плоды безбожія.**

Поучительную справку даетъ одинъ наблюдательный французскій врачъ о томъ, къ какимъ безотраднымъ послѣдствіямъ приводятъ невѣріе, забвеніе и поправіе законовъ Божіихъ. Вотъ его подлинныя слова, напечатанныя во французскомъ журналѣ: „20 лѣтъ я практикую, и на моихъ глазахъ произошло паденіе многихъ благополучій въ знакомыхъ миѣ домахъ. Вотъ результаты моихъ наблюденій. Изъ 342 распавшихся семействъ 320 совсѣмъ не посѣщали храма. Изъ 417 заблудившихся, обезчестивъ своихъ родителей, молодыхъ людей и дѣвицъ только 12 не чуждались церковной молитвы. Изъ 23 банкротовъ ни одного нельзя было видѣть въ храмѣ по праздничнымъ днямъ. Изъ 25 сыновей, безсердечно отнесшихся къ родителямъ, 24 съ дѣтскаго возраста ни разу не готовились по-христіански встрѣтить свѣтлые дни Пасхи. Я подавленъ ужаснымъ краснорѣчіемъ этихъ мною собранныхъ цифръ, но — сказать ли? — я испытываю нѣкоторое удовлетвореніе, увѣряясь

въ справедливости Божіей къ тѣмъ, которые противъ Него возстали и злоупотребляютъ Его благодію“.

Опыты соціального сожителства.

«Жизнь Сѣверн. Кавказа» сообщаетъ объ интеллигентной колоніи Бриница, въ 4-хъ верстахъ отъ Геленджика. Основатели этой колоніи—толстовцы, съ нѣкоторыми уклоненіями отъ обычнаго ихъ типа. Основные же принципы колоніи: физическій трудъ, какъ непремѣнное условіе здоровой жизни; духовное едиченіе, какъ залогъ братскихъ отношеній; равенство всѣхъ членовъ, исключеніе частной собственности и наемнаго труда и т. п., не могутъ быть осуждаемы. Какъ толстовцы, колонисты, разумѣется, противники вина и всякаго другого дурмана. Что же получалось въ дѣйствительности отъ првлженія всѣхъ этихъ началъ въ жизни?

Да почти ничего, говоритъ газета, кромѣ безкопечныхъ разочарованій въ возможности устроить жизнь на началахъ братства и равенства. Всѣ эти начала пришлось отбросить при первомъ же столкновеніи съ суровой дѣйствительностью. «Не прибѣгать къ наемному труду“... Но на первыхъ же порахъ пришлось это правило отбросить, такъ какъ слабые физически интеллигенты не могли справиться съ тяжелыми работами. Невозможно оказалось покрывать расходы колоніи продуктами съ поля, огорода, сада, и колонисты садятъ виноградъ. Естественнымъ слѣдствіемъ явилось винодѣліе, а затѣмъ и продажа «дурмана»,—вина. Духовное едиченіе вылилось въ такія уродливыя формы, что лучше о немъ и не говорить. И такъ все.

Урокъ, кажется, хорошій и совсѣмъ свѣжій передъ глазами, а теперь снова въ черноморскомъ побережьи между Сочи и Сухомомъ предполагается устройство трудовой колоніи на началахъ очень далекихъ отъ жизни. Физическій трудъ для всѣхъ, исключеніе частной собственности, наемнаго труда, равенство всѣхъ, общественное воспитаніе дѣтей и т. д., т.-е. снова начнется сказка про бѣлаго бычка. И какъ не надоѣсть! Съ другой стороны, если въ небольшой колоніи люди приблизительно одного развитія общественнаго положенія, стремленій и вкусовъ, никакъ не могутъ спѣться, то какъ же водворить соціалистическій рай на всей землѣ?

Открыта подписка на 1907—8 г.г.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ, необходимый въ каждой семьѣ

ХОЗЯЙКА

Подписная цѣна со всѣми
приложеніями
въ 5 руб. | ^{1/2} года 3 руб.

О цѣли журнала „Хозяйка“ краснорѣчиво говоритъ какъ содержаніе №№ журнала, такъ и содержаніе всѣхъ приложений. Съ 1 ноября 1907 г. по 1 ноября 1908 г. „Хозяйка“ дастъ: 52 №№ еженедѣльных №№ журнала, содержащихъ всѣ новости изъ области хозяйства, домоводства, гигиены, педагогика и т. д., и сверхъ того 105 слѣдующихъ приложений:

6 №№ Мать и Дѣти. Въ этомъ приложеніи будетъ собранъ и тщательно разработанъ обширный матеріалъ, относящійся къ вопросамъ всесторонняго воспитанія характера и воли ребенка. Редакція не будетъ впадать здѣсь въ теоретическія разсужденія, а укажетъ подписчикамъ на тѣ факты, которые создаютъ дѣтское счастье и вмѣстѣ съ ними — полезныхъ гражданъ и гражданокъ. 6 №№ Игры и Спортъ. Названіе этого приложенія говоритъ само за себя. Къ участию въ немъ приглашаны видные спеціалысты. 6 №№ Спиритизмъ, Гипнотизмъ и Оккультизмъ. Популярное изложеніе этихъ некогда не перестававшихъ возбуждать интересъ всѣхъ слоевъ общества наукъ. Розоблаченія профессионаловъ. Замѣчательные случаи изъ жизни. Методика домаш. применія. 6 №№ Хорошіе тоны Въ этой области за послѣдніе годы произошло много коренныхъ видоизмѣненій. Россія особенно шагнула въ свѣтской жизни впередъ. Въ этомъ приложеніи читатели найдутъ рѣшительно все, относящееся къ обычному и парадному этикету. 6 №№ Историческія женщины. Посвящая изданіе преимущественно женщинамъ, редакція находитъ умѣстнымъ, въ видѣ занимателн. и полезн. чтенія, дать нѣсколько очерк. замѣчательныхъ женщинъ. 4 №№ Колыбельныя пѣсни и сказки. Въ этомъ приложеніи будетъ собранъ и обработанъ соотвѣтственный матеріалъ лучшихъ авторовъ. 12 №№ Моды. Тщательное исполненіе рисунковъ новѣйшихъ фасоновъ платьевъ, костюмовъ блузъ, жакетовъ, капотовъ, бѣлья и вообще всѣхъ принадлежностей, главнымъ образомъ, женскаго гардероба. Большое вниманіе будетъ удѣлено дѣтскому туалету. Къ каждому рисунку будетъ прилагаться толковое объясненіе преподават.-спеціалыстки. 6 №№ Туалетные секреты. Среди выбрасываемыхъ ежедневно на рынокъ продуктовъ, относящихся къ уходу за кожей, волосами, зубами и проч., за исключеніемъ грубо рекламируемыхъ средствъ, рассчитанныхъ на легковѣрныя публики, имѣется, особенно на западѣ, масса чрезвычайно полезныхъ препаратовъ. Разборъ послѣднихъ порученъ редакціей врачамъ-спеціалыстамъ, которые въ сжатой, но вполне достаточной формѣ укажутъ и названія заслуживающихъ вниманія препаратовъ, и подробное описаніе способа домашняго приготовленія ихъ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ разоблачены секреты многихъ продающихся за громадные деньги средствъ, стоимость которыхъ при домашнемъ приготовленіи сведется къ нѣсколькимъ копѣйкамъ. 52 №№ особыхъ литературныхъ приложеній. Новости литературы отечествен. и иностр. Романы, повѣсти, рассказы и т. д. Меню на каждый день. Кроме того, всѣ годовые подписчики „Хозяйки“ получаютъ бесплатно по собственному выбору одно изъ двухъ слѣдующихъ цѣнныхъ приложеній:

1) Всемирно-извѣстное сочиненіе доктора Пюсса „Женщина“ въ роскошномъ изданіи, на превосходной бумагѣ, 2 большихъ тома, свыше 1,000 страницъ текста и около 500 рисунковъ. Цѣна этой книги въ отдѣльной продажѣ 10 руб. Приложеніе это выдается немедленно при подпискѣ. 2) Домашняя аптека ящикъ съ полнымъ наборомъ всѣхъ необходимыхъ предметовъ для оказанія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и для леченія заболѣваній до прибытія врача. Прилож. это будетъ высл. не позже 15 дек. с. г.

Гг. иногородніе на перес. прилагаютъ 1 руб.

Издатель К. Ивановъ.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Владимірскай 10, кв. 50.

Открыта подписка съ ноября 1907 года по ноябрь 1908 года на новый литературно-художественный, общественный, семейный и популярно-научный иллюстрированный еженедельный журналъ.

ЖЕНЩИНА

(ГРАЖДАНКА.—ЖЕНА.—МАТЬ.—ХОЗЯЙКА).

Редакція журнала „ЖЕНЩИНА“ разошлетъ своимъ подписчикамъ въ теченіе юлійскаго года слѣдующе

ДВѢНАДЦАТЬ ЖУРНАЛОВЪ:

25 нум. иллюстрированнаго журнала **Женщина-Гражданка** Этотъ журналъ посвященъ защитѣ женщины, ея правъ и достоинства: поддержки женской самостоятельности; обзору женской дѣятельности въ политической и общественной жизни странъ всего міра 25 нумеровъ иллюстрированнаго журнала **Женщина-Жена**. 25 нум. иллюстриров. журнала **Женщина-Мать**. Стремись помочь женщинѣ выполнить возможно лучше обязанности матери, нашъ журналъ дастъ ей цѣнный свѣдѣнія по гигиенѣ дѣтскаго возраста и разумному воспитанію дѣтей. Мы будемъ знакомить читателей съ новѣйшими теченіями въ педагогическомъ мірѣ Западной Европы и Америки, со всѣми послѣдними системами воспитанія. 25 нум. иллюстриров. журнала **Женщина-Хозяйка** 25 нум. иллюстрир. журнала **Женщина-Врачъ** Статьи и свѣдѣнія, изложенныя вполне доступнымъ и понятнымъ языкомъ, по всѣмъ вопросамъ популярной медицины, гигиены и санитаріи, освѣщающія всѣ могущіе интересовать читателя вопросы сохраненія его здоровья. Подача первой помощи до прибытія врача. Особенное вниманіе будетъ обращено на отдѣлъ „Естественные методы леченія“, т. е. леченіе болѣзней безъ помощи лѣкарствъ. 25 нум. иллюстрир. журнала **Женскій Міръ**. Романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Театръ, музыка и живопись. Фельетонъ. Среди газетъ и журналовъ. Письма изъ заграничья. Критика и библіографія. Научныя новости. Юридическій отдѣлъ. Репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ. Ноты и ариятуры. Слѣсъ Почтовый ящикъ. 25 нум. иллюстрированнаго журнала **Дѣтскій Міръ**. Нашъ журналъ есть собраніе всевозможныхъ игръ и развлеченій для дѣтей различныхъ возрастовъ. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Запятательныя картины. 25 нум. иллюстрированнаго журнала **Домашній Столъ**. Какъ готовить здоровыя и дешевыя кушанья. Скоромный, постный и вегетаріанскій столъ. Реценты какъ для скоромнаго стола, такъ и для самой тонкой изысканной кухни. Покупка и сохраненіе различныхъ припасовъ. Способы распознавать фальсификацію всевозможныхъ продуктовъ. Подробное меню на двѣ недѣли. 25 нум. иллюстриров. журнала **ЦВѢТЫ, ОВОЩИ И ПЛОДЫ**. Компатное цвѣтоводство. (Цвѣточные горшки. Земля для цвѣтовъ. Пересадка растений. Уходъ за цвѣтами). Садоводство. Огородничество. Плодоводство. 25 нумеръ иллюстрированнаго журнала **Домашнія Животныя**. 25 нум. иллюстрир. журнала **Домашняя Энциклопедія**. 25 нум. иллюстрирован. журнала **Послѣднія Моды**.

Безлатные свѣты специалистовъ на всѣ вопросы подписчицъ. Редакція отдѣловъ распределѣна между сотрудниками по ихъ спеціальностямъ.

Подписная цѣна: на годъ 6 руб., 6 мѣсяцевъ 3 руб. 50 к., 3 мѣсяца 2 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., 1 февраля 1908 г. 1 р., 1 апрѣля 1 р. и 1 мая 1 р. съ доставкой и пересылкой по всей Имперіи.

Подписныя деньги и письма адресовать въ главную контору „Народная Польза“ товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.

С.-Петербургъ, Коломенская улица, собств. домъ, № 39.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Божесловіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣлаева.—„Книга Руоъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія моизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ливницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ повѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній. Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.